



БЕЛОВСКИЙ СБОРНИК

Вологодская областная универсальная научная библиотека
им. И. В. Бабушкина
Вологодский государственный университет

БЕЛОВСКИЙ СБОРНИК

Выпуск 11

Под общей редакцией С. Ю. Баранова

Вологда
2025

УДК 82.2(470.12)
ББК 83.3(2Рос-4Вол)6
Б43

Редколлегия:
Баранов С. Ю. (ответственный редактор),
Буханцева Т. Н., Колесова И. Е.

Составитель:
Баранов С. Ю.

Б43 Беловский сборник. Вып. 11 / Вологодская областная универсальная научная библиотека им. И. В. Бабушкина, Вологодский государственный университет ; под общей редакцией С. Ю. Баранова ; составитель: Баранов С. Ю. – Вологда : ВОУНБ, 2025. – 263 с. : ил., табл.

ISBN 978-5-6054173-2-3

Сборник содержит материалы докладов, прочитанных на Всероссийском научном семинаре «Творчество Василия Белова в контексте современности: патриотизм и гражданская позиция в эпоху глобальных вызовов», на заседаниях научно-тематической секции «Вологодская литература в современном восприятии», а также выступлений, прозвучавших в рамках XII Всероссийских Беловских чтений «Белов. Вологда. Россия».

Адресовано работникам культуры, сотрудникам образовательных учреждений, а также всем интересующимся данной тематикой. Статьи публикуются в авторской редакции.

УДК 82.2(470.12)
ББК 83.3(2Рос-4Вол)6

ISBN 978-5-6054173-2-3

© БУК ВО «Вологодская областная
универсальная научная
библиотека», 2025
© ФГБОУ ВО «Вологодский
государственный университет», 2025

**«ОТВОРИ МНЕ ДУХОВНЫЕ ОЧИ...»
ВОЛЯ К ПРОСВЕТЛЕНИЮ ИСТОРИИ В ТВОРЧЕСТВЕ
В. И. БЕЛОВА**

Аннотация. Цель статьи – рассмотреть законы формирования и развития литературной традиции в поэтике В. И. Белова. Особое внимание уделяется трансформации житийного жанра в пьесе «Князь Александр Невский» и новелле «Такая война». Автор приходит к выводу, что в поэтике Белова происходит обновление средневековой жанровой традиции, пропущенной через стихию народной жизни и ее «нутряную» философию. Анализ обновленной житийной модели доказывает, что ключевое значение в претворении этой традиции и собственно в житии обретает катарсический эффект, предполагающий очищение и духовное преображение читателя через сопереживание и сострадание герою – святому и праведнику.

Ключевые слова: литературная традиция, поэтика, средневековый житийный канон, катарсис, В. И. Белов.

В. И. Белов выделяется среди писателей второй половины XX в. Ведь он сумел попробовать себя во всех родах литературы, создав не только знаменитые прозаические произведения, но и менее известные пьесы и стихи. В контексте заданной темы, заслуживает особого внимания ориентированная на средневековое житие пьеса «Князь Александр Невский», которая была написана в перестройку¹, опубликована в 1988 г., а в 1990 г. поставлена Александринским театром (СПб.). По мнению критиков, высоко оценивших пьесу, ее актуальность (как и некогда житийной повести о князе) состояла (и, добавлю, до сих пор состоит) прежде всего в обращении к переломному

¹ Согласно хранящейся в РГБ авторизованной машинописи двух вариантов пьесы, написана она была в 1987 г.

моменту в истории страны, когда под вопросом оказалось само ее существование².

Очевидно, размышляя в 1980-х о судьбах России, в преддверии цивилизационного распада, автор использует прием *исторической инверсии* (термин М. М. Бахтина), позволяющий локализовать в прошлом идеалы, которым должно осуществиться в будущем.

«Сущность такой инверсии сводится к тому, что мифологическое и художественное мышление локализует в прошлом такие категории, как цель, идеал, справедливость, совершенство, гармоническое состояние человека и общества и т.п. <...> здесь изображается как уже бывшее в прошлом то, что на самом деле может быть или должно быть осуществлено только в будущем, что, по существу, является целью, долженствованием, а отнюдь не действительностью прошлого» [1, с. 297].

Большое значение образа Невского в формировании нашего национального самосознания отмечает ныне медиевистика, исследующая восприятие легендарного героя в XIII–XX вв. «Князь Александр Невский – самый популярный персонаж древнерусской истории! – справедливо утверждает М. В. Первушин. – Наш современник совершенно точно знает, что это был прежде всего защитник своего Отечества – Древней Руси, – рыцарь без страха и упрека, всю свою жизнь посвятивший обороне священных рубежей родины в ее извечной борьбе с внешним врагом, великий полководец, горячий патриот...» [6, с. 113]. Столетиями популярный герой был объектом литературных интерпретаций, создававших идеал-образ выдающегося правителя и непобедимого воина в летописях и житиях. Пьеса Белова входит в эту линию движения русской литературы.

² Эпоха правления Александра Ярославича напоминала писателю *его собственное переломное время*. Как в середине XIII в., так и в конце 1980-х гг., под вопросом оказалось само существование страны. Позже В. И. Белов отмечал, что эпоха, «в которую жил и действовал великий князь, положение, в котором тогда находилась Русь, в чем-то схожи с нашим временем» [5, с. 535–536]. Здесь и далее курсив в цитатах мой. – А. Б.

Действительно: хотя историческая основа пьесы Белова несомненна³, пафос ее автора, устремленного к поиску идеалов в национальном прошлом, обращает читателя к житийной традиции. Точнее, к прославлению святого князя в произведении 80-х гг. XIII в., имеющем несколько именовании: от «Повести о житии и храбрости благоверного и великого князя Александра», «Повести о житии Александра Невского» до «Жития Александра Невского» [3]. По мнению исследователей, средневековое житие вдохновило Белова на драматургическое освоение, а Новейшее время внесло свои изменения, что отмечено исследователями⁴. Так, трактовка пьесы Л. В. Соколовой содержит оценки, подтверждающие общую для русской классики тенденцию к обмирщению средневекового канона и реалистическому осмыслению исторической фигуры, возведенной житием в идеал святости: «“Житийный” портрет Александра Невского послужил для автора поводом для размышления о национальном русском характере <...> В произведении В. Белова Александр Невский представлен прежде всего как *мудрый и терпеливый собиратель русских земель*» [8, с. 141].

Со средневековым образом трактовку XX в. роднит звучащая в «Житии Александра Невского» установка правителя не на силу, но на правду: духовность и справедливость, которой должна руководствоваться власть. Об этом – записанные в Житии крылатые слова князя, произнесенные им в порыве духовного откровения после слезной молитвы в храме: «*Не в силе Бог, но в правде*» [3, с. 434].

³ «Впервые писатель обратился не к деревенской теме и не к современности, а к древнерусской истории, и конкретно – к личности благоверного князя, дипломата и воина Александра Невского» [9, с. 124].

⁴ «Хотя писатель подчеркивает свою зависимость от древнерусского текста, охотно использует его сюжеты, иногда цитирует особо яркие слова и фразы, в пьесе совершенно отчетливо проступает внутренняя соотнесенность древнерусского жития с реалиями и представлениями XX века» [8, с. 141].

Особо отмечу: в пьесе автором намеренно опущены сцены знаменитых воинских сражений 1240-х гг.: Невская битва и Ледовое побоище. В этом сила и слабость модификации средневекового образца, где Невский представал легендарным непобедимым воином. Сила – в психологической разработке образа: такова особенность претворения житийной традиции у Белова в системе реализма, дающего возможности для проникновения во внутреннее «я» героя. Невский изображен тут прежде всего как глубоко (со)переживающий человек. Человек, которым руководит закон любви, стремление к миру и спасению русской земли и от внешних врагов, и от междоусобных распрей. Об этом – проникновенная молитва князя, восходящая к закрепленным в средневековом житии образцам:

«Господи! Помоги мне! Да не дремлет душа моя под спудом обыденных дел! Боже мой, не подвергай меня праздным заботам... **Отвори мне духовные очи** и прости окаянство. Дай силы простить братьев моих! Останови время, чтобы я укротил обиду и гнев! Верни мне дух любви, научи делу прочтения! Еще не совсем погиб, еще мерцает огонь твоей правды под пепелом жалких моих страстей. Дай опять разгореться ему... Выстоять, выждать время. Хоть бы немного пожить без браней <...> Не боюсь умереть, боюсь бесчестья Руси! Думал: отдохнет земля, и встанем на ноги, и укрепнем! На головнях поставим новые срубы. Но братья мои не видят истины <...> Стоит Русь уже у края бездны... И я один стою перед Богом» [2, т. 6, с. 416-417].

Психологическую разработку характера завершает в финале пьесы сомнение Невского в себе и в избранном пути. Что симптоматично: разрешить внутреннюю проблему героя, воссозданную художественно-психологическими средствами современной литературы, позволяет воспроизведение итогового элемента житийного канона: похвалы святому подвижнику, к тому же звучащей из уст священнослужителя, – хотя и не после смерти святого, как в агиографическом каноне, но (в новой версии) прижизненно:

«М и т р о п о л и т. Слава доблестному защитнику веры отцовской, оградителю сирых и беззащитных, победителю

свеев и укротителю гордых тевтонов! Не уstraшенный злобой неверных, примиряющий братьев и собиратель народа, разогнанного страхом нашествий, да здравствует великий князь Владимиро-Суздальский Александр!» [2, т. 6, с. 426].

* * *

Обращение к житийной традиции у Белова примечательно идейно-художественными контрастами, огромным историческим и типологическим диапазоном: от образа исторического деятеля Руси, князя XIII в., – до малой фигуры простолюдинки из русской деревни 1940-х в рассказе «Такая война» (1985). Примечательно, что оба столь разных на первый взгляд произведения написаны Беловым в одно и то же перестроечное время, в середине 80-х, и обращены к военным периодам русской истории, притом оба героя связаны сквозным житийным мотивом испытания (здесь – человека войной). В образе Дарьи Румянцевой, матери погибшего на Великой Отечественной войне сына, по мнению исследователей, «отразились житийные представления о святости», возникшие еще в средневековых «житиях святых жен» [7, с. 105].

В центре рассказа «Такая война» – образ сельской праведницы, претерпевающей лишения и тяготы военного лихолетья. Под конец, лишившись самого необходимого, она буквально питается святым духом и, вынужденная пуститься по миру, умирает близ родной деревни. Такова внешняя канва рассказа, затрагивающего лишь последний срок жизни Дарьи. Перед нами, если рассматривать рассказ с точки зрения житийной традиции, не развернутое жизнеописание, а сосредоточенное на самом главном, финальном его этапе⁵. Самое важное, на мой взгляд, состоит в уникальном соединении традиции и – самобытности беловского видения мира, которое дает эффект духовного пре-

⁵ Что более соотносится с мантириями (от греч. *μάρτυριον* – мучение), описывающими мученическую смерть, но не содержащими повествования о жизни героя жития в целом.

ображения и просветления, типичный для жития, но в *таком* варианте свойственный лишь этому писателю.

Выведенный в название концепт *Война* обнаруживает самые разные свои лики и входит в разные сочетания. Прежде всего, это реальная война, схожая с битвами давних времен, ведущимися Русью-Россией, но и отличная от них в новую эпоху. Но вместе с тем это и *закон войны*, пронизывающий весь мир повествования: войны между видами жизни (человеком и убиваемыми им животными) и внутри отдельного вида (человеком и другим человеком). Военизированы и отношения между властью и подвластными: берущее непомерные подати с колхозных крестьян государство выступает как аппарат насилия. Так вопрос о (не)справедливой власти, как и в пьесе о средневековом князе, ставится в рассказе о «сороковых, роковых», но решается с точки зрения, возникающей не на вершине власти, а в простонародных низах. В рассказе о Дарье усматривается и схожесть с «Житием» протопопа Аввакума, испытывающего гонения властей. Однако, по сравнению с героем средневекового жития, беловская праведница терпелива и незлобива, не вступает в борьбу с гонителями, – хотя это ее вовсе не спасает.

По сути, в пространстве рассказа происходит *война законов*, мало зависящая от действий отдельной личности. В центре повествования о судьбе деревенской праведницы – противостояние *закона войны*, пронизывающего весь окружающий мир, и *закона катарсиса* как духовного преображения и очищения, с древних времен призванного преодолевать трагичность бытия. Отсюда и эпитет в названии, придающий концепту специфический смысловой оттенок: «*такая война*» – т.е. не только боевые действия на полях сражений, но и жестко-жестокая структура социального мира середины 1940-х, построенного на подавлении живущих и приводящего к гибели безответную женщину-мать. Трагизм безысходности человеческого существования, мнится, неизбежен. Но отчего же в душе читателя возникает *чувство просветления и высвобождения*?

И тут в действие вступают два фактора: беловский *Лад* как определяющее мир начало гармонии и всеединства и – *катарсис* как преображение и духовное очищение, составляющие суть и смысл житийного канона⁶. Нередко исследователи сосредоточены на бедах и страданиях героя, словно не замечая *сверхзадачи житийного жанра*. Однако житийный рассказ Белова о трагедии матери дает представление о *преодолении трагедийности как этой сверхзадаче*, вопреки тому факту, что никаких реальных оснований для просветленности в мире несчастной, кажется, нет и быть не может. Отчего же и откуда возникает катарсический эффект?

В житийном каноне это основание – Божественное начало, также присутствующее и в рассказе писателя атеистического периода, в речах сельских персонажей и сюжетных деталях. В молитвах богомольных нищих, словно в старину наводнивших русские деревни в голодные 40-е: «Пошли, Господи, этому дому благодать и покой, сбереги его от огня и мора, сохрани хозяина от меча, от пули и лихого человека, подайте милостыньку, ради Христа» [2, т. 2, с. 430].

Однако главное – *Лад* в душе праведницы Дарьи. Жестокости и трагедийности военизированного общества противодействует *закон любви и милосердия*, сформулированный в пьесе о святом князе и являющий себя читателю через реализацию катарсического эффекта. Мир, в своей богоданности, развернут к Дарье светлой стороной, его развитие определяется законом Жизни, а не смерти, при всей жестокости отдельных проявлений. *Весело и радостно, ласково, празднично, приятно* – ключевые слова-указатели для описания чувств, испытываемых праведницей по отношению к богоданному миру. В итоге ее душа будто отринула свое бытовое, заземленное «я»,

⁶ Согласно исследователям катарсиса в русской классике: «Катарсис, по Аристотелю, выражает смысл творчества, сущность эстетического воздействия искусства на человека. Видя страдания на сцене, сострадая происходящему, зритель очищается от аффектов, от которых страдают и погибают герои» [4, с. 220].

перейдя в иномирную, бестелесную ипостась – *«будто ее тело отделялось от нее, и теперь она стала легонькая и радостная»* [2, т. 2, с. 434]: состояние, которого в житиях достигают святые праведники.

Преображение героини, словно отделяющейся от своей земной ипостаси, предваряет трагический финал ее истории, где гром переходит в шумное явление грозного сборщика податей, вторжение в грезы матери войны и возможной гибели сына-солдата, а затем уход из дома и, очевидно, скорое умирание. Исчезновение героини граничит с утратой телесной оболочки, которую обнаруживают сельчане в финале и которую словно сбросила как ненужную святая душа, *легонькая и радостная*, обретя освобождение.

Таков катарсический эффект побеждающего раз-лад *Лада*: высшего закона Бытия в народной системе ценностей и в эстетике Белова. Образ богоданного мира в этой системе ценностей просветлен и гармоничен, несмотря на всю жестокость социума по отношению к живым и живущим. Вспомним книгу народной эстетики «Лад» Белова:

«Гармония как духовная и физическая по отдельности, так и вообще – это жизнь, полнокровность жизни, ритмичность <...> Смерть – это вообще остановка, хаос, нелепость, прекращение гармонического звучания, распадение...» [2, т. 5, с. 93]. По Белову Лад несоединим со смертью – потому и исчезновение его героини-праведницы из мира столь условно, как и у житийных героев, которые и после смерти являли свое присутствие, что издавна именовалось *Чудом*.

* * *

Жизнь есть движение к смерти и потому изначально трагедийна, кажется бессмысленной. Имеющий в своей корневой основе категорию «жизнь» средневековый жанр направлен на *преодоление идеи трагедийности и бессмысленности бытия*, сопряженной с временностью жизни. Преодоление возможно

верой в вечную жизнь, во имя которой и свершаются деяния святых, праведников, героев. В почвеннической системе деревенской прозы житийная устремленность обретает земные основания.

Изучение поэтики жития в контексте жанровой эволюции предполагает переход от линии судьбы героя на рецептивно-эстетический уровень, заданный автором и актуализируемый в сфере читательского восприятия. Как показывает творчество В. Белова, такой подход с особой продуктивностью обнаруживает себя в претворении агиографической традиции, когда ключевое значение в новых модификациях обретает суть житийного канона: *катарсический эффект, испытываемый читателем через сопереживание и сострадание герою, святому и праведнику*. В этом плане (корректирует традиционные установки деревенская проза) можно говорить не об «очищении страданием», а об «очищении *со-страданием*». Столь самобытные писатели, как В. Белов, внесли свою лепту в обогащение житийного жанра, утвердив категорию народного мировосприятия «Лад» и создав тем самым реально-земные основания для катарсиса как духовного преображения человека, сохранения им гармонии и радости жизни вопреки тяжелым обстоятельствам.

Литература

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М. М. Бахтин. – Москва: Художественная литература, 1975. – 504 с.
2. Белов В. И. Собрание сочинений. В 7 томах / В. И. Белов. – Москва: Классика, 2011–2012. – 7 т.
3. Житие Александра Невского / подготовка текста, перевод и комментарий В. И. Охотниковой // Памятники литературы Древней Руси. XIII век. – Москва: Художественная литература, 1981. – С. 426–439.
4. Захарова О. В. Проблема катарсиса у Достоевского: из газетной полемики 1873 года / О. В. Захарова // Проблемы исторической поэтики. – 2013. – № 11. – С. 219–229.

5. Никольская Т. К. Тема национального выбора в пьесе В. И. Белова «Князь Александр Невский» / Т. К. Никольская // В. И. Белов и его творчество в эссеистике, критике и литературоведении. – Вологда: Полиграф-Периодика, 2022. – С. 535–541.
6. Первушин М. В. Благоверный князь Александр Невский: три образа святости (с XX по XIII век) / М. В. Первушин // Научно-богословский вестник Пермской духовной семинарии. – 2020. – № 2 (3). – С. 113–120.
7. Соколова Л. В. Духовно-нравственные искания писателей-традиционалистов второй половины XX века (В. Шукшин, В. Распутин, В. Белов, В. Астафьев): диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Л. В. Соколова, ИРЛИ РАН. – Санкт-Петербург, 2005. – 381 с.
8. Соколова Л. В. Духовно-нравственные константы древнерусской литературы в творчестве В. Белова: (на материале пьесы «Александр Невский») / Л. В. Соколова // Слово и текст в культурном сознании эпохи: сборник научных трудов: материалы 4 Всероссийской научно-методической конференции (Вологда, 8–9 ноября 2012 г.). – Вологда: ВОУНБ, 2012. – Ч. 11. – С. 139–144.
9. Соловьева Е. Е. Пьеса В. И. Белова «Князь Александр Невский»: образ главного героя и особенности композиции / Е. Е. Соловьева // Беловский сборник: материалы научной конференции с международным участием «Творчество В.И. Белова в контексте традиций русской литературы и современного литературного процесса». – Вологда: ВОУНБ, 2021. – Вып. 7. – С. 124–127.

МЫ ПРИШЛИ К БЕЛОВУ В ГОСТИ

Аннотация. Статья основана на материалах, освещающих историю возникновения музея-квартиры В.И. Белова в Вологде. Автор является свидетелем и соучастником этой истории.

Ключевые слова: духовная целостность, памятник культуры, Кирилло-Белозерский музей-заповедник, музей-квартира В.И. Белова, Тимониха, «Российская газета».

Живой свет в окнах Белова

В конце ноября, в лучшую вологодскую пору, когда темно, холодно и ветрено, с профессором-филологом из университета в Оксфорде стоим у дома на Октябрьской. Исследователь и знаток творчества Варлама Шаламова неожиданно попросил: «Отведите меня к дому Василия Белова, хочу видеть живой свет в его окнах». Пришли, молча постояли под дождем, вымокли и продрогли. Назавтра Ольга Сергеевна Белова удивилась: «Почему не зашли, мы же не спали?» – «Было восемь вечера, вы, как всегда, смотрите “Вести”».

Это странное стояние осело в памяти на годы.

Хозяин и его любимая квартира

Это была особая квартира и вовсе не в банальной пятиэтажке, как видится из столицы. Посмеиваясь, в городе иногда называли «главным» дом, где жило высшее партийное начальство, начиная с первого секретаря, популярного в народе А. С. Дрыгина. Квартира Беловых, красивая, просторная, с любовью и тщанием обустроенная хозяевами, была настоящим ДОМОМ. И гостеприимным, и закрытым одновременно. Его хозяйка Ольга Сергеевна определила оптимальный рабочий режим писателя. И хотя сдержанные вологжане, гордясь Беловым как знаменитостью, уважали его покой, оберегать писателя все же приходилось.

Василий Иванович не был затворником, жил на миру. Увидеть его, поговорить, пожаловаться главному заступнику перед властью было просто, повстречав его в центре города. Он был редкостно контактен и отзывчив, временами его было просто жаль, так плотно окруженного народом. Но ведь и не могло быть по-другому в случае Белова.

Идея музея

Она уже существовала задолго до ухода Василия Ивановича; просто о ней, растворенной в пространстве красивого дома, не догадывались. Дом писателя, место притяжения почти всех именитых гостей Вологды, охотно принимал их либо в гостиной, либо на кухне, традиционном месте важных бесед. Забравшись в угол, было счастьем слушать разговоры хозяина с Валентином Распутиным, Валентином Курбатовым, Владимиром Толстым, Савелием Ямщиковым, Геннадием Русаковым, Борисом Штоколовым, митрополитом Тихоном (Шевкуновым). Разговоры шли о сущем: о судьбах Родины, о земле, о неласковом времени перемен, об опустевших деревнях и бедствующем народе. Стоим во дворе со Станиславом Стефановичем Лесневским. «Какой у Белова особенный дом, эстетский», – замечает он. Оказалось, вернувшись в Москву, создатель дома-музея Александра Блока, первым написал, что в Вологде со временем должен быть музей Василия Белова.

Лето. Большим обществом сидим во дворе уютного старого особняка, который вернул к жизни глава вологодской писательской организации Михаил Карачев. В Вологде гостит давний друг Белова, известный японский славист, почетный профессор университета Васэда Рехей-Ясуи-сан с женой Минако-сан. Кто-то удивленно спросил: «А почему нет дома Белова? Ведь он давно должен бы быть!» Тем более, что совсем рядом, в нескольких десятках шагов, реставрировал деревянный двухэтажный дом родной брат Василия Ивановича Иван Иванович. А писатель много помогал ему, поддерживал в желании иметь свой дом. Гость из Японии неожиданно заключил: «Белову не нужен еще один дом, он у него уже есть – его квартира».

«Васе много раз предлагали взять дом, – вспоминает Ольга Сергеевна, – в частности, каменный особняк на Маяковского 1, но он всегда решительно отказывался, понимал, что такое ремонт в нем. Он никогда не думал о собственном доме в Вологде, не хотел и не мечтал о нем. Дом был только в Тимонихе. Но наша квартира ему очень нравилась, любил вид из окна кабинета: колокольня, рябинка... Бывало, требует: “Вези в Тимоницу!”, приедем, побудем день-другой: “Вези домой!”»

В последние годы, когда силы уже оставляли Василия Ивановича, а хвори делали подчас не слишком подвижным, ему было непросто, ведь поток посетителей к нему не редел. Все столичные гости, депутаты всех уровней, обязательно приходили к нему. Удивляла выдержка Ольги Сергеевны, принимавшей всех, кому было важно просто увидеть Белова. Раздражало, что визитеры не понимают: немощь и бессилие вовсе не зрелище. Собственно, этот прижизненный поток и навел меня на идею квартиры-музея. Потребность в Белове была подлинной, естественной, никем специально не инициированной. Он был нужен. И он сам, и его дом.

Действующие лица и исполнители

Когда в конце 2012 г. Белова не стало, вопрос о будущем квартиры был поднят и приобрел немалую остроту. Ольга Сергеевна приняла решение со временем переехать к дочери Анне Васильевне в Москву. Наш первый разговор положил начало трехлетней деловой переписке с властями разных уровней. Это пухлый том официальных однотипных бумаг. Мое личное бумажное «творчество» каждый раз становилось попыткой найти убедительные, неотразимо аргументированные слова – чтобы зацепило очередного начальника что-то интересное из Белова или о нем. В ответ регулярно приходили стандартные отписки: «Без Белова не живем, постоянно читаем, но денег нет и не будет». Создавалось ощущение, что на все обращения отвечает один человек, хотя фамилии исполнителей в левом углу бумаг всегда разные. Из переписки было очевидно: музею не быть. Первыми воспротивились жильцы элитной недвижимости:

будет много людей, будет шумно... Это сейчас, спустя десять лет, оказалось, что соседство с музеем значительно подняло стоимость квадратного метра в этой «пятиэтажке».

Идея категорически не нравилась и некоторым чиновникам из департамента культуры области: надо будет делать отдельный вход, выносить подъезд на фасад, это невозможно... Да и прецедентов нет..

Лирическое воспоминание как аргумент в споре

В Санкт-Петербурге на улице Марата, на старом особняке, большая мемориальная доска: музей-квартира Льва Николаевича Гумилева, филиал музея Анны Ахматовой на Фонтанке. Звонки в домофон – и ты дома у сына выдающихся поэтов. Обычная петербургская квартира, небольшая, уютная, живая. Замираешь от неожиданности узнавания: на окнах палевые чешские шторы с огромными рыжими букетами, точно такие моя мама когда-то привезла из Москвы. На книжной полке маленький красный будильник, у меня точно такой! На кухне две фарфоровые тарелки с широкой синей каймой, и у нас дома такие! Открытие повергает в изумление: мы жили в одной стране, в одно время и наш скромный быт украшали, как могли, в одних очередях. И знаменитый ученый, и заехавшие в Питер провинциалы. Эта квартира сохранила наш быт, наш обиход, волнующий слепок нашей жизни. Мы – соотечественники! С того дня и поныне эти предметные знаки общности стали «гумилевскими» и особенно любимыми.

Рассказ-аргумент, вроде бы, снимает возражения, но на смену приходит новая печаль: что делать, если все же не получится создать музей-квартиру? Ищем, к кому прилипнуть, к кому попроситься филиалом, втайне надеемся, что это будет вологодский музей-заповедник. Ответная реакция вялая, неопределенная: возьмут что-то из мебели, что-то из книг, сделают беловскую выгородку, получится беловский уголок в экспозиции. Глупый вопрос: а как книги-то будут отбирать из такой огромной библиотеки? Вот объемный том Данилевского. Мой. Единственный экземпляр привезла Надежда Ивановна

Забродина в клуб книголюбов, и он достался мне. Приходит в редакцию «Красного Севера» Василий Иванович, видит книгу, забирает, прижимает к груди: «Как он мне нужен!» – «Оставьте прочитать». – «Не могу оставить, так давно его ищу».

Снова пауза... Снова серия отписок и тупик. Нужен новый толчок. Пресса была «четвертой властью», а наш вологжанин Дмитрий Шеваров – корреспондент в правительственной «Российской газете». Быстро приезжает, быстро готовит материал, быстро выходит разворот с этим материалом в «Российской газете» и – неожиданная реакция из вологодского «Белого дома». Главная газета поддержала идею, что бы это значило? И что-то незримо меняется в отношении к этой идее. Перебирая бумаги уже давних лет, понимаешь: музей создавался усилиями очень многих людей. И отсюда главный страх: не забыть бы кого-то назвать. Но в постоянно действующих персонажах этого большого дела не ошибусь.

Валентин Григорьевич Распутин

Друг и содумник Белова, он любил этот дом. Приезжая в Вологду, всегда жил только в нем, на «своем диване». Уже больной, помогал в московских делах.

Владимир Ильич Толстой – Валентин Яковлевич Курбатов

Советник Президента РФ В. В. Путина и писатель, литературовед, член Совета по культуре при Президенте РФ. Единомышленники и соратники, близкие друзья, работали на идею музея постоянно. Большая удача была и в том, что, живя во Пскове, Курбатов знал все о нестоличной жизни и ничего ему не приходилось объяснять. С ним велась постоянная переписка, не прекращалась связь по телефону. Советовал, помогал наладить контакты с большими начальниками, утешал и успокаивал на каждом, казалось бы, тупиковом этапе. Верил и убеждал других в том, что сохранение дома Белова важно не только для культуры, для истории России. У советских писателей не было усадеб, родовых имений, как у Александра Пушкина, Льва Толстого, Александра Блока. У них были квартиры. И они могут дать яркое, культурно значимое представление о жизни художников слова в Советском Союзе.

Вот фрагменты из писем В. Я. Курбатова автору этих строк времен создания музея.

«Что до “внутренней запертости” деревни, то тут разговор до-о-лгий. Мы уклонились от настоящего глубокого анализа совершившегося с народом со смертью деревни. Она умерла стремительнее, чем в Европах. Просто по требованию времени. За что хвалим Сталина, что вот принял страну с сохой, а оставил с атомной бомбой. Так-то так, но ценою стала утрата духовной целостности. И вот Рубцов кричит: “Россия! Русь! Храни себя, храни”, надеясь, что это (Россия и Русь) еще одно и то же.

А только Россия уже перестала содержать в себе Русь. И нам, если бы мы еще хотели быть духовно здоровыми, только предстоит наживать Россию как Русь, иначе она будет Украиной. Но уже никто в эту сторону не поворотится – больно накладно. Отделаемся цитатами из Бунина, Тютчева, Пушкина, Белова, Рубцова, хотя их печаль и любовь теперь только вопрос и укор, а не ответ. И вопрос к Госдуме, к Правительству (хотя бы только осознать, чего хотела, о чем кричала “деревенская проза”), но у них без того полон рот забот. Так что прощай Русь! Прощай Коля!”

А вот что доски на доме Василия Ивановича нет – это стыд. Впрочем, кого теперь устыдишь?»

«Из Совета пока не вышел, просто отказался от этой формы общения. Тут действительно только можно: дай! дай!.. А я бы пустился в умствования о конце цивилизационного пути и необходимости перемены векторов развития, припел бы Аустерлицкое небо («Что это? Зачем мы бежали? Как мы не видели прежде этого неба?»), т.е. опять звал бы не бегать по горизонтали, как собака за хвостом, а избрать путь вверх – к небу и земле, к основам духа, от которых мир бежит, сломя голову. Это выглядело бы по-дурацки и вызвало бы досадливую улыбку».

«Со Светлым Сочельником дорогая Наталия Сергеевна! Эх, сейчас бы мне прибежать и пославить, как в детстве, у вас под дверь: “Рождество Христово – ангел прилетел”. А вы бы мне

вынесли пирожок с капустой, и я полетел бы славить к Беловым, Коротаевым, Рубцовым. Сегодня получил благодарное письмо от Михаила Николаевича Шаромазова за “вклад” в музей Белова. Сконфузился. Ну, ладно, спасибо – отдам в архив. Пусть потомки думают, что я и правда делал что-то хорошее».

Михаил Николаевич Шаромазов

Генеральный директор Кирилло-Белозерского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, искусствовед, книжник, читатель и почитатель Белова, он стал ключевой фигурой, определившей своим личным решением реальное появление музея. Без одобрения и поддержки Министерства культуры страны, без дополнительного финансирования, на собственный страх и риск, он взял не профильный будущий музей как филиал своего, федерального. Если бы не этот шаг, все осталось бы в прошлом, в мечтах и воспоминаниях о невоплощенном замысле. Все эти годы Ольга Сергеевна находилась под постоянным прессингом энергичного, успешного соседа, бизнесмена Виктора Уханова. Он уже владел квартирой на первом этаже и мечтал купить беловскую. Убеждал, что не может быть и не будет в нашем государстве музея Белова: «Ишь какая жена декабриста нашлась, музей ему устраивать». Но он ошибся, недооценил возможности страны. Указ Президента о создании музея был подписан, и пришлось ему переезжать на ПМЖ в США. Указ подписан, но его воплощению в жизнь надо было помогать, научил весьма осведомленный источник в столице.

Анатолий Николаевич Грешневиков

Депутат Государственной Думы нескольких созывов от Рыбинска, коллега и друг Белова, он взял на себя все контакты с Министерством культуры. Раз в неделю его помощник справлялся: поступили ли деньги? Приходилось спешить, у Ольги Сергеевны появилась возможность купить квартиру рядом с домом дочери. 15 августа 2025 г. она стала москвичкой. А чуть позже, этой же осенью, торжественно открылся музей-квартира Василия Белова в Вологде.

Разговор с М. Шаромазовым, взявшим квартиру в музей

– Не знаю подробностей вашего этапа работы. Как вы вошли в проект?

– Весной 2014 г. в «Красном мосту» спросил вас: что с музеем? Ответили: ничего. У меня тогда случилось обострение в отношениях с губернатором О. А. Кувшинниковым. С одной стороны, он хотел меня уволить, с другой – спросил: не возьму ли я Семенково в структуру моего музея? «Да, возьму, но всеми юридическими вопросами, разделом коллекции, передачей части ее нам, пусть занимается Правительство области». Министерство культуры было согласно. Вы познакомили меня с Ольгой Сергеевной, дали контакты Толстого, Курбатова, Грешневикова.

– Очевидно, тогда и родилась ваша замечательная идея создать музей Беловского «Лада», в который вошли бы музей-квартира и музей деревянного зодчества в Семенково. Жаль, что она не осуществилась. Как все оформлялось дальше?

– Я подтвердил Министерству, что беру музей, и мне сообщили, что выделено десять миллионов на покупку квартиры. Но она была в жилом фонде, и купить ее было нельзя. Имущество мы приобретали как музейный фонд. Для этого собралась закупочная комиссия Министерства во главе с директором Пушкинского музея Ириной Александровной Антоновой. Она была против, считала создание такого музея ненужным. Сказала, что не понимает, для чего это нужно приобретать? «Мы получили квартиру Святослава Рихтера с двумя великолепными роялями совершенно бесплатно!» По дороге на заседание в лифте один из двенадцати членов комиссии спросил меня: «А кто такой Белов?» Идею поддерживали двое сотрудников музея Владимира Даля, отметив, что это будет музей с большим мемориальным началом, ведь отсутствие мебели 70-х годов XX века, подлинных интерьеров, обстановки – непростая музейная проблема. Все проголосовали «за».

– Что дальше? Каким видите будущее музея-квартиры Белова?

– Нам не хватает развернутой экспозиции по творчеству Василия Ивановича – такой, как экспозиция по Михаилу Шолохову в Вешенской и по Виктору Астафьеву в Овсянке, чтобы показать историю XX века глазами его героев. Историю как единый процесс. Рассказать историю мальчика, вытолкнутого из деревни, где нет будущего; вынужденного, как основная масса крестьян, ехать на стройки Череповца, Мурманска.

Из книги отзывов музея

Вот, по мнению одной из хозяек музея Марины Репиной, два типичных, характерных отклика.

«Приезд в Вологду стал для меня откровением, непрекращающимся открытием. Спасибо за сохранение памяти о Василии Белове». Ольга Николаевна.

«Творческий человек должен думать об искреннем чувстве и чувствовать чистоту помыслов. Родниковое искусство Василия Ивановича и его единомышленников вернет Россию на праведный путь». Борис Галкин.

Мы приедем к Белову в гости

Когда-то Михаил Карачев настаивал на восстановлении Тимонихи в первую очередь. И тогда, и сейчас пока – это дело финансово крайне сложное. Но каждый год в Тимониху, в родные пенаты писателя, едут его читатели, открывая для себя места редкой красоты. О будущем мемориальных мест думают в администрации Харовского района. Недавно там учредили памятное место, пяти строеньям в Тимонихе присвоили статус памятника культуры регионального значения. В Вологде группа энтузиастов под началом эколога Юрия Базанова занимается вопросами охранных территорий вокруг Тимонихи и бассейна реки Кубены. Начало положено. Может быть, жизнь подредактирует проект Михаила Шаромазова о музее беловского «Лада» и интерпретирует его по-новому: из Вологды в Тимониху.

Чуда хотим.

К. Н. Соколова,
Э. Л. Трикоз
г. Вологда

БЕЛОВ И ШУКШИН: О ЧЕМ РАССКАЗЫВАЕТ ФОНД ВОЛОГОДСКОГО МУЗЕЯ-КВАРТИРЫ ПИСАТЕЛЯ

Аннотация: Статья посвящена описанию фондовых предметов мемориальной квартиры В. И. Белова (Вологда), связанных с именем В. М. Шукшина. Часть предметов появилась в квартире вологодского писателя еще при жизни известного режиссера и писателя, содержит автографы Шукшина. Большая часть была подарена Белову после 1975 г. литературоведами, писателями, кинооператорами и др.

Комплекс шукшинских предметов насчитывает чуть более 60 единиц. Он представляет мемориальную, культурно-историческую ценность, служит существенным дополнением к материалам, важным для понимания роли В. М. Шукшина в судьбе писателя-традиционалиста В. И. Белова.

Все предметы внесены в Государственный каталог Музейного фонда РФ, однако часть из них до сих пор подробно не описана и не введена в научный оборот.

Ключевые слова: музейный фонд, Музей-квартира В. И. Белова, мемориальный музей, В. М. Шукшин, В. И. Белов, А. Д. Заболоцкий, инскрипт, архив писателя.

В год 10-летнего юбилея Музея-квартиры В. И. Белова изучение темы дружбы писателя с Шукшиным на материале музейного фонда вышло на этап завершения и подведения итогов. С 2015 по 2019 г. в вологодской мемориальной квартире рассказ о друзьях выстраивался исключительно на известных данных, собранных из книг воспоминаний В. И. Белова «Тяжесть креста» [1], А. Д. Заболоцкого «Шукшин в кадре и за кадром» [6], а также из опубликованных в открытых источниках интервью с беловскими современниками, друзьями, из бесед с женой писателя О. С. Беловой в стенах музея, а также из исследований сибирских и московских ученых.

В 2017 г. сотрудники музея-квартиры приступили к выявлению и описанию шукшинского комплекса предметов и документов, публикуя материалы о новых находках в научных и научно-популярных статьях, а также в СМИ. В 2019 г. часть архивных документов была уже представлена на музейной выставке «Два Василия», посвященной 90-летию В. М. Шукшина. На ней впервые были показаны сохранившиеся шукшинские письма к вологодскому писателю, отчасти попавшие в беловскую книгу «Тяжесть креста» (2000) [1]. Позже, в 2024 г., часть шукшинских документов была представлена на выставке «Услышать музыку в душе» в Вологде и в Москве. Экспозиция широко представляла творческую деятельность беловских друзей-юбиляров – Валерия Гаврилина, Виктора Астафьева и Василия Шукшина.

На сегодняшний день фонд музея составляет почти 9000 единиц хранения, которые на протяжении семи лет (с 2015 по 2022 г.) были описаны сотрудниками и внесены в Государственный каталог РФ. Несколько десятков предметов, связанных с именем В. М. Шукшина, – это письма, открытки, фотографии, книги с подписями и без них, рукописные черновики



В. И. Белова и газетные материалы, собранные писателем во время создания книги о Макарыче (так Белов называл Шукшина). Практически все атрибутированы, изучены, но не все были опубликованы и введены в научный оборот.

В фонде хранится 18 книг Василия Макаровича. Из них три книги с автографами, они созданы в период с октября 1967 по 10 мая 1974 г. – при жизни В. М. Шукшина. По-видимому, первые две книги были подписаны Белову ко дню рождения в указанные годы.

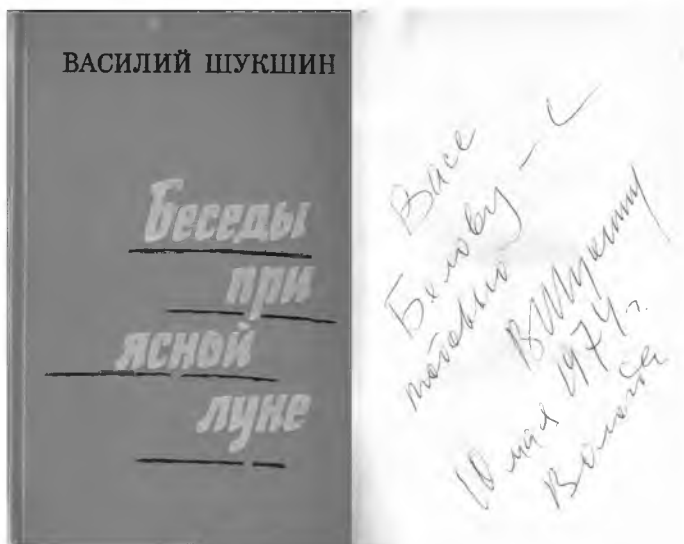
1) «Васе от Васи Шукш(ина) 1967 г. октябрь» [13];

2) «Василию Белову. Дорогой тезка, жму твою честную, рабочую руку – желаю удачи! В. Шукшин окт. 1970.» [14]

3) «Васе Белову – с любовью В. Шукшин. 10 мая 1974 г. Вологда» [15].

Подписи краткие – в одно предложение, они указывают на родственное отношение писателей друг к другу, основанное на доверии. В исследовательских работах отмечается, что краткие подписи означают «по-настоящему близкие отношения участников книгообмена» и «связаны обычно с выбором предельно простых и безыскусных форм авторских дарственных надписей» [8; см. также 11].

Другая причина краткости подписей состоит в том, что друзья (Шукшин, Белов и Заболоцкий) в тесном общении друг с другом по-доброму высмеивали привычку Макарыча подписы-



вать книги. Из радиопередачи с участием Заболоцкого¹: «Шукшин любил подписывать <...> свои книги. Он подписывал, а мы хохотали над ним. Считали, что автографы собирать позорно. Вася сердился... Мне подписал четыре книги, последнюю «Беседы при ясной луне» “Толе Заболоцкому – другу и единомышленнику с надеждой, что мы еще помолотим. Вася Шукшин...”». Подробное описание шукшинских инскриптов содержится в музейном издании «Инскрипты из собрания библиотеки писателя Василия Белова...» [8, с. 14–15].

В архивном фонде музея представлено 13 писем В. М. Шукшина, адресованных В. И. Белову (с 1964 по 1974 гг.). Часть из них Василий Иванович перепечатал на машинке, а позже включил в книгу «Тяжесть креста». Машинописи и сейчас хранятся в архиве музея.

Особую ценность представляет письмо Шукшина к Белову (без указания даты)², обнаруженное в июне 2019 г. не среди документов архива писателя, а в последнем прижизненном шукшинском сборнике «Беседы при ясной луне» [15]. Белов оставил его (согнутый напололам тетрадный лист в клеточку) в книге на первой странице рассказа «Залетный».

Из содержания послания мы узнаем, что оба художника на момент создания письма болели: «Вася, здравствуй! Что, болеешь? Во!... А сам моложе меня. Сделай большую паузу водке – 1,5–2 года. Хоть это горько, обездоленность какая-то, но, видно, надо...» Шукшин чувствовал себя никудышным, «хоть брось», болел: «Я – тоже болею. Грипп. Хотел тебя в Сибирь сообразить. Ну, сам поеду...»

Текущее состояние дел Шукшин описывал кратко и эмоционально, рассказывая сразу и о работе, и о внутреннем своем состоянии, и о семье: «Дела?... Противно жаловаться, а так – плохо. Фильм не выпускают. Сборник из Совписа вернули... Разина

¹ Из фондов радио ГТРК «Вологда» о четвертом переиздании «Лада: Очерки о народной эстетике» А.Д. Заболоцким. Эфир от 27 октября 2017 года. Ведущая передачи Т. А. Ляпина.

² КБИАХМ, МКБ. КП-5046. А-3183. Л. 2.

тоже не дают делать. Трудно сейчас. Не знаю, как ты выйдешь с той работой, о какой писал. Трудно. Мне вот письмо даже тебе написать трудно. Дети растут – и тут трудно, но как живые комочки у сердца, жалко и боязно за них, а так бы...»

В завершение письма Василия Макарович признается: «Конец я себе придумал: тихо, сладостно сопьюсь, медленно, чуть припевая, постепенно утопать в мяготи прекрасных теплых дней. Последних, без жалости! Я даже такой рассказ придумал – “Залетный”, там так сладостно умирает человек, редакция согласилась напечатать, но Трифонов отклонил. Я еще вернусь к этой теме – более убедительно и чтоб – никого не напугать...»

Данное письмо впервые было показано на камерной выставке «Два Василия» в Музее-квартире В. И. Белова, а спустя 5 лет введено в научный оборот доктором филологических наук Д. В. Марьиным (Барнаул), датировано 1969 годом и частично опубликовано в статье «“Конец я себе придумал”: мортальное моделирование в литературном творчестве В. М. Шукшина» [10].

Письмо позволило исследователю «не только уточнить историю создания и публикации, но и существенно расширить потенциал интерпретации рассказа “Залетный”», который впервые был опубликован в сборнике «Земляки» (1970), однако, судя по письму к В. И. Белову, он был написан раньше, в 1968–69 гг., «т. е. еще в бытность А. Т. Твардовского... Именно этот рассказ можно считать катализатором затянувшегося процесса разрыва Шукшина с “Новым миром” и последующего его ухода в “Наш современник”, что шукшиноведами воспринимается как демонстрация смены идейно-эстетической позиции в творчестве писателя, переход его в лагерь “неофициальной русской партии”» [10, с. 116].

Ценным предметом фонда является письмо Марии Сергеевны Куксиной (Шукшиной) к В. И. Белову, предположительно 1976 г. Василий Белов на отдельном листе расшифровал почерк матери и позже опубликовал в книге воспоминаний «Тяжесть креста».

В фонде сохранились шукшинские открытки. В одной из них Макарыч сообщает, что лежит в больнице весной 1966 г., в

другой вместе со своей семьей и А. Д. Заболоцким поздравляет Беловых с рождением дочери в 1972 г.

В коллекции музея находятся 17 фотоснимков: фотопортреты, кадры со съемки фильмов, совместные фотографии с друзьями и коллегами. Среди этих документов есть фотография молодого Василия Макаровича, сделанная во время службы на Черноморском флоте (1949). Хранится в мемориальном музее и один из последних фотоснимков В. М. Шукшина, созданный во время создания фильма «Они сражались за родину» в 1974 г. Автор фотографии – Генриетта Перьян, легендарный фотограф и кинооператор. Она засняла актера Шукшина во время интервью.

Фотопортреты этого же периода (Василия Шукшина с Вячеславом Тихоновым и с актером Алексеем Ваниным) есть в коллекции. Подарены Белову после смерти «Макарыча». На одной из фотокарточек сохранилась дарственная надпись: «Дорогой Василий Белов. На память о самом близком дорогом человеке!!! А. Ванин. 20.02.75 г.»

Запечатлен на музейных снимках и процесс съемок кинофильма «Калина красная» в Белозерске (1973): на них – Шукшин и Заболоцкий во время работы, а также известный кадр И. И. Гневашева, на котором Белов с Шукшиным сфотографированы у пленницы в перерыве между съемками.

В мемориальном музее представлено и более раннее фото Белова и Шукшина – конца 1960-х гг. В тот период, как известно, В. М. Шукшин приезжал в Вологодскую область подбирать натуру для съемок «Степана Разина».

Среди фотографий 1970-х есть несколько кадров с Шукшинских чтений в Сростках на горе Пикет (1979). На кадрах запечатлены выступления В. И. Белова, А. Д. Заболоцкого в окружении многочисленных гостей праздника. В архивном фонде имеется несколько черно-белых фотографий с изображением памятных мест, связанных с именем В. М. Шукшина. Это, к примеру, ледник в Алтайском крае, названный в честь актера и режиссера, шукшинский музей в Сростках.

Отдельно следует перечислить книги из библиотеки писателя Белова о жизни и творчестве Шукшина, написанные после смерти беловского друга: многие содержат дарственные надписи авторов.

Одно из первых изданий – «Василий Шукшин: творческий портрет» (1976) содержит краткую творческую биографию В. Шукшина и подписана автором текста – критиком и литературоведом Львом Аннинским: «Василию Ивановичу Белову, с уважением – Л. Аннинский. 9.4.76» [2].

Книга советского сценариста и киноведа Юрия Тюрин «Кинематограф Василия Шукшина» (1984) – с дарственной надписью автора: «Василию Ивановичу Белову – светлomu таланту России – на память о Шукшине. Москва, 17 ноября 1984 г. Ю. Тюрин» [12].

В библиотеке писателя хранятся два издания книги литературного критика и писателя Юрия Коробова «Василий Шукшин» (1984 и 1988). В первом содержится дарственная надпись автора: «Дорогому Василию Ивановичу Белову и его семейству на добрую память и светлые воспоминания о В.М. Шукшине. Сердечно. В. Коробов. 6.08.85. Москва» [9]. Кроме того, в данном экземпляре есть большое количество читательских помет и комментариев, сделанных рукой В. И. Белова, которые требуют детального анализа.

Книга В. К. Горна «Василий Шукшин» (1990) содержит подпись автора-литературоведа: «Дорогому Василию Ивановичу Белову с любовью и верой! 21.01.91. Виктор Горт» [5].

Воспоминания А. Д. Заболоцкого «Шукшин в кадре и за кадром: записки кинооператора» (1997) были лично подарены другу. Книга содержит такую подпись: «Вася, не лезу в писатели, но натерпелся унижений на всю оставшуюся жизнь, пока удалось издать. 3 сентября 1997 года, Вологда. А. Заболоцкий» [6].

Среди других документов, связанных с именем режиссера и писателя, следует отметить театральную программу к спектаклю Малого театра по мотивам произведений В. М. Шукшина «Беседы при ясной луне» (1976). На обеих сторонах документа

имеются многочисленные записи В.И. Белова, а также комментарий режиссера-постановщика спектакля В. И. Иванова.

Безусловно, в фондах мемориального музея писателя представлены и предметы искусства, изображающие В. М. Шукшина. В числе экспонатов – лист с изображением В. И. Белова и В. М. Шукшина, подаренный вологжанину художником Виктором Слатинским (1996). В постоянной экспозиции – на письменном столе писателя в его рабочем кабинете стоит небольшая бронзовая скульптура «Василий Шукшин», отлитая по макету Вячеслава Клыкова. Этот образ скульптор предложил для памятника в Сростках и привез в Вологду, чтобы сверить свой образ с беловским. Предложенный вариант писатель отверг. В итоге скульптурное изображение было переосмыслено и представлено в другом виде на родине «Макарыча», а фигурка первоначального варианта осталась у В. И. Белова.

Надо сказать, что после 2019 г. музей получил в дар еще несколько книг о Шукшине, выпущенных современниками выдающегося режиссера и писателя. В 2019 г. в библиотеку музея поступила от А. Д. Заболоцкого книга «Шукшин в кадре и за кадром. Записки кинооператора» [7] с таким инскриптом: «Музею Василия Ивановича Белова. Впервые изданные без идеологической цензуры (24 года прошло) <...> Спасибо, что музей существует. А. Заболоцкий». В 2020 г. журналистом и писателем Н. П. Веселовой была передана книга «Калина горькая» с подписью: «В музей В. И. Белова. 26.09.2020. Подпись автора» [3]. Автор лично знала Белова и Шукшина, в 1973 г. общалась со съемочной группой «Калины красной», освещала белозерские «киношные» события в СМИ. Она после смерти режиссера общалась и с его матерью М. С. Шукшиной (Куксиной). Позже Н. П. Веселовой была передана и автобиографическая книга «Годовые кольца» [4] – роман-исповедь о личных событиях в жизни автора, выпавших на период 1960-х – 1990-х гг. Основным смыслообразующим стержнем в ней стала личность В. И. Шукшина, которому посвящено несколько глав книги.

Литература

1. Белов В. И. Тяжесть креста. Воспоминания о В. М. Шукшине / В. И. Белов // Собрание сочинений. В 7 томах / В. И. Белов. – Москва: РИЦ «Классика», 2012. – Том 5. – С. 299–378.
2. Василий Шукшин: творческий портрет. – Москва: Бюро пропаганды советского киноискусства, 1976. – 24 с.
3. Веселова Н. П. Калина горькая: книга о жизни и творчестве Василия Шукшина / Н. П. Веселова. – Вологда: Вологодская типография, 2014. – 282 с.
4. Веселова Н. П. Годовые кольца: роман-исповедь / Н. П. Веселова. – Вологда: ИП «Киселев А.В.», 2023. – 286 с.
5. Горн В. Ф. Василий Шукшин: Личность. Книги / В. Ф. Горн. – Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1990. – 284 с.
6. Заболоцкий А. Д. Шукшин в кадре и за кадром: записки кинооператора / А. Д. Заболоцкий. – Москва: Альпари, 1997. – 254 с.
7. Заболоцкий А. Д. Шукшин в кадре и за кадром. Записки кинооператора / А. Д. Заболоцкий. – Москва: Вече, 2019. – 271 с.
8. Инскрипты из собрания библиотеки писателя Василия Белова: из фондов Музея-квартиры В. И. Белова: альбом. – Вологда: Древности Севера, 2022. – 431 с.
9. Коробов В. И. Василий Шукшин / В. И. Коробов. – Москва: Современник, 1984. – 286 с.
10. Марьин Д. В. «Конец я себе придумал»: мортальное моделирование в литературном творчестве В. М. Шукшина / Д. В. Марьин // Сибирский филологический журнал. – 2024. – № 2. – С. 112–125.
11. Никитенко И. В. Авторские дарственные надписи на книгах из собрания томского фантаста Виктора Колупаева / И. В. Никитенко // Библиосфера. – 2018. – № 1. – С. 10–15.
12. Тюрин Ю. Кинематограф Василий Шукшина / Ю. Тюрин. – Москва: Искусство, 1984. – 318 с.
13. Шторм Г. П. Повесть о Болотникове / Г. П. Шторм. – 2-е изд. – Москва; Ленинград: Земля и Фабрика, 1930. – 181 с.
14. Шукшин В. М. Земляки: рассказы / В. М. Шукшин. – Москва: Советская Россия, 1970. – 206 с.
15. Шукшин В. М. Беседы при ясной луне / В. М. Шукшин. – Москва: Советская Россия, 1974. – 320 с.

АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ И УРОВНЕЙ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ В ПИСЬМАХ ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В. И. БЕЛОВУ НА РУБЕЖЕ 1980-Х ГГ.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ «Векторы эволюции общественного сознания в историко-культурном пространстве Русского Севера второй половины XX века», проект № 25-28-00938

Аннотация. В статье, основанной на архивных материалах, приводятся и рассматриваются высказанные в переписке суждения корреспондентов В. И. Белова, касающиеся состояния общественного сознания и русской культуры конца 1980-х гг.

Ключевые слова: Государственный архив Вологодской области, фонд писателя Василия Ивановича Белова, социальный кризис, общественное сознание, народное миропонимание, российская ментальность, перестроечные процессы, литературная среда Русского Севера, публицистическая деятельность, патриотизм.

Аспекты гражданского восприятия и осмысления общественных сдвигов второй половины XX века – крайне актуальная тема научного освоения современности. Это связано с развивающимся процессом концептуализации ценностной проблематики. Особенно примечательным этот анализ может стать при вовлечении в сферу исследования уникальных историко-культурных данных, сохранившихся в пространстве Русского Севера. Поиск комплексов источников очерчен широким кругом коллекций центральных и региональных архивов, среди которых выделяется известный в рядах историков и литературоведов фонд писателя Василия Ивановича Белова¹, размещенный в Государственном архиве Вологодской области.

¹ ГАВО. Ф. Р-5134 – Белов Василий Иванович, писатель (1932–2012).

Самобытные сведения, в основном касающиеся сельского мира и напрямую связанные с оценкой общественных трансформаций, могут дать обширную информацию, касательно формирования представления о колорите северного мировидения: отношения к труду, хозяйственности на земле, управленчеству, капитализации жизни и материальным ценностям, собственничеству, духовной составляющей повседневной жизни. Кроме того, источниковый ряд являет собой т.н. чувственную базу в процессе овладения знанием о разломах общественного сознания (в т.ч. о конкретных исторических событиях, легших в основу так называемого «разлада» в крестьянской жизни [5]), а также социального кризиса, бурно проявившегося на заре XX века (во многом связанного с идеолого-ценностными пертурбациями) и в новых ментально-дезинтегративных формах (рассогласование смысложизненных ориентаций, индивидуализм, преобладание партикулярных ценностей над универсальными, кризис единства идеалов) переместившегося в современность.

Исходя из задачи исследования векторов эволюции общественного сознания второй половины XX столетия (поставленной в одноименном гранте) в данной статье мы предлагаем к анализу широко представленные в фонде Р-5134 ГАВО данные эпистолярной тематики конца 1980-х гг. На наш взгляд, именно этот ресурс отражает этапы перестройки народного миропонимания происходящих процессов. Однако мы принимаем во внимание особенности работы с данными источниками, их аутентичность времени, своеобразие мотивов написания, трактовки и интерпретации происходящих событий, что, однако, не умаляет их значимости, а только укрепляет научный интерес к данному пласту документов.

Предваряя дальнейшую цитацию, нужно отметить, что обращение к жанру переписки в науке имеет довольно стойкий интерес, в особенности в отношении личности В. И. Белова. Примечательны в данном отношении работы Л. Н. Вересова [2], Ю. В. Розанова [9], А. Н. Грешневинова [4] и др. Исследователи в основном останавливаются на изучении развития литературной среды Русского Севера, динамики писательских

взаимоотношений [7; 8; 12]. Социальные и ценностные аспекты жизни, российской ментальности (отраженные в письмах) затрагиваются в меньшей степени [11] (в особенности, касающиеся перестроечных процессов в экономической и политической структуре СССР). Между тем данные вопросы интенсивно рассматриваются через анализ художественной литературы [1; 6; 10].

В основу настоящей статьи положены письма разных лиц В. И. Белову за 1987–1989 гг. по поводу открытых обращений в газету «Правда», журнал «Знание-сила», «Огонек» и др. Нельзя не отметить, что талант писателя проявлялся не только через издание художественных произведений и этнографических очерков, но и через активно-значимую публицистическую деятельность. Это в первую очередь сборники «Раздумья на родине» (1986), «Ремесло отчуждения» (1988), «Внемли себе» (1993), «Записки на ходу» (1999), «Раздумья о дне сегодняшнем» (2004), а также коллективные статьи, заметки, бытописания, на которые, как правило, читающая публика реагировала незамедлительно и довольно энергично. Материалы, адресованные литератору (о которых речь пойдет далее), отражают озабоченность авторов касательно обнародования редакциями периодических изданий представленных текстов: «при сегодняшней гласности печатать не будут» [3, л. 8]. Поэтому довольно небезосновательно копии своих соображений они с доверием направляли «глубокоуважаемому» и «дорогому» Василию Ивановичу. Так, московский актер и композитор А. В. Ширялин рассуждал: «Посылаю Вам свой отзыв на статью в газете “Правда” “Легко ли быть молодым?”². Из опасения, что

² Белов В., Бондарев Ю., Распутин В. Легко ли быть молодым? // Правда. – 1987. – 9 ноября. – С. 12. (Статья об одноименном документальном фильме 1986 г. режиссера Юриса Подниекса, рассказывающем о проблемах советской молодежи времен начала «Перестройки» с пометкой «Приглашаем к разговору» на злободневную тему). Позднее В. И. Белов утверждал, что текст, опубликованный в газете, не был согласован с авторами (см.: Белов В. И. Письмо в «Правду» // Раздумья на родине: [очерки и ст.]. – 2 изд. – М.: Современник, 1989. – С. 175).

с таким содержанием “не пойдет” дальше отдела писем. Может, посоветуете куда и кому показать мою статью?» [3, л. 1]. Авторитетность фигуры В. Белова подчеркивается в контексте умозрений того же автора насчет популяризации исторического наследия: «Письмо на Вашу публикацию в “Правде” я послал от себя лично, но мы послали письмо и от музыкальной секции общества охраны памятников культуры. Наша секция во главе с А. Ведерниковым делает большое дело по сплочению сил г. Москвы для возрождения музыкальных памятников, а сейчас мы боремся за храм св. Климения на Пятницкой, чтобы превратить его в центр по пропаганде русской культуры. Это и лекции-концерты, литературно-музыкальные вечера, и живопись из запасников, что упрятана от глаз людских... Хотелось бы заручиться Вашей поддержкой в борьбе за храм (только в крайнем случае – постараемся “отвоевать” своими силами)»³ [3, л. 1, 1 об.]. Мнение члена Союза писателей России А. Ширялина пропитано крайним беспокойством за судьбу потерявшей опору молодежи. «Сколько уже было опубликовано материалов в печати с набатной болью о судьбе молодежи, которая выходит духовно искалеченной из этого рок-безумия. Но никаких видимых изменений не происходит – все те же беснования рок-групп, от которых тянет убийственной жутью... Все та же безудержная реклама их средствами массовой информации. Все те же ссылки на потребности молодежи... С каждым годом “засеваются” все больше и больше духовных площадей, и они дают обильные всходы. Естественно, от рок-ансамблей идут немалые кассовые сборы... Что можно противопоставить рок-потребностям? Ответ можно найти в статье Н. Мешко (от 16. 09. 1987) “Народной песне – жить”. Автор верно отсылает к советской массовой песне 1930–1950-х гг., отмечая ее народность и самобытность. Именно эта песня “делала огромное дело в воспитании патриотизма и сплочения людей”, но русское народное искусство как никакое другое подвергается опошлению и разрушению, т.е. разрушается здоровая и естественная среда, которая формировала

³ Письмо не датировано автором.

духовный облик многих поколений»⁴, отмечал Анатолий Владимирович в письме в редакцию «Правды» [3, л. 2–3].

Писатель Владимир Терехов также откликнулся на статью «Легко ли быть молодым?» и в письме В. И. Белову от 12 января 1988 г. отмечал, что «убедился в объективности процесса нравственной и эстетической деградации немалой массы молодежи», т.к. «старшие или махнули рукой на чад своих, окунувшись с головой в производственную и “личную” жизнь, отдавшись гонке производства – потребления, или активно калечат их личным примером лицемерия и цинизма. Малые семейные островки гражданской чистоты, духовности, культурности вряд ли способны противостоять захлестывающему их океану нравственной и эстетической неразборчивости, вульгарного прагматизма. Этот океан уже и деревню захлестнул» [3, л. 6]. Резюмируя свои размышления, литератор отмечал, что «здоровые чистые души, здоровые чистые силы, и немалые, есть <...> их облепили ярлыками ретроградов, консерваторов, реакционеров», но и «говорить о безобидности нынешней массовой культуры, вернее, коммерческой эрзац-культуры, легкомысленно» [3, л. 6, 7].

Глубокую тревогу перед наступившим культурным настоящим и будущим молодежи высказывал поэт-крымчанин В. А. Белолопотко в письме В. И. Белову от 2 августа 1988 г. Выражая солидарность с писателем, он отмечал: «Возрождение, спасение национальных культур – это вопрос № 1, ибо духовная пища нации вдохновляет на труд земной. Со времени VI съезда писателей России, где вы пробили тревогу, до протеста в “Правде” 9 ноября 1987 г. многие живут надеждой на торжество справедливости, здравого смысла. Из всех негативных факторов масскультуры – самый позорный и губительный – это потеря чувства патриотизма, совести» [3, л. 9]. Выход из сложившегося положения автор видел в расширении пропаганды всего «родного народного» и в воспитании подрастающего поколения. «Иначе американская кассета будет продолжать

⁴ Письмо не датировано автором.

“воспитывать” – отнимать у нас души наших детей», – заключал В. Белолопотко [3, л. 9 об.].

В следующем письме Владимир Белолопотко, разбираясь в причинах духовной деградации, заключал: «Падение нравственное и все, что мы сейчас имеем – это результат разрушенных церквей. Но на Западе “церквей не разрушали”, а деградация, проституция, СПИД, духовный СПИД, рок-мания, наркомания и т.п. на 10–30 лет раньше нашего расцвели. Значительная причина – в сексуализации быта и искусства, в потере национальной культуры, а это выше, чем религия, потому что религия – это вера, а дух, колорит национальный – генетического, этнического, географического происхождения. Менялись веры, политические убеждения, а нации (язык, песня, танец, обычай, характер) сохраняются. А если часть нации оторвана рок-сексуализацией от родной культуры, то мы видим, какими они неполноценными стали. Спасать национальную культуру надо через крестьянство, как очень мудро сказали Вы!»⁵ [3, л. 10, 10 об.]. Обдумывая первопричины и истоки сложившейся ситуации, автор отмечал, что разделение проблем жизни на молодежные и немолодежные есть педагогическое преступление. Он писал: «Тысячелетиями песня и танцы (“барыня”, гопак, лезгинка, частушки и т.п.) не делились на стариковские и молодежные – в этом мудрость многовекового опыта. Песни тоже не делились, потому что – все это воспитание с детства: серьезности, честности, скромной красоты, преданности и любви» [3, л. 10 об.].

Следующий автор письма, подобно вышеупомянутому, также считал, что одним из самых острых, тревожащих и злободневных является вопрос: «Легко ли быть молодым?» Поводом к тому Григорий Хайсман называл «гуманную политику и пассивное отношение к отдельным юношам и девушкам, среди которых родились любители острых ощущений под аккомпанемент злых духов, воодушевленных криками поп-“спид”-музыки, на чудесных эстрадах чудес с душераздираю-

⁵ Письмо не датировано автором.

щими стонами и чуждыми нашей морали текстами довольно странных исполнителей некоронованных королей и королев, которые потянули за собой часть молодежи, о которой с великим запозданием бьют в колокола тревог, чтобы ухватиться за маленькую нить надежды спасения заблудившихся людей, словно околдованных и впавших в объятие опиума»⁶ [3, л. 12]. Среди причин сложившегося положения называлась «халатность тех, кто своевременно должен был остановить пагубную машину». Бездеятельность в свою очередь порождала, согласно размышлениям автора, антипатриотический настрой, тунеядство, алкоголизм, преступность и проституцию. Песня же, отражающая подвиги многонационального народа, имеющая свое великое и неповторимое «я» могла бы стать эффективным «эликсиром», душою времени, пронесшей обычаи, традиции, радости и печали народа [3].

Развивая мысли предыдущих адресантов, редактор художественного вещания Горьковского телевидения Сергей Чуянов подчеркивал, что «вкусы целого поколения примитивизированы и вульгаризированы, молодежь рвет со своими корнями, цветет агрессивность, жестокость и духовная пустота». Автор фиксировал: «Меня потрясает, когда молодые люди приходят в зал древнерусской живописи или в зал передвижников, в зал русских ремесел и смотрят на это, как на сувениры <...> Иногда я числюсь даже “ретроградом” за попытки отстаивать свои взгляды и пропагандировать святое, что у нас никто не отнимет – духовность России. В связи с чем делаем циклы передач о народных мастерах, художниках, писателях. Однако это капля в море и часть нашего искусства делает людей какими-то инфантильными, не умеющими строить свою судьбу: квартира, “телек”, магнитофон, балдение и все. Это омерзительно и тревожно»⁷ [3, л. 13, 14]. Обдумывая бытийные реалии, задачи руководства и творческой интеллигенции, С. Чуянов с некоторым чувством недоумения и отчаяния вопрошал: «Вы пишете,

⁶ Письмо не датировано автором.

⁷ Письмо не датировано автором.

что “деятели культуры” “обязаны сделать”. А разве не делали? Разве Вы с Распутиным не писали эти годы книги, от которых болело сердце и тревожно было от многого на душе?!» [3, л. 15].

Небезосновательно и словно в продолжение рассуждений С. Чуянова в письме от 24 января 1989 г. новосибирец В. М. Королихин определял деятельность Василия Ивановича Белова как благородную и направленную на пробуждение и возрождение русского самосознания. Он обозначил терпимость и безысходность невыносимыми и поддержал «Открытое письмо в “Правду”»⁸, которое воспринимал как патриотический шаг лидеров России. «Писатели всегда были совестью народа, особенно на Руси. Мое личное отношение к вопросу заставило инициировать поддержку “Письма” в институте, где я работаю», – подчеркивал автор корреспонденции. Примечательны осмысления насущных и жизненно необходимых мероприятий (способствующих определению ценностей действительности), среди которых упоминались: форум писателей России для определения приоритета проблем и консолидации сил; публицистические статьи и романы, такие как «Все впереди» и «Кануны»; активное привлечение русской общественности к проблемам Российского Нечерноземья – колыбели русской нации; поднятие вопроса о создании (восстановлении) Российской академии наук (ее гуманитарных институтов); создание Русской энциклопедии; заострение вопросов экологии; возвращение русским городам их исторических первоначальных названий; учреждение «Народного фронта» или «Народного веча» [3, л. 22, 23].

Таким образом, исходя из вышеизложенного, статья В. Белова, Ю. Бондарева, В. Распутина «Легко ли быть молодым?» от 10 ноября 1987 г. и открытое письмо группы писателей от

⁸ Алексеев М., Астафьев В., Белов В., Бондарчук С., Викулов С., Проскурин П., Распутин В. Письмо в «Правду» // Правда. – 1989. – 18 января. – С. 6. (Истолкование письма, в котором выражена обеспокоенность тревожной тенденцией, в некоторых публикациях «Огонька» и других органов печати сводилось к унижению, клевете и дискредитации советских писателей.)

18 января 1989 г., опубликованные в «Правде», вызвали довольно широкий общественный резонанс. Но не всегда выступления литераторов пробуждали положительный отклик. Так, в редакцию «Правды» и лично В. Белову 21 января 1989 г. писала Е. Ц. Чуковская, называя письмо от 1989 г. «лживым и постыдным документом»: «Не могу не высказать Вам своего огорчения и несогласия <...> Мне больно и горько видеть Ваше уважаемое имя (как и имена Астафьева и Распутина) среди лиц, запятнавших себя многократно и многосторонне <...> не теряю надежды, что Вы найдете форму и возможность исправить положение» [3, л. 17, 17 об.]. Тем не менее большинство писем в газету и на адрес писателя отражали поддержку его позиции: «Советская литература, русская литература всегда была, прежде всего – доброй, чистой. Настоящий преданный родине человек – не может не появиться, не имея перед собой такого положительного идеала. И наступление на русскую литературу, предпринятое некоторыми периодическими изданиями, не есть ли тайное желание подорвать веру в родину? Слезы вызвал у меня отчаянный крик русских писателей. Я поддерживаю честные и тревожные слова письма, подписанного честными людьми отечественной литературы и искусства»⁹, – заявлял член Союза писателей М. Чернышев [3, л. 19, 20].

Анализ сопричастности к русской культуре и напрямую связанного с данной проблемой состояния общественного сознания со стороны творческого сообщества включал в первую очередь оценку отношения к народному искусству – главным образом к живописи и сплывающей самобытной песне. Социальная позиция молодого поколения конца 1980-х гг. виделась авторам упомянутых писем в выражении проявлений бездуховности, ограниченности, деградации и пассивности. В таком взгляде на молодежь чувствуется конфликт поколений. При этом творчество и убеждения писателя В. Белова, проявленные через публицистику, стали толчком для выстраивания духовных созвучий, определенной консолидации лиц старшего возраста.

⁹ Письмо не датировано автором.

Тон писем отражает довольно болезненное восприятие «перестроечных» трансформаций, повлекших за собой утверждение потребленчества, вульгаризации быта, примитивизации вкуса, бескультурности и, наконец, утраты патриотизма. Отсюда следует, что в повседневности периода заката советской эпохи наблюдались двойственные процессы. Часть общества под воздействием политической и экономической конъюнктуры испытывала на себе «слом» прежних идеалов, а другая, рефлексировав и занимая активную общественную позицию, старалась не допустить дальнейшего всеохватного «разрастания» пороков и «заблуждений», предлагая конкретные способы борьбы с ними.

В завершение сказанного отметим, что изучение формирования и трансформации общественных взглядов, потребительских стандартов, поведенческих и духовных характеристик, колебаний мироощущений, в том числе у молодежи, имеет особую значимость в плане понимания современных перспектив в выстраивании оси прогрессивного взаимодействия между властью и обществом, учета эволюции нравственных идеалов и патриотических ориентаций, а также стимуляции утверждения определенности конструктивного вектора развития России в будущем.

Литература

1. Безнин М. А. Социально-политические взгляды В. И. Белова: отражение трансформации российского общества в XX веке / М. А. Безнин // Стратегия и тактика реализации социально-экономических реформ: региональный аспект: Материалы VIII международной научно-практической конференции, Вологда, 12–14 декабря 2018 года. – Вологда: Вологодский научный центр РАН, 2019. – С. 25–28.
2. Вересов Л. Письмо В. И. Белову как загадка и информация для исследователей / Л. Вересов. – Текст: электронный // Душа хранит: жизнь и поэзия Н. Рубцова. – URL: https://rubtsov-poetry.ru/research_2/pismo_belovu.htm (дата обращения: 19.10. 2025).
3. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 5134. Оп. 1. Д. 386.

4. Грешневилов А. Н. Сто сорок писем Василия Белова / А. Н. Грешневилов. – Москва: Книжный мир, 2019. – 416 с.
5. Димони Т. М. Лад и разлад (Творчество В. И. Белова как отражение трансформации российского социума) / Т. М. Димони // Беловский сборник / Вологодская областная научная библиотека им. И. В. Бабушкина, Вологодский государственный университет ; под общей редакцией С. Ю. Баранова. – Вологда, 2024. – Вып. 10. – С. 17–24.
6. Димони Т. М. Отражение ценностей поколений в русской прозе писателей-деревенщиков: Федор Абрамов, «Пелагея» и «Алька» / Т. М. Димони // Беловский сборник: материалы Научного собрания и Регионального конкурса молодежных социально-экономических проектов по развитию сельских территорий, Вологда, 23 октября 2019 г. / Администрация города Вологды, Вологодский государственный университет, Вологодская государственная молочнохозяйственная академия им. Н. В. Верещагина, Централизованная библиотечная система города Вологды ; под общей редакцией С. Ю. Баранова. – Вологда: ВОУНБ, 2019. – С. 149–155.
7. Ефремова Л. Л. Письма И. В. Лысцова В. И. Белову в фондах Государственного архива Вологодской области / Л. Л. Ефремова // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. – Вологда, 2024. – № 3 (34). – С. 53–55.
8. Кушнерева К. В. Эпистолярное наследие фонда В. И. Белова в научном и культурном контексте эпохи / К. В. Кушнерева // Русский Север-2020: проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия: сборник работ IV Всероссийской научной конференции с международным участием, Вологда, 11–15 марта 2020 г. / Тотемское музейное объединение, Вологодский государственный университет. – Вологда: Полиграф-Периодика, 2020. – С. 460–466.
9. Розанов Ю. В. Василий Белов и Виктор Астафьев: к истории личных и творческих отношений / Ю. В. Розанов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – Петрозаводск, 2020. – Т. 42, № 7. – С. 72–77.

10. Столетова А. С. Роман В. И. Белова «Все впереди» в объективе ценностно-мировоззренческого осмысления исторической ориентации России / А. С. Столетова // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. – Вологда, 2025. – № 3 (38). – С. 39–44.
11. Столетова А. С. Размышления северных писателей о ценностных сдвигах в сельском социуме второй половины XX века / А. С. Столетова // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. – Вологда, 2025. – № 2 (37). – С. 27–33.
12. Трикоз Э. Л. Письма Валентина Распутина к Василию Белову: (на материале фондовых документов Музея-квартиры В. И. Белова и Государственного архива Вологодской области) / Э. Л. Трикоз // Литература о войне: эволюция смыслов и трансформация образов: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Иркутск, 12–15 марта 2020 года. – Иркутск: Иркутский государственный университет, 2020. – С. 135–146.

ОБРАЗ-МОТИВ ДУШИ В ПОВЕСТИ В. И. БЕЛОВА «ПРИВЫЧНОЕ ДЕЛО»

Аннотация. В статье рассматриваются способы проявления образа-мотива души в повести В. И. Белова «Привычное дело». Он в полной мере раскрывается через парный образ Ивана Африкановича и его жены Катерины. В ходе анализа отдельных эпизодов повести показано, как автор воплощает в тексте фольклорные и религиозные представления о душе за счет использования образов-символов.

Ключевые слова: В. И. Белов, мотив души, образы персонажей, образы-символы.

Вторая половина XX века в русской литературе ознаменовалась явлением деревенской прозы, центральной фигурой которой по праву считается В. И. Белов. Его творчество, особенно ранний период, стало художественным манифестом, направленным на сохранение и осмысление уходящего мира русской деревни с ее многовековым укладом, нравственными устоями и духовными ценностями. Повесть «Привычное дело» – одно из программных произведений как в творчестве самого писателя, так и во всей деревенской прозе. В ней автор не только изображает уклад жизни русской деревни, но и выходит на уровень обобщения сути народного мирозерцания. Ключ к пониманию этого мирозерцания сосредоточен в образе-мотиве души, пронизывающем текст всего произведения.

Мотив души представляет собой одну из наиболее глубоких и универсальных культурных констант, которая воплощается в литературных произведениях. Специфика представлений о душе в каждой культуре определяется уникальным переплетением религиозных воззрений, философских размышлений и фольклора. Понимание этой специфики необходимо для постижения картины мира каждого народа.

Обратившись к повести «Привычное дело» В. И. Белова, можно найти проявление почти всех культурных составляющих понятия «душа». Наиболее ярко в произведении это показано через парный образ Ивана Африкановича и его жены Катерины.

В повести мотив души может проявляться эксплицитно, через конкретную используемую лексику «душа», и имплицитно, через связанные с ней образы и мотивы. В отношении Ивана Африкановича мотив души в большей мере проявляется эксплицитно, но здесь возникает вопрос: в каких ситуациях проявляется душа героя и какую роль она играет в создании его образа?

Душа Ивана Африкановича проявляется в трех измерениях – по отношению к его жене Катерине, близким людям (Мишке и Митьке), а также по отношению к природе и всему живому. Именно эти три составляющие формируют круг ценностей главного героя.

Если говорить о проявлении души Ивана Африкановича по отношению к Катерине, то чаще всего используется сама лексема «душа» и связанные с нею фразеологизмы: «Суетливое и бестолковое буйство в душе сменилось тревогой и жалостью к Катерине» [1, с. 18], «С Катериной у него горячая любовь: уйдет она в поле, на ферму ли, ему будто душу вынет» [1, с. 21], «У Ивана Африкановича еще с ночи на душе было какое-то странное беспокойство» [1, с. 55]. Без жены душа героя испытывает тревогу, боль, которые сразу проходят, когда Катерина рядом: «И опять все успокоилось в душе – много ли человеку надо?» [1, с. 57]. Мотив души в данном случае свидетельствует о неразрывной духовной связи между главными героями. Только Катерина способна пробудить душу Ивана Африкановича, заставить задуматься о предназначении и смысле своего существования в мире.

Со смертью жены словно бы умирает и сама душа Ивана Африкановича, а мотив души при этом начинает проявляться имплицитно, через связь с местом ее пребывания – сердцем: «Холодная светлая вода напомнила ему сосновский родник, где видел он в последний раз Катерину, и опять зашаялась в сердце

скорбная горечь» [1, с. 144], «...темная тишина давила сердце» [1, с. 147], «И было странно, что есть все еще не хотелось и лишь сосало что-то в середине груди и около желудка» [1, с. 148].

В народном представлении душа живого человека пребывает в теле, о чем свидетельствует использование понятия «душа» в связи со словами, характеризующими ее положение «внутри», «в середине», «в каждой частице тела». Зачастую указывается на расположении души в определенной части тела: «в сердце или около него, в груди, в желудке» [3, с. 163].

Показательным является эпизод в лесу, когда Иван Африканович решает ночью пойти к запримеченной осине, предназначенной для новой лодки. В композиционном плане этот эпизод является кульминацией душевных терзаний главного героя, поскольку смерть любимой жены побуждает к возрождению «умершую» душу Иван Африкановича, которая была неразрывно связана при жизни с душой Катерины. Об этом свидетельствуют внутренние монологи главного героя, представленные в главке, названной так же, как и вся повесть – «Привычное дело»: «Надо идти. Идти, надо, а куда бы, для чего теперь и идти? Кажись, и некуда больше идти, все пройдено, все прожито. И некуда ему без нее идти, да и непошто. Никого больше не будет, ничего не будет, потому что нет Катерины. Все осталось, ее одной нет, и ничего нет без нее...» [1, с. 142].

В ходе этого блуждания Иван Африканович ведет внутренний диалог со своей душой. Он задает вопросы о смысле жизни и смерти, пытаясь найти подтверждение существования чего-то нематериального, что остается после физической смерти: «Иван Африканович раньше никогда не боялся смерти. Думал: не может быть так, что ничего не остается от человека. Душа ли там какая, либо еще что, но должно ведь оставаться, не может случиться, что исчезнет все, до капельки. Бог ли там или не бог, а должно же что-то быть на той стороне...» [1, с. 149].

Иван Африканович приходит к пониманию смысла собственного существования на земле: «...вот умерла Катерина, и стало понятно, что ничего после смерти и не будет, одна чернота, ночь, пустое место, ничего. Да. Ну, а другие-то, живые-то люди?

Гришка, Анатошка вон? Ведь они-то будут, они-то останутся. И озеро, и этот проклятый лес останется, и косить опять побегут. Тут-то как? Выходит, жись-то все равно не остановится и пойдет как раньше, пусть без него, без Ивана Африкановича. Выходит, все-таки, что лучше было родиться, чем не родиться» [1, с. 150]. Иван Африканович не дает ответа на главный вопрос: жива ли душа после смерти? Он понимает, что важны души людей, разделяющих с ним горе и радости. Придя к этому умозаключению, в конце повести Иван Африканович обретает «ровный душевный покой», который почувствовал впервые за долгое время у озера.

Теперь этот покой неразрывно связан с природой, как и в целом душа героя, которая проявляется как имплицитно, так и эксплицитно. В главе «Утро Ивана Африкановича» показателен эпизод с замерзшим воробьем, которого нашел и подобрал главный герой, чтобы отогреть его своим дыханием.

В фольклорной традиции душе часто приписывается зооморфный образ. В первую очередь она, по народным представлениям, уподоблялась птицам, «особенно часто ночным – сове, филину, сычу, а также кукушке, голубю, воробью» [3, с. 165]. Попытки отогреть воробья собственным дыханием также являются отражением представлений народной культуры о возникновении духа путем «вдувания новой жизни».

Воробей, символизирующий душу, воспринимается не просто как живое создание. В глазах Ивана Африкановича он становится настоящим собеседником, на беду которого так живо откликается главный герой. Только человек, тонко чувствующий душу живой природы и людей, способен понять их боль и страдание, помочь им. Именно это отличает Ивана Африкановича от других героев повести.

Душевная боль Дрынова проявляется и по отношению к близким для него людям. До ареста Мишки и Митьки за незаконную косьбу и вывоз сена нет ни намека на то, что душа Ивана Африкановича может проявляться по отношению к кому-то помимо Катерины. Но теперь, когда он думает, что их посадят, «душа болела у него больше и больше, не мог найти

себе места» [1, с. 93]. В данном случае проявляется, пусть и не так определенно, как в отношении к Катерине, но все же достаточно отчетливо, его связь и с шурином, и с соседом.

Парным образом для Ивана Африкановича является его жена. Катерина – персонаж, с которым Иван Африканович связан на духовном уровне. Мотив души по отношению к ней проявляется имплицитно. Представлено это всего в двух эпизодах, связанных с чувствами Катерины. Во-первых, это ее реакция на измену Ивана Африкановича с Дашкой Путанкой. Во-вторых, – эпизод возвращения из больницы после первого приступа. В обоих случаях Катерина раскрывает свои чувства, которые и роднят ее с Иваном Африкановичем: «А он пошел в другой дом, и будто сердце чуяло, Катерине стало горько, когда он ушел в гости» [1, с. 43], «И вдруг Катерина почуяла, как у нее чего-то тоскливо и больно сжалось в груди, оглянувшись сама не своя, кинулась к тому концу бревен: – Марусенька, милая...» [1, с. 54].

Однако роль Катерины в повести «Привычное дело» другая. Ее образ является олицетворением понятия душа [подробнее см.: 4, с. 210]. Об этом свидетельствует то, что именно по отношению к ней постоянно пробуждается душа Ивана Африкановича, именно с ее смертью он сначала теряет, а затем заново находит смысл своего существования, о котором никогда не задумывался раньше, когда жена была рядом.

Символическое значение образа Катерины раскрывается через посмертную трансформацию ее души, когда она перерождается и персонифицируется в образе верхнего яруса мира – звезды, которая являлась в народных представлениях «сосудом для вместилища души» [2, с. 158]. Именно звезда помогает найти выход из леса Ивану Африкановичу во время его «блуждания души». Звезда становится важным образом-символом. Она указывает заплутавшему Ивану Африкановичу дорогу, идя по которой, он вернется к себе.

Ее образ сливается с самой природой, что подчеркивается фразой-рефреном «Иван, ветрено <...> ой, Иван, ветрено как!», повторяющейся каждый раз в последних главах повести. Ее присутствие в мире природы, когда голос Катерины сливается

с голосом ветра, лишь усиливает ощущение ее присутствия. Она становится мерой «души» героя – ее наличия или утраты.

Таким образом, мотив души реализует свои главные значения, важные для понимания авторского замысла, через парные образы Ивана Африкановича и его жены Катерины.

Через проявление души главного героя в трех измерениях показаны ценности обычного деревенского жителя – это семья, его односельчане, а также природа, с которой человек, живущий в деревне, неразрывно связан с самого рождения. Если убрать любую составляющую этой ценностной картины, то можно нарушить привычный уклад жизни. Образ Катерины демонстрирует, что она является не просто одним из персонажей, а смыслообразующим центром повести в контексте трактовки образа-мотива души. Она становится ключом к пониманию того, что истинная «душа» в мире В. И. Белова – это душа единая со своими родными и близкими, а также помогающая им даже после смерти. Благодаря образу Катерины В. И. Белов утверждает мысль о бессмертии души, которая становится частью живой природы.

Литература

1. Белов В. И. Привычное дело: повесть / В. И. Белов. – Москва: Современник, 1986. – 158 с.
2. Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: образ мира и миры образов / М. М. Маковский. – Москва: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 1996. – 416 с.
3. Славянские древности: этнолингвистический словарь. В 5 томах. – Москва: Международные отношения, 1995. – Том 1. – 748 с.
4. Энциклопедия «Привычного дела» В. И. Белова : монография / С. Ю. Баранов, Л. А. Берсенева, Т. Н. Воронина [и др.] ; редактор и автор вступительной статьи С. Ю. Баранов. – Вологда : Полиграф-Периодика, 2021. – 646, [9] с.

МОТИВ СТОЯНИЯ ЗА РОДНУЮ ДЕРЕВНЮ В ДЕРЕВЕНСКОЙ ПРОЗЕ И ПОЭЗИИ

Аннотация. В статье рассматривается мотив деревенской прозы и поэзии, актуализирующийся в стоянии за родную деревню, против ее уничтожения, исчезновения с лица земли. Анализируются произведения как классиков деревенской прозы, так и современных продолжателей традиций данного направления русской литературы.

Ключевые слова: деревенская проза, мотив стояния, лирический герой, персонаж.

Мотив стояния связан, прежде всего, с темой защиты, обороны родной земли от вторжения извне, от угрозы порабощения. Он развивается преимущественно в литературе, посвященной войне. В деревенской прозе и поэзии этот мотив актуализируется в стоянии за родную деревню, против ее уничтожения, исчезновения с лица земли.

Е. Ш. Галимова утверждает, что в стихотворении Ольги Владимировны Корзовой «Молитва» «наличествуют почти все смыслы и образы, с которыми связано существование мотива стояния в современной поэзии Севера. Это и образы умерших деревень, за которыми – обезлюдение Русского Севера, стремительно ускорившееся в последние годы, и мотив слияния лирической героини с родной землей в стремлении если не спасти и защитить, то в любом случае не предать и не оставить, а остаться с ней и в ней навсегда, стать ею; и мотив единства в готовности стоять насмерть человека и всего деревенского и природного северного мира, и важность этого деяния, по сути составляющего главный смысл жизни человека, живущего на северной земле» [3, с. 19].

Заканчивается это стихотворение так:

Не дай отступиться,
Когда отступается век
И прадед молчит,
Укоризненно глядя
Мне в спину.

Этот мотив пронизывает все творчество Ольги Корзовой, она убеждена, что традиции предков, вековые устои не должны исчезнуть, нельзя терять надежду на то, что Россия устоит:

...Лихолетье минует.
Не ведаю, поздно ли, рано,
Но распашут поля,
И дороги проложат опять,
И поднимут кресты
Работающие руки Иванов,
Свято верящих в то,
Что Россия должна устоять...
(«На широких ветрах...»)

Тема деревни одна из главных в творчестве Ирины Леонидовны Кемаковой. В 2017 г. у нее вышел сборник, озаглавленный по открывающему его стихотворению «Челобитная деревни». Оно представляет собой написанную с горькой иронией именно челобитную «барыне Москве» от ее «кормилицы-деревни»:

Ну, здравствуй, здравствуй, барыня Москва!
Кормилица твоя к тебе с поклоном –
Одна из многих. Будь же благосклонна –
Не как Иван, не помнящий родства.

Деревня жалуется на свои беды: «А я слабею, без конца болею, Слепла, обезножела почти»; радуется здравью и процветанию столицы: «Сверкает днем и ночью в огоньках»; обращается к барыне с просьбой хоть немного помочь: «Прошу тебя: пришли моим старухам На всю деревню хоть один фонарь».

Есть в этой книге перекликающееся с заглавным пронзительное стихотворение «Остальцы», в котором говорится о том, что «все глубже и шире разлом Меж первопрестольной и провинциальной Россией». Нет здесь горькой иронии, нет сарказма, лирической героиней движут другие эмоции: «Не зависть, не злоба, не ярость шального быка – В душе поселились обида и боль вперемешку». Обида за крестьянство, остающееся верным своей земле, своему делу, боль за несправедливо тяжкую долю сельских тружеников:

Как будто в войну: ломают бабы и редок мужик,
А жизнь не намазана медом, не сдобрена сальцем.
Глухая провинция – словно обидный ярлык.
Стократно вернее исконное слово – остальцы.

Круг замкнулся: заглавное окказиональное слово занимает еще одну сильную позицию – финала стихотворения. Остальцы – те, кто остаются на своей земле, те, кто продолжает ее возделывать, лелеять, несмотря ни на что, те, кто готовы отстаивать до конца честь русской деревни. Это не пришельцы, не ушельцы, а именно остальцы, потому что срослись корнями с родной землей. Про них слагает свои стихи Ирина Кемакова, она сама из тех самых остальцев. Она сама ощущает особую связь «с крестьянской своей родословной»:

Эта связь не прервется, хоть годы пройдут.
То, как дратва, груба, то ажурна, как прошва, –
Это связь поколений грядущих и прошлых
С настоящим – и счастье, что я в том ряду.
(«Связь»)

Мотив стояния характерен и для произведений классиков деревенской прозы. Повесть Александра Яковлевича Яшина «Баба Яга» написана в 1960 г., впервые целиком она была опубликована в 1985 г. В основе повести трудная, горемычная судьба главной героини – старухи Устиньи, которую за глаза,

а то и в глаза называют Бабой Ягой. И это не случайно – тяжелый, невыносимый характер у этой, безусловно, сильной женщины, которой довелось много страдать, терпеть обиды, а потому и ожесточиться, стать нелюдимою, мизантропически настроенной.

Старуха живет одна в заброшенной умирающей деревне на острове посреди озера, живет, ведет хозяйство, а оно у нее немалое. Легко справляется с лодкой – не моторной, самой обыкновенной весельной, причем не страшны ей ни волны, ни штормы. Сухая, задубевшая, могучая, нестигаемая, несмотря ни на какие природные или житейские катаклизмы. С восхищением и страхом о ней говорят люди, притом не забывая помянуть нечистую силу.

Устинья – женщина грубая, резкая, обидеть может. Стараясь люди особо с ней не связываться, да и она не стремится к общению. Одна она, потому что накрепко прикипела к родной земле, к родной деревне. Пришлось ей немало поскитаться на чужбине, поскольку жизни на родине не было. И вот сейчас она хранительница целой деревни, и довелось ей увидеть, «как умирает деревня, умирает постепенно, дом за домом, пустеет, разваливается, замолкает – целая деревня сразу...»

Самый пронзительный эпизод повести – обходит Устинья свои владения, дома разрушенные, вспоминает о людях, в них живших: что стало с ними, почему побросали свои дома? Судьбы горькие. Грустно, тоскливо. Недоумевает она, рассуждая о молодых: готовы они прижиться где угодно, только бы не возвращаться на свой родной остров. И так это остро, так болезненно. Вот они – истоки исхода, умирания, исчезновения русской деревни. Уже тогда. Что и говорить о сегодняшнем состоянии. Но сейчас это звучит особенно пронзительно, отчаянно.

Примечателен разговор Устиньи с председателем, которому она показатели портит тем, что упрямая, злая, да и не умрет никак. А она ему отвечает: «Мой это остров. Тут все мое, мои корни здесь».

Достало сил Устинье забраться на печь в свой смертный час. И звучит вдохновенный яшинский гимн русской печи, этой

хранительнице и заступнице русского человека – большая она, ласковая, «живая душа северной избы», «сердце дома». «Умирает Устинья. Умирает разверстая русская печь. Кто из них раньше остынет? Что может быть печальнее, нелепее, чем холодная печь в деревенской избе?...»

В пьесе Василия Ивановича Белова «Над светлой водой» (1970) «Как последний рубеж своей жизни охраняет старый солдат Федор Касаткин родную Каменку, предназначенную на снос. Вместе с ним – дочь его Даша, соседка Трефена, сын ее Ваня: они твердо знают, что деревня их не случайно поставлена над красивой излучиной северной реки. Здесь люди жили больше семи веков и непременно должны вернуться, чтобы строить дома на том же месте» [4, с. 209–210].

Герой пьесы недоумевает: «А куда идти-то? Вот Каменку из списков вычистили. А ведь и тут земля! И люди жили испокон веку <...> Дак пошто бы ее бросать? Пошто оставлять». В споре с сыном – председателем колхоза он эмоционально вопрошает: «Деревни-то... по семьсот лет стояли, не меньше... Ладно, тебе их не жалко. А землю? Рыжиками, что ли, коров-то будешь кормить? Ведь ежели деревни не будет, то и остальная земля ольхой зарастет! Кто будет косить ходить? <...> А деревню не нарушай. Их вон до тебя сколько порушили! Деревень-то! Ты думаешь, у тебя народу прибавится, ежели деревни порушишь?»

Именно военную риторику использует старый солдат Федор Касаткин, вот характерный диалог:

«Георгий: Как твоя Каменка?»

Федор: Да вот стоит... стоит. Пока оборону держу. Как в Бресте...»

Тот же мотив варьируют другие реплики героя: «А вот не дадим сгинуть Каменке! Не дадим!». И в финале: «Вот Каменку не отстоял Федор Касаткин... Не удержал позиций...» Финал истории трагичен – старейшина деревни Федор Касаткин умирает. Тем не менее его «последние слова полны надежды и веры: в деревне над светлой водой будут счастливо жить его внуки и правнуки» [4, с. 213].

В рассказе Федора Александровича Абрамова «Жарким летом» (1970–1981), который «по своей содержательной насыщенности может быть поставлен в ряд с повестями» [2, с. 189], в центре внимания судьба Аркадия Лысохина, ставшего в семнадцать лет инвалидом, его семейная драма. Однако в этом рассказе в полную силу проявляется тот же мотив стояния за родную деревню, объявленную неперспективной и обреченную на гибель.

Вот несобственно-прямая речь героя рассказа: «Была, была Лысоха, одно время даже колхозную контору имела (тридцать пять домов своих да двадцать семь в соседнем Радове – чем не колхоз?), а в войну и после войны сколько мяса, сколько молока давала государству! А потом начали мудрить, начали укрупнять да разукрупнять – люди дай бог ноги: кто в леспромхоз, кто в город, кто куда, а потом уж и совсем черт-те что – неперспективкой объявили.

Четыреста годов перспективкой была, четыреста годов Лысоха здравствовала <...> и вдруг команда: сматывай удочки, вытряхивайся из своего дома. Да, скот перегнали в Горки, школу прикрыли, лавку прикрыли – как жить?»

И дальше: «Аркадий восстал. Аркадий, самый худявый мужичонка в Лысохе (в смысле здоровья, конечно), уперся ногами и руками: не брошу родную деревню, сдохну, а с места не сдвинусь. И первой опорой его, первой помощницей в борьбе за родную Лысоху – они так и выражались иной раз, чтоб пожарче раскопегарить себя, – была Гелька» (речь идет о старшей дочери героя).

Ш. З. Галимов отмечает, что герой рассказа «не святой, не образцовый, в нем масса несовершенного, “простонародного”. Но он душевно высок, справедлив, чист, это социально активная, действенная натура, искренне болеющая за положение дел и в доме своем, и в родном совхозе, и во всей стране» [2, с. 191].

Малой родиной Виталия Семеновича Маслова является небольшая поморская деревня Семжа, основанная в XVII веке, но в конце XX столетия объявленная неперспективной и впоследствии причисленная к нежилым, поскольку покинули деревню

ее жители. Однако В. С. Маслов Семжу не покинул, остался в ней «на вечное жительство». Семжа продолжает свою жизнь в созданной писателем книжной деревне Крутая Дресва. В Семже В. С. Маслов организовал Дом памяти – как залог того, что его родная деревня жива и будет жить несмотря ни на что в памяти потомков ее исконных обитателей. Семжанам посвятил писатель цикл очерков с весьма показательным названием «Еще живые...» Есть в творческом наследии автора и публицистический очерк «Жить Семже или не жить?», в котором он излагает свою программу сохранения деревни, но очерк в свое время опубликован не был. В конце книги В. С. Маслова «Еще живые...» читаем: «Но разве даже того немногого, что сказал я о своей маленькой деревушке, о деревушке на самом краешке нашей земли, недостаточно, чтобы утвердиться в мысли: нет старых деревень с неинтересной историей, особенно если вглядываешься в эту историю сыновним равнодушным взглядом!».

Книга Романа Валерьевича Сенчина «Зона затопления» перекликается с повестью Валентина Григорьевича Распутина «Прощание с Матерой», великому предшественнику Р. Сенчин и посвящает свое выстраданное творение. Здесь тоже речь идет о затоплении сибирских деревень ради строительства гидроэлектростанции. Невольно задумаешься вслед за одним из героев романа: неужели в современном мире электричество нельзя вырабатывать как-то иначе, без больших жертв, без нагнетания страстей? Неужели столько страданий ради чьей-то сиюминутной прихоти, чьей-то ненасытной выгоды? И писатель Распутин упоминается в романе, в его уста вкладываются такие слова: «Сейчас, мне кажется, обречен весь мир. Подошло время негодности этого мира».

Получился мозаичный роман, в котором представлены разные судьбы, даются обрывочные истории. Но при этом создается цельное масштабное полотно беды, несправедливости, надвигающейся катастрофы. Будто бы сама природа проверяет людей на прочность, жестоко мстит за надругательство над собой. Особенно цинично ведет себя власть, ее представители – равнодушные временщики, ни за что не отвечающие, ни о чем не болеющие душой.

У романа пронзительный финал. Идут дед с внуком перед Пасхой на кладбище навестить могилки, перевезенные из затопленных деревень, но вдруг подступает вода: «– И здесь не уберегли. Довелось им хлебнуть... – Уходить надо. Бежать!» Приведем еще пару показательных цитат из романа: «Они не представляли свою жизнь не здесь – не здесь была черная пустота...»; «Когда родню деревню переживать, это хуже смерти».

«Одним из наиболее пронзительных, трагических моментов романа Сенчина оказывается эпизод, в котором немногие из оставшихся до последнего возможного дня собираются вечером накануне отъезда, чтобы проститься». Самая старая жительница деревни «запела то, что пели только на поминках». «И эта поминальная песнь звучит в эпизоде для каждого в отдельности, для всего села, для всей малой родины, для всей деревни-семьи» [1, с. 220].

Книга Натальи Михайловны Мелехиной озаглавлена «Железные люди», по названию одного из включенных в нее рассказов. Почему герои этого рассказа железные? Что-то негибачное, прочное, незыблемое? Нет, все просто, обыденно: «Дядя Гриша и его племянник Димка, старый и молодой сборщики металла, были похожи друг на друга не только по-родственному. Измученный раком печени дядя Гриша и страдающий тем же заболеванием сорокалетний Димка – они оба словно нарастили металлическую чешую поверх желтоватой от болезни кожи». А чем еще прикажешь жить в разоренной деревне? И когда родные предлагали им не ездить больше на промысел, они сурово отвечали: «Не будем шевелиться, так хоть помирай! Мужики мы или кто? Добытки или хренобитчики?»

Помните таксофоны, которые не так давно понатыкали в заброшенных деревнях как будто в насмешку? Некуда было денег потратить? Надо было отчитаться перед кем-то? А кому звонить? Разве только Богу? Что и делает деревенский дурачок Женя Иванов из рассказа Натальи Мелехиной «По заявкам сельчан». Пошутил было над дурачком герой рассказа Вадим, но вот что вышло: «Женя добрался до телефонной будки, снял трубку и беспорядочно понажимал на кнопки. Затем внятно

и громко произнес: – Але, Боже? Это я, Господи, Женя из Васильевского. Помоги мне, Отец Небесный, домой вернуться, избу свою отыскать». Горло перехватывает не только у Вадима, решившегося отстаивать свою деревню «до последнего дыхания, как и положено всякому воину».

Рассказ Артема Васильевича Попова «Есть такая Деревенька» – своего рода притча, прописная буква в слове «Деревенька» не случайна, ведь это топоним, имя собственное, однако больше хочется думать, что речь идет о Деревеньке в обобщенном смысле, которую не иначе, как с большой буквы хочется писать: «Эх, сколько таких безымянных деревенок в многострадальной России, где доживают свой век один-два человека!» Именно это название вынесено на обложку новой книги писателя.

«Без деревни не прожить городу. А если все уедут, кто вас будет кормить в городах-то? Хлеб на асфальте не растет. Эту землю наши деды обрабатывали, воевали за нее. И что? Кинуть? Оставить лесом зарастать?» – убежденно говорит усомнившейся дочери один из героев исторического экскурса в рассказе Артема Попова «Бунт», довод, вроде бы, убедительный, но время показало, что не такой уж он и убедительный, а потому огромное количество русских деревень исчезли с лица земли или обречены на исчезновение.

Кто возьмется за возрождение деревни? Только блажной! Герой рассказа Артема Попова, который так и называется «Блажной», Николай Порядин в какой-то момент в сердцах заявил другу: «Все, надоело прогибаться! Уезжаю в глушь, в деревню!» И ведь поехал. И вот она, родная деревня: «черные от времени и печали избы». Решил Николай расчистить зарастающее лесом поле, заразил своей решимостью местных мужичков: «Было видно, что мужики истосковались по настоящей работе, привычной для них с детства».

Финал у рассказа открытый. Мы не знаем, чем закончится блажная затея блажного героя, к тому же не отличающегося богатырским здоровьем. В журнальном варианте рассказа писатель был настроен явно пессимистически, в книге же –

оставил маленькую надежду на благополучный исход. Есть о чем подумать, есть на что решиться, есть к чему стремиться.

В «Стихах о заречной деревне» Галины Николаевны Рудаковой появляется особый образ: «тот “кто-то”, кто остается у очага и поддерживает горенье огня. И ждет, когда другие придут – вернутся домой – на свет этого огня» [3, с. 20]:

В пору безвременья и бездорожья
Кто-то останется у очага.
Кто-то поддержит горенье огня
В сердце своем и в оставленном доме,
Кто-то, возникнув в оконном проеме,
Будет стоять в ожиданье меня.

В произведениях классика деревенской поэзии Ольги Александры Фокиной много горечи по поводу безвозвратной гибели русской деревни:

Сгинем:
Безмолвно. Печально.
Беспамятно.
(«Доноры были...»)

Русская даль-сторонушка,
Пуст твой амбар, бесхлебен.
(«Думать ли нам о будущем...»)

Скорбь неперспективных деревень
(«Реквием»)

...Скоро и эта деревня изнетится –
Три – на отшибе – двора
(«Три огонька»)

И все-таки одно из самых, казалось бы, безнадежных стихотворений народной поэтессы «...А в деревне сейчас – непроглядная тьма...» заканчивается оптимистично:

Не обсохнет ведерышко,
Полное звезд,
И при мне –
Мой родник не замерзнет.

Или вот финал программного стихотворения поэтессы со знаковым эпиграфом из Н. М. Рубцова, ставшим его первой заглавной строкой, «Россия, Русь, храни себя, храни...»:

При плуге, при кольчуге, в лапоточках,
Стой, как стояла! И храни себя.

Не случайно именно эти строки Е. Ш. Галимова взяла в качестве эпиграфа к своей статье о мотиве стояния в северной поэзии [3, с. 17].

Литература

1. Биберган Е. С. Интертекстуальные отсылки в романе Р. Сенчина «Зона затопления» / Е. С. Биберган // Творчество Федора Абрамова в контексте эпохи. – Архангельск, 2020. – С. 218–223.
2. Галимов Ш. З. Федор Абрамов: творчество, личность / Ш.З. Галимов. – Архангельск : Северо-Западное книжное издательство, 1989. – 251 с.
3. Галимова Е. Ш. Актуализация мотива стояния в художественно мире Северного текста русской литературы / Е. Ш. Галимова // Северный текст русской литературы. – Вып.: Русский Север в системе точек зрения. – Архангельск, 2020. – С. 17–23.
4. Клименко В. В. В поисках живой воды / В. В. Клименко // В. И. Белов и его творчество в эссеистике, критике и литературоведении. – Вологда, 2022. – С. 209–217.

А. К. Сальников
г. Вологда

СЕВЕРНАЯ ФИВАИДА: НА ПУТИ ОТ ОПУСТОШЕНИЯ К ВОЗРОЖДЕНИЮ

(К десятилетию образования Вологодской митрополии)

Аннотация. В статье освещаются факты истории возникновения, упадка и возрождения святынь, которые снискали Вологодскому краю славу Северной Фиваиды. При ее подготовке были использованы материалы, опубликованные на сайте Вологодской митрополии.

Ключевые слова: Вологодская митрополия, Северная Фиваида, православные святыне, подвижничество, духовная жизнь, церковная история, храм, богослужение, возрождение святыни, реставрация.

Вместо эпиграфа

«Чтобы правильно оценить сделанное за 10 лет клириками и прихожанами храмов и монастырей Вологодской митрополии, – считает митрополит Савва, – следует кратко упомянуть состояние церковной жизни, к которому пришла Вологодчина к моменту образования митрополии. С 2014 по 2020 год в регионе почти втрое увеличилось количество действующих приходов, действующих монастырей. На базе Вологодского духовного училища создана семинария, в которой сегодня обучается до 300 студентов. Был возвращен Церкви и полностью отреставрирован Воскресенский кафедральный собор Вологды, завершено строительство главного храма Череповецкой епархии – собора преподобных Афанасия и Феодосия.

Поворотным событием в жизни митрополии стало создание в июле юбилейного года обетной обыденной часовни Спаса Всемиловитового близ места, где стоял Спасо-Всеградский собор – главный городской храм. – Это, по мнению митрополита Саввы, – первый шаг на пути воссоздания городской святыни».

ЗВЕЗДЫ В ГЛУШИ

Хорошо известно, что Вологодский край – место молитвенного подвига множества православных святых. А что их привлекало в этот край? «Казалось, что дремучие леса и болота вологодские только и удобны, что для жительства диких зверей, – но в них отовсюду стремились искавшие себе уединения и безмолвия, – писал в конце XIX века церковный историк священник Иоанн Верюжский, – и вся страна Вологодская усеяна была монастырями и уединенными кельями иноческими, так что по справедливости и без всякаго преувеличения можно было назвать ее Фиваидою Севера». Фиваида – пустынная местность вокруг египетского города Фивы, где в первые годы христианства находили желанное уединение подвижники. Как и египетская пустыня, Вологодский край давал отшельникам возможность молитвенного уединения.

ПТЕНЦЫ ГНЕЗДА СЕРГИЕВА

«Мир тебе, духовный брате!» – с этими словами, по преданию, святитель Стефан Пермский, проезжая неподалеку от Троицкого монастыря, поклонился в сторону лавры и обратился к своему другу и сомолитвеннику преподобному Сергию Радонежскому. Стефан, уроженец Великого Устюга, принес зырянам – коренному населению края – веру Христову; святитель, по сути, создал зырянскую культуру: составил азбуку, написал иконы. Радонежский игумен ответил поклоном в сторону тракта и благословением. Собеседников разделяли десять верст, но для духовного общения преград не существует...

Уроки игумена всяя Руси восприняли многие святые Северной Фиваиды: преподобные Димитрий Прилуцкий, Кирилл и Ферапонт Белозерские, Сергей Нуромский и Павел Обнорский, Афанасий и Феодосий Череповецкие... Но и святые угодники, не имевшие счастья лично беседовать с Преподобным Сергием, старались строить свою жизнь по его заветам – точнее, по заветам Христа Спасителя. И ученики этих святых, и ученики их учеников основали на Вологодской земле иноческие обители,

вокруг которых нередко возникали города и села – например, Кириллов, Ферапонтово, Череповец...

Одни обители разрастались и ширились – Кирилло-Белозерский монастырь стал крупнейшим в Европе. Другие, напротив, так и оставались небольшими – сохраняя, однако, значение в церковной истории. Если мы сегодня посмотрим, где поселились преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский, станет ясно: здесь жить нельзя. Кто же захочет кормить комаров в глухом лесу, на краю болота? И ведь неподалеку – небольшая, чистая речка Сорка; ставь, казалось бы, келью на берегу, что ж лучше... И отшельники красивое место не оставили без внимания: построили на приветливом берегу храм, куда еженедельно сходились на Литургию, – а ежедневные и еженощные молитвы возносили из глубины дремучего леса: каждый жил в своей келье, отставленной одна от другой на расстояние брошенного камня.

Разными были пути к святости у вологодских угодников Божиих, различными были и основанные ими монастыри. Преподобный Павел Обнорский три года прожил в дупле старой липы; на крохотном островке Каменном в Кубенском озере находится Спасо-Преображенская обитель. А святой Герасим в XII веке пришел на берег Вологды-реки, где уже жил народ...

Рубцовское «узрела душа Ферапонта Что-то Божье в земной красоте» относится, конечно, не только к белозерскому подвижнику XV века. Всемирную славу обители, основанной преподобным Ферапонтом, принесли гениальные росписи иконописца Дионисия в Рождество-Богородицком соборе – главном храме Ферапонтова монастыря на берегу живописного Бородаевского озера.

В дивных местах устроили свои обители и многие другие подвижники Вологодского края – преподобные Александр Куштский, Филипп Ирапский, Евфросин Синоезерский... И все же – «что-то Божье» видели святые угодники не только в красивом пейзаже, но – и прежде всего – в собственной душе. Стремление передать людям искру Божьей правды было свойственно, конечно, не только преподобным отцам Средневековья; именно этим

руководствуются все православные и XIX, и XX, и XXI веков – в том числе и клирики Вологодской митрополии, конечно.

Доктор исторических наук, профессор ВоГУ Александр Васильевич Камкин, автор учебников культурологического курса «Истоки» для средней школы, считает: «Сила воздействия новой веры могла быть, прежде всего, в личном примере ее проповедников. Можно предполагать, что немногочисленное иночество первых северных монастырей объединяло людей незаурядных, аккумулировавших в себе высокий молитвенный настрой и готовность к подвигу. Окружающий мир не мог остаться равнодушным».

Среди 143 вологодских святых местного и общецерковного почитания мы найдем представителей всех чинов святости. Например, праведный Прокопий Устюжский, подвизавшийся в Великом Устюге в XII – XIII веках, стал первым святым Русской Церкви, прославленным как Христа ради юродивый; некоторые историки полагают, что выходец из Западной Европы святой Прокопий, подвизавшийся на Русском Севере, возможно, был родоначальником царского рода Романовых. В 1988 г. канонизирован святитель Игнатий Брянчанинов, известный всему православному миру своими замечательными творениями: он родился под Вологдой и начинал церковное служение в обителях Вологодской епархии. Есть среди угодников Божиих Вологодского края преподобные – так называют монахов, достигших святости, и священномученики, прославленные за мученическую кончину, причем это святые разных времен – и Смутного времени XVII века, и погубленные безбожной властью в веке XX... Есть среди вологодских святых искусные проповедники, есть и сугубые молчаливики...

У святых всегда есть чему поучиться, и прежде всего – умению подчинять свою жизнь любви к Богу и к ближним. Это прекрасно понимали многие. Особым почитанием святых отличался вологодский священник конца XIX – начала XX века Александр Баданин. Это о нем говорил святой праведный

Иоанн Кронштадтский волгожанам, искавшим у него духовной поддержки: «Зачем вы ко мне пришли? У вас есть отец Александр Баданин, к нему обращайтесь...» Отцу Александру были свойственны глубокое смирение, любовь к людям и пламенная вера. Он всем советовал больше читать жития угодников Божиих – дарил книги о святых посетителям, рассылал в духовные семинарии... В 2000 г. иерей Александр Баданин был прославлен как местночтимый святой. Так что теперь и у праведного Александра Вологодского можно поучиться, как строить духовную жизнь.

В XVI веке по приказу царя Иоанна IV Грозного в Вологде, где царь несколько раз бывал, началось строительство Софийского собора по образу Успенского собора Московского Кремля. В 1924 г. главный храм епархии закрыли, в нем установили маятник Фуко (в числе первых в СССР устройств такого рода) – считалось, что это показывает безусловную верность научного взгляда на мир, который воинственные атеисты считали безбожным. С годами атеистическая активность поутихла, и было странно слышать утверждение экскурсоводов, которые обращали внимание туристов на роспись западной стены Софийского собора: «Вы видите самый большой Страшный Суд в Советском Союзе!»

В середине XVII в. в Вологодской епархии существовало более 500 приходских храмов и около 70 монастырей и пустыней.

ЧУДО ОБЫДЕННОГО ХРАМА

Моровое поветрие (нынче сказали бы – эпидемия) обрушилось на Вологду в 1654 г. Летописец рассказывает, что люди, испробовав все способы лечения и заграждения от болезни, обратились к Богу с горячей мольбой о спасении, подкрепляя искреннее раскаяние в грехах твердым намерением поставить обыденный храм во имя Всемилоственного Спаса.

Ночь на Лукин день (18 октября – память святого апостола и евангелиста Луки) была для вологжан бессонной; впрочем, вряд ли они хорошо спали и до того: какой тут сон, когда ни-

кто не знал, проснется ли вообще, кого наутро увидит живым, а кого похоронит...

Стройку обыденного храма начали ранним утром, еще затемно, а вечером архиепископ Маркелл освятил его во имя Всемилоственного Спаса. «От того дне мор на Вологде преста», – говорится в летописи. В память об этом чуде жители обязались хранить нововозведенный храм вечно. Впоследствии над деревянной церковкой встал каменный красавец-собор, ставший главным храмом Вологды. В нем служил святой праведный Иоанн Кронштадтский, молились императоры Александр I, Александр II, великая княгиня Елизавета Феодоровна, мученически погибшая от рук большевиков...

От рук большевиков погиб и Спасо-Всеградский храм. После революции его превратили в Дом искусств, потом в кинотеатр, а в сентябре 1972 г. снесли с лица земли. Но память о святыне церковные люди хранили. В 1997 г. на месте алтаря Спасо-Всеградского собора воздвигнут семиметровый Поклонный крест, ежегодно здесь совершается молебен, украшенный бронзовыми барельефами с изображением 20 самых известных вологодских святых – преподобных Димитрия Прилуцкого, Афанасия и Феодосия Череповецких, Нила Сорского...

На протяжении нескольких лет не раз высказывались предложения возродить обыденный храм, но они не нашли должного отклика у властных структур ни в 1997 г., ни в 2017-м. Вероятно, общественное сознание должно было привыкнуть к мысли о необходимости выполнить завет предков. В 2023 г. митрополит Савва вновь призвал возродить святыню. По мнению главы Вологодской митрополии, это должен быть храм-памятник всем вологжанам, положившим души в битвах за Отечество. Их имена предлагается запечатлеть на стенах возрожденного храма. Возводиться собор будет на пожертвования.

Предложение владыки Саввы поддержал Губернатор Георгий Юрьевич Филимонов, содействуют его реализации и городские власти. Первым этапом возрождения святыни стало создание 25 июля 2024 г. деревянного храма-часовни Спаса Всемилоственного близ места, где стоял собор. Это произошло

в рамках международного фестиваля «Дерево в архитектуре». Организатором проекта выступил благотворительный фонд «Наследие Русского Севера». Автор проекта часовни – заслуженный архитектор России М.А. Мамошин. Сруб – сосновый, покрытие купола и креста – из нитрида титана. Высота часовни 9,5 м, ширина и длина – по 2,5 м.

Строительство началось после того, как митрополит Савва совершил чин основания обетного обыденного храма-часовни. Во время богослужения владыка окропил основание возводимого храма святой водой. В одну из стен здания митрополит вложил ковчег с частицей кирпича от разрушенного Всеградского собора. Затем на четырех сторонах сруба храма митрополит Савва и Георгий Юрьевич Филимонов, призывая Святую Троицу, нанесли насечки.

Строили храм-часовню опытные мастера – сотрудники компании «Деревянное зодчество» из Устьянского района соседней Архангельской области. Это не чужие для вологжан места: до 1937 г. район входил в состав Вологодской области. О нашем близком родстве говорит и то, что местный святой, праведный Прокопий Устьянский, включен в собор Вологодских святых.

Как только мастера приступили к строительству, у них сразу оказалось множество помощников. Взрослые и дети, мужчины и женщины как могли старались поспособствовать благому делу – подтаскивали бревна, укладывали их в сруб; кто хотел, мог сделать два-три удара топором – символическое участие, конечно, и важное прежде всего для добровольных помощников... Как тут не вспомнить события 370-летней давности, когда возводили храм всем городом...

После службы все молившиеся с душевным трепетом прикладывались к небольшому образу Спаса Всемиловитого. Это – список с чудотворного вологодского образа Всемиловитого Спаса (Обыденного), который в 1831 г. вологодские купцы принесли в дар храму Спаса на Сенной в Санкт-Петербурге. В то время там свирепствовала холера, и благочестивый дар столичному храму напоминал его прихожанам о чудесном избавлении Вологды от морового поветрия. С того времени

ежегодно 18 октября (31 по новому стилю) в храме на Сенной совершали Божественную литургию; службу в обиходе называли «вологодской Литургией». Когда по окончании господства безбожников в храме Спаса на Сенной возобновилась церковная жизнь, образ Спаса удалось возвратить (икона к тому времени оказалась в одной из антикварных лавок Венеции...). Святыню привез в Вологду настоятель храма Спаса на Сенной иерей Михаил Малюшин, которого глава Вологодской митрополии пригласил участвовать в молитвенных торжествах возрождения обетного храма в честь Всемилоственного Спаса – можно сказать, побратима петербургского храма на Сенной.

До самого вечера возле Поклонного креста, поставленного на месте алтаря разрушенного богоборцами собора, время от времени священники вологодских храмов совершали молебны. Не так уж много народу собирали богослужения, но молились люди искренне, горячо, с надеждой на Бога. Возрождение Спасо-Всеградского собора началось в день памяти одного из Вологодских святых – преподобного Симона Воломского. Это ли не говорит, что Вологодские святые поддерживают вологжан, старающихся соединить разорванное время...

Молебны у новосозданного храма-часовни совершаются ежедневно. Молиться о возрождении Всеградского собора собираются священники и прихожане городских храмов.

Освятив храм-часовню, митрополит Савва освятил также икону Спаса Всемилоственного – точную копию чудотворного образа, который хранится в Вологодском музее-заповеднике. Вологжанка Александра Бухтеева написала икону за время работы строителей. Организаторы проекта старались, по возможности, согласовывать свои действия с опытом строителей XVII века: 370 лет назад, спустя четыре дня после возведения храма, вологодский иконописец обыденно написал икону, перед которой по молитвам происходили ЧУДЕСА исцелений.

«В благодарность за исцеление наши предки обещали хранить собор вечно, – рассказал митрополит Савва. – Мне кажется,

что жители города должны исполнить слово – восстановить и хранить возрожденный собор. Часовня станет первым шагом на пути к возрождению храма. Второй этап – это разработка проектной документации и согласование ее с властями и с общественностью».

Начать работы по возрождению храма планируется в 2027 г., юбилейном для Вологды: городу исполнится 980 лет.

МОЛИТВЕ НУЖНА ЛЮДСКАЯ ПОДДЕРЖКА

Чудеса творит только Бог – и чаще всего делает это через людей. Возможно, таким образом нам дается возможность понять: учитеcь слышать и понимать волю Божию, и тогда ради ее исполнения сможете получить поддержку свыше в делах Ваших.

Традиции вологодского благотворительства

Возведение и содержание храма – даже самого небольшого – требует вложения немалых средств. Вот и при создании храма Спаса Всемилостивого молитвенные обращения об избавлении города от губительного поветрия были подкреплены вкладами состоятельных вологжан. В мирском обетном приговоре, составленном по случаю построения обыденной Спасской церкви, содержится наказ «ныне, да и впредь, детям и внучатам нашим <...> беспременно» содержать обетный храм на общественные средства, и даже указываются необходимые суммы. Этот документ, оставленный на хранение в Софийском Успенском соборе, утвердил архиепископ Маркел, а среди подписавших его 220 авторитетнейших посадских людей города упомянут и купец Гаврила Мартынович Фетиев. Один из богатейших людей Вологды того времени, Гаврила Мартынович вкладывал деньги не только в обетную Спасскую церковь: комплекс Владимирских церквей создавался, в основном, попечением купца Гаврилы Фетиева, своими финансовыми достижениями заслужившего почетный титул «гость» – его присваивали крупным предпринимателям в России до введения купеческих гильдий.

Купеческое благотворительство поддерживали и российская власть, и общественное мнение того времени. Видные вологодские купцы получили статус потомственных и личных почетных граждан, некоторые были возведены в дворянство. Три выдающихся вологодских купца, которые вели активную общественную и благотворительную деятельность, получили статус почетного гражданина Вологды: Николай Васильевич Немиров-Колодкин, Тимофей Емельянович Колесников и Николай Александрович Волков. Представители купечества считали своим долгом участие в управлении городом и общественной жизни города. В Вологде к концу XIX века действовали 15 общественных благотворительных организаций, деятельность которых финансировали в основном купцы города. Представители купечества активно участвовали в местном самоуправлении; 30 из них были городскими головами, многие являлись главами Городской Думы.

Многие вологодские купцы внесли значительный вклад в церковную жизнь города. Так, благотворителями Иоанно-Богословской церкви были Феодор Сычугов и его сын, земский бургомистр Иоанн, а также Иван Алексеевич Шишкин и адмирал Иван Яковлевич Барш. Строительство и содержание храма преподобного Димитрия Прилуцкого на Наволоке велось на средства Максима Ивановича Рыбникова. Соседний с Димитриевским Успенский храм выстроен с помощью Афанасия Алексеевича Рыбникова, а капитально отремонтирован на средства Афанасия Осиповича Витушешникова.

Перечислять имена церковных благотворителей можно долго. Для изучения традиций благотворительной деятельности вологодского купечества и утверждения их в современной общественной жизни создан муниципальный проект «Купцы, промышленники, предприниматели города Вологды – меценаты и благотворители: связь времен». Он реализуется городским проектным центром «Вологда» и объединяет представителей городской администрации, науки, архива, музеев, деловых сообществ. Одна из целей проекта – создание историко-просветительского пространства на базе Выставочного комплекса «Вологда на рубеже XIX–XX веков» («Дом купца А.П. Самарина»).

Храним уроки предков

Благочестивый обычай помогать храмам поддерживают и современные деловые люди. Вот и в возведении Спасского храма-часовни участвовали состоятельные вологжане. Одному из них, генеральному руководителю сети придорожных кафе «Баранка» Владимиру Евгеньевичу Красулину, митрополит Савва за оказание благотворительной помощи в возведении обетного храма-часовни вручил епархиальную награду: медаль преподобного Кирилла Белозерского III степени.

В июле текущего года был освящен Никольский храм в вожегодском селе Гридино. Строился он при помощи вологодского предпринимателя, который оплатил и стройматериалы, и работу... Свою фамилию благодетель Гридинского храма просил не называть.

Собственно, без помощи состоятельных сограждан не мог бы существовать ни один вологодский храм – тем более, что финансовая помощь требуется не только для строительства и ремонта храмов. Церковная жизнь многообразна: помощь требуется для поддержания многих сторон жизнедеятельности прихода – от устройства цветников до учебников для воскресной школы, от строительства подсобных помещений до организации паломнических поездок....

Благодетели есть у каждого прихода, и далеко не все считают нужным обнародовать свои имена. Для верующего человека лучшей наградой является поминание его имени за богослужением, а о каждом из благотворителей клирики и прихожане усердно возносят молитвы Господу за Божественной литургией.

ВОСКРЕСЕНСКИЙ КАФЕДРАЛЬНЫЙ: НОВАЯ ЖИЗНЬ СВЯТЫНИ

Одно из самых ярких событий в истории Вологодской митрополии – это, конечно, возрождение кафедрального Воскресенского собора. Храм построен в XVIII веке, закрыт в 1938 г. Его использовали как клуб, как общежитие; с 1952 по 2016 г. его занимала областная картинная галерея.

«Воскресенский кафедральный собор – это, с точки зрения культуры, памятник архитектуры, – считает митрополит Савва. – Но с точки зрения символической – это центр духовной жизни нашей вологодской земли, куда люди должны собираться на общую молитву. Этот собор объединил всех нас, Киев и Вологду, всех прихожан вокруг самой главной святыни Вологодского края».

Реставрация главного храма митрополии заняла около четырех лет. Все работы велись за счет спонсорских средств, бюджетные деньги не привлекались.

«Первая Божественная литургия в соборе состоялась 4 декабря 2016 года, – вспоминает протоиерей Алексей Ольховников: он был настоятелем собора в годы его возрождения. – Выбрали в качестве генерального подрядчика известную фирму “Электра”, именно она восстанавливала усадьбу Брянчаниновых в Покровском. Вначале полагали – быстро перекроем крышу, и все будет хорошо; уже поставили иконостас, точно повторяющий дореволюционный... И вдруг обнаружилось, что центральный свод съехал на 28 сантиметров со своей первоначальной точки крепления! Больше года длились работы на своде, это была главная забота реставраторов, но далеко не единственная: заменили полы и все слои штукатурки; там, где это было необходимо, восстановили разрушенную кладку... Изменился и внешний вид собора – храму вернули прежнюю окраску фасада, и внутренний – в нижнем приделе пришлось опустить уровень пола примерно на метр, чтобы достичь прежнего уровня».

Великое освящение главного храма Вологодской митрополии состоялось 4 октября 2020 г. Возглавил чин освящения управляющий делами Украинской Православной Церкви митрополит Бориспольский и Броварской Антоний. Ему сослужили глава Вологодской митрополии митрополит Вологодский и Кирилловский Савва, глава Саратовской митрополии митрополит Саратовский и Вольский Игнатий, епископ Бежецкий и Весьегонский Филарет и епископ Череповецкий и Белозерский Игнатий. Вместе с преосвященными в освящении Воскресенско-

го собора и в Божественной литургии приняли участие священнослужители Украинской Православной Церкви, Вологодской и Саратовской епархий.

Во имя единства русского народа

Придел во имя Киево-Печерских чудотворцев – он располагается в нижнем этаже Воскресенского собора – освятили 30 октября 2022 г., спустя 84 г. после закрытия храма.

Связь Вологодчины с Киевской Русью прослеживается на протяжении всей церковной истории нашего края. Основал Вологду преподобный Герасим, он пришел на берег реки Вологды из Киевской Гнилецкой обители в 1147 г. Жизнь многих вологодских архиереев была связана с духовными школами на древней родине русского благочестия: Киевскую духовную академию закончили и епископ Ириней, построивший Воскресенский кафедральный собор, и епископ Феофилакт, освятивший нижний придел в 1805 г. Выпускником Киевских духовных школ был святитель Иннокентий (Борисов), прославившийся как проповедник и церковный писатель; он возглавлял епархию неполный 1841 г., за который успел сделать очень много. Именно владыка Иннокентий учредил празднование Вологодским отцам преподобным.

Важно отметить, что при реставрации Воскресенского собора не было истрачено ни копейки бюджетных денег – все работы проводились на пожертвования благотворителей. Расходы на восстановление главного храма митрополии в общей сумме составили 90 миллионов рублей. Существенный вклад в возрождение Воскресенского собора внесли киевляне Вадим Новинский и Алексей Пертин, оба они – протоиереи, принимали участие в праздничных богослужениях. У обоих – вологодские корни, и они с радостью оказывают помощь родному краю.

Митрополит Савва предложил день окончательного освящения Воскресенского собора сделать областным праздником – например, днем возрождения церковных памятников.

«Конечно, память о торжестве, объединившем сотни людей вокруг возрождаемого храма, никуда не исчезнет – пока будет

совершаться в соборе Божественная литургия, – считает глава Вологодской митрополии. – Возрождение собора началось только тогда, когда всколыхнулся весь народ. К сожалению, на Вологодчине еще немало храмов, которым нужна скорая реставрационная помощь не меньше, чем Воскресенскому собору. Будем напоминать о них обществу хотя бы раз в год, будем убеждать людей, что гибнущие храмы необходимы нам всем, – найдутся и благотворители, и добровольцы с Божьей помощью».

По благословению митрополита Саввы в сентябре 2021 г. был создан благотворительный фонд «Наследие Русского Севера».

И ОБЯЗАННОСТЬ, И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Вологодчина обладает уникальным по значению и концентрации культурно-историческим наследием, которое важно не только сохранить, но и популяризировать среди жителей страны и международного сообщества. Реализовать эти и многие другие задачи позволит благотворительный фонд «Наследие Русского Севера», созданный с целью реставрации и сохранения объектов духовно-культурного наследия.

– Сохранение нашего культурно-исторического наследия – это не просто наша обязанность, но и большая ответственность. Потому что от этого зависит, что мы оставим нашему потомству. Многочисленные памятники истории культуры, которыми обладает Вологодская область, являются живыми свидетелями великой веры наших праотцев. Это наследие, которое наши предки постарались донести до нас. Много, правда, имеет неприглядный вид, но для того и создан фонд, чтобы это исправить, – отметил митрополит Вологодский и Кирилловский Савва.

В Вологодской области насчитывается 777 памятников истории и культуры, 218 из которых – федерального значения.

По данным комитета по охране объектов культурного наследия области в регионе находится 109 объектов религиозного назначения, которые используются Русской православной церковью. Почти половина из них находится в неудовлетворительном, нередко – и в аварийном состоянии. Эту ситуацию необходимо исправлять.

В 2022 г. фондом были определены первые семь храмов митрополии, которые нуждаются в реставрации. В этот перечень входят и вологодские храмы – например, Сретенский храм на берегу реки Вологды, один из красивейших храмов города, объект культурного наследия федерального значения. В его архитектуре сочетаются барокко и традиционное русское узорочье XVII века. В советское время храм занимали учреждения управления культуры, приход здесь открыт в 2014 г. после пожара, который произошел, когда церковь пустовала. В отреставрированном теплом храме ведутся богослужения. В 2021 г. была согласована научно-проектная документация на комплексную реставрацию, после чего специалисты приступили к планомерному восстановлению храма. В текущем году реставраторы покрасят купола и барабаны, восстановят водосточную систему. Летом будущего года кресты над храмом отремонтируют и покроют сусальным золотом, чтобы они блистали позолотой – как прежде.

Председатель попечительского совета благотворительного фонда Георгий Филимонов, Губернатор Вологодской области, отметил, что работа фонда перезапущена при участии череповецких компаний «ФосАгро» и «Северсталь»: «С их помощью мы сможем сделать гораздо больше для сохранения

культурного наследия. Более активно продолжится реставрация Сретенского храма, начинается реставрация храма Иоанна Златоуста. Параллельно будем заниматься восстановлением храма Иоанна Богослова, Владимирской церкви и храма святителя Николая “Золотые кресты”. Готовится проектно-сметная документация для Успенского и Дмитриевского храмов на Наволоке, храма Казанской иконы Божией Матери на Торгу, храма Варлаама Хутынского и Илии Пророка в Каменье».

В сфере внимания фонда – не только церкви, расположенные в центре Вологды, но Казанский собор в Кириллове, Никольский храм в Устье и другие святыни в разных уголках Вологодчины.

Фонд «Наследие Русского Севера» организует и финансирует строительство храма-часовни Всемиловитового Спаса.

«Десанты спасения» бедствующих церквей

Более двадцати священников трудились в первое воскресенье июня текущего года на восстановлении полуразрушенной церкви в селе Воскресенском под Вологдой. Поездку в Воскресенское ради спасения древней святыни организовал благотворительный фонд «Наследие Русского Севера». Потрудиться собрались священники из Вологды и Вологодского округа. Возглавил «десант спасения» митрополит Вологодский и Кирилловский Савва.

Директор фонда «Наследие Русского Севера» иерей Сергей Зяблицкий считает, что фонд «Наследие Русского Севера» должен открыть новое направление своей работы:

«Мы намерены включить в сферу нашего внимания храмы, которые не имеют статуса памятника культуры, пустуют и не имеют собственника. Во многих местах области есть храмы, которым нужна помощь, – в наших силах не позволить им разрушаться! Надеюсь, что подобные акции будут проводиться и в других местах: к нашему сожалению, фронт работ для “десантников спасения” очень велик».

Труд во благо спасения гибнущей церкви продолжился. Не раз высаживался «десант спасения» в Воскресенском, а в середине июля 2025 г. отец Сергей Зяблицкий вместе с другими священниками совершил молебен в возрождающемся Воскресенском храме. За богослужением вместе с батюшками молились солисты арт-группы «LARGO».

«ДОБРОТОЛЮБИЕ» ПОМОГАЕТ ВОЗРОЖДАТЬ СВЯТЫНИ

Конечно, возрождением святынь Вологодчины занимается не только фонд «Наследие Русского Севера». Благотворительный фонд берет на себя выполнение задач самых крупных,

самых ответственных. Немало на Вологодчине боголюбивых прихожан, готовых приложить свои силы к делу возрождения храмов и монастырей Русского Севера.

Возможно, по примеру обители на Каменном острове возникла обитель и в Белавинском озере, на месте подвигов преподобного Марка Белавинского (теперь это Усть-Кубинский район). Обитель стараются восстановить участники группы «Добротолюбие – возрождение святынь Вологодчины». Предмет заботы волонтеров – не только храм в Белавинском озере, но и другие святыни.

В течение нескольких лет при Лазаревском храме Вологды действует группа добровольных помощников, участвующих в возрождении святынь Вологодской области. Инициативу всемерно поддерживал тогдашний настоятель храма – протоиерей Алексей Сорокин, руководитель епархиального отдела по взаимоотношениям церкви и общества.

Волонтеры группы помогают нуждающимся в восстановлении монастырям и приходам, святым местам Вологодчины. Не раз участники «Добротолюбия» трудились в Спасо-Каменном мужском монастыре на Кубенском озере, в Горницкой женской обители под Кирилловом.

Разумеется, трудятся волонтеры «Добротолюбия» и на объектах в Вологде. Они многое сделали, чтобы подготовить к установке резную сень над местом пребывания мощей святого праведного Александра Вологодского (Баданина) в Лазаревском храме. Сень заказали мастерам фирмы в Самаре, и хотя при доставке ее в Вологду возникли неожиданные сложности, торжество перенесения мощей ничем не было омрачено. Добровольцы трудились не жалея ни времени, ни сил.

Помогают добровольные помощники реставраторов возрождению храма Богоявления – одной из первых каменных приходских церквей на левом берегу реки Вологды. В 1929 г. приход закрыли. В 2018 г. началось восстановление Богоявленского храма, которое продолжается и по сей день.

МОНАХИ МОЛЮТСЯ БОГУ И В ГОРОДАХ, И НА ОСТРОВАХ

В 2021 г. было торжественно отмечено 650-летие Спасо-Прилуцкого Димитриева монастыря на берегу Вологды близ областного центра. Обитель возрождается после гонений на веру. «Почта России» отметила это событие выпуском специального конверта.

В день памяти преподобного Димитрия торжества в Спасо-Прилуцком Димитриевом монастыре начались с вечернего богослужения, которое возглавил митрополит Вологодский и Кирилловский Савва в сослужении специально приехавшего в Вологду на торжества архиепископа Песоченского и Юхновского Максимилиана, долгое время возглавлявшего Вологодскую епархию.

На Божественную литургию в верхнем храме Спасского собора монастыря прибыли многочисленные гости, паломники и духовенство – игумены монастырей епархии, благочинные округов, настоятели приходов городских храмов. Впервые в Спасском соборе звучали богослужебные песнопения в исполнении хора Московской духовной академии.

По завершении Литургии вокруг обители состоялся крестный ход со списком чудотворной иконы преподобного Димитрия Прилуцкого. Словно сам основатель обители прошел вместе с верующими вокруг места своего подвига и прославления.

В зале Русского Дома состоялась премьера театрализованного действия «Обитель истории», представившего образы прошлого и настоящего Спасо-Прилуцкого монастыря. Эта постановка, созданная дирекцией концертно-зрелищных мероприятий и праздников города Вологды совместно с Вологодской митрополией, была показана в различных районах области, представлена на театральных фестивалях.

В Спасо-Прилуцкой обители расположена Вологодская духовная семинария. Будущие священнослужители набираются знаний и духовного опыта на месте подвигов преподобного Димитрия. Здесь проводятся ежегодные Димитриевские образовательные чтения и другие важные церковно-общественные мероприятия.

На век старше обители преподобного Димитрия Спасо-Каменный монастырь, который находится на крохотном каменном островке в Кубенском озере. В 2017 г. решением Священного Синода открыт Спасо-Каменный мужской монастырь, а в 2019 г. в обитель были перенесены мощи одного из святых, подвизавшихся в этом островном монастыре – Иоасафа Спасо-кубенского, в миру князя Андрея Заозерского. Святые мощи были доставлены на остров крестным ходом по воде и установлены в Успенском храме монастыря. Перед ними впервые за многовековую историю обители была совершена соборная архиерейская Литургия. Богослужение возглавил митрополит Вологодский и Кирилловский Игнатий, ему сослужили епископ Череповецкий и Белозерский Флавиан и епископ Великоустюжский и Тотемский Тарасий. Вспомнили на торжестве и богатую историю древней обители, и подвижников, трудами которых было начато возрождение монастыря в 1990-годы – архитектора Александра Асафова и инженера Александра Плигина, которого называли «хранителем острова». Несколько лет он отдавал восстановлению Спасо-Каменного все свои силы, хотя поддерживали его лишь энтузиасты-единомышленники да руководство Вологодской епархии – в меру своих довольно скромных в те времена возможностей. Александру Николаевичу удалось восстановить здание монастырской гостиницы и Успенскую колокольню, в которой устроили храм. К сожалению, А.Н. Плигин скончался в 2004 г. Подвижник похоронен на острове, которому отдал большую часть жизни. Возрождение древней святыни продолжается и в наше время.

В митрополии активно возрождается монастырская жизнь. В 2015 г. в Вологде открылся женский Горне-Успенский монастырь. В 2017 г. стал действующим Спасо-Каменный монастырь. В 2018 г. возрожден Ферапонтов мужской монастырь в Кирилловском районе. В 2019 г. решением Священного Синода в Вологодской епархии были открыты две мужских обители: Нило-Сорская пустынь близ Кириллова и Заоникиева Богородице-Владимирская пустынь под Вологдой. Налаживается молитвенная жизнь в Богородице-Рождественском Сямском мужском

монастыре – подворье Спасо-Прилуцкой Димитриевой обители в Вологодском округе. В 2019 г. действующей стала Троице-Благовещенская Синозерская Пустынь в Чагодощенском районе. Возрождается монашеская жизнь в Михаило-Архангельском мужском монастыре в Великом Устюге и Александро-Куштском монастыре на берегу Кубенского озера.

В ЧЕСТЬ ВСЕХ ВОЛОГОДСКИХ СВЯТЫХ

День памяти Вологодских святых Русская православная церковь празднует по определению Священного Синода в третье воскресенье после Троицы Пятидесятницы, в текущем году – это 14 июля.

По приглашению митрополита Саввы богослужения в день всех Вологодских святых 14 июля юбилейного для митрополии года возглавил митрополит Волоколамский Антоний, викарий Святейшего Патриарха Московского и всея Руси, председатель синодального отдела внешних церковных связей. Владыке Антонию сослужили митрополит Наро-Фоминский Никандр, викарий Святейшего Патриарха Московского и всея Руси, председатель финансово-хозяйственного управления Русской Православной Церкви; митрополит Вологодский и Кирилловский Савва; митрополит Саратовский и Вольский Игнатий; епископ Великоустюжский и Тотемский Фотий; епископ Волжский и Сернурский Феофан; епископ Череповецкий и Белозерский Игнатий.

Многочисленные паломники и прихожане храмов митрополии (только из Череповца вместе с епископом Игнатием прибыли 55 человек), которые не сумели войти в переполненный Софийский собор, наблюдали за ходом службы по трансляциям в прямом эфире на телеканалах «Союз» и «Спас»; изображение было выведено на большой экран, установленный перед Софийским собором.

По окончании Литургии во исполнение резолюции Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла состоялся чин прославления новообретенных святых мощей преподобных Иосифа, Антония и Иоанникия Заоникиевских. Святые мощи

Заоникиевских святых были изнесены из алтаря на центр храма, где было совершено славение святым. Специально ко дню Вологодских святых в Вологду по просьбе Губернатора области Георгия Филимонова была доставлена с греческого острова Корфу православная реликвия – башмачок святителя Спиридона Тримифунтского. Георгий Юрьевич передал святыню в дар Воскресенскому кафедральному собору.

Ввиду очень большого количества причастников Таинство Причащения совершалось из нескольких чаш.

Завершил богослужение общегородской крестный ход. Торжественное шествие с пением молитв проследовало до Воскресенского кафедрального собора, куда перенесены на хранение мощи Заоникиевских святых, а также башмачок святителя Спиридона Тримифунтского. Организатор праздничных мероприятий – благотворительный фонд «Наследие Русского Севера».

В течение дня в храме ежечасно совершались молебны с акафистом перед мощами преподобных Иосифа, Антония и Иоанникия Заоникиевских, а также перед иконой и башмачком святителя Спиридона Тримифунтского.

Всем участникам богослужения были вручены иконки Заоникиевских святых и святителя Спиридона.

Вместо эпилога

«Наша Вологодская земля, Северная Фиваида – это особенное, святое место на Руси, отмеченное подвигами великих святых, первопроходцев, отшельников и монахов, которые осваивали эти земли в первую очередь для того, чтобы найти путь ко спасению. Именно поэтому при соприкосновении с монастырями Севера Святой Руси приходит глубинное понимание, насколько крепка была вера нашего народа и сколь мужественными были люди, какими высокими идеалами они вдохновлялись.

Как мне хотелось показать, клирики и прихожане храмов Вологодской епархии это очень хорошо понимают, и всеми силами стараются сохранить драгоценное наследие предков. Отрадно, что в этом благородном деле

мы можем рассчитывать на помощь властных структур и общественности.

Причиной нашего исторического успеха, создания великой страны была, в первую очередь, именно сила веры, сила духа, и крепкая воля. Сегодня на территории Вологодских земель остается большое количество сохранившихся памятников, которые напоминают своим тихим благородством и величием каждому о духовных подвигах прошлых столетий, а мы, в свою очередь, можем не только наблюдать их, в качестве «свидетелей веры», но и в прямом смысле соприкоснуться с ними. Поэтому очень важно, чтобы с возрождением монастырей и храмов, которое сейчас, слава Богу, происходит повсеместно, возрождались бы и душа человека».

Савва, митрополит Вологодский и Кирилловский

И. Н. Катаева
г. Сокол

ПРОБЛЕМА ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРЫ И ВО ВНЕУРОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ КОЛЛЕДЖЕ

Аннотация. В статье излагается опыт решения проблемы воспитания средствами литературы, накопленный в Сокольском педагогическом училище. В ней также содержится методический материал, который может быть использован в средних общеобразовательных и специальных учебных заведениях.

Ключевые слова: воспитательный потенциал, гражданская идентичность, нравственные ценности, патриотизм, патриотическое воспитание, классическая литература, литература Вологодского края, интеллектуальная игра.

Как нет человека без самолюбия, –
так нет человека без любви к Отечеству,
и эта любовь дает воспитанию
верный ключ к сердцу человека...

К. Д. Ушинский

Побереги святыя слова, не кричи о любви
к Родине на всех перекрестках.
Лучше – молча трудись во имя ее блага и
могущества.

В. А. Сухомлинский

В соответствии с ФГОС среднего профессионального образования, Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 N 273-ФЗ патриотическое воспитание на уроках литературы приобретает особую значимость. Личностным результатом освоения дисциплины «Литература» является «сформированность российской гражданской идентичности, патриотизма, уважения к своему народу, чувства ответственности перед Родиной, гордости за свой край, свой

язык и культуру, прошлое и настоящее многонационального народа России, готовность служить ее интересам» [2].

В педагогическом колледже для будущих воспитателей и педагогов дополнительного образования этот вопрос становится ключевым, ведь именно им предстоит формировать мировоззрение и нравственные ценности подрастающего поколения. Одной из общих компетенций становится «проявление гражданско-патриотической позиции, демонстрация осознанного поведения на основе традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [3]. И уроки литературы, обладая мощным воспитательным потенциалом, играют здесь первостепенную роль.

Учебную дисциплину «Литература» студенты изучают на первом курсе. Знакомясь с классическими произведениями XIX–XX веков, с современной литературой, затрагивающей актуальные проблемы патриотизма, гражданственности, социальной справедливости, студенты формируют собственное представление о Родине, о ее героическом прошлом, о нравственных ценностях и идеалах, о гражданском долге и любви к родным местам, о служении своему народу.

Однако патриотическое воспитание не ограничивается рамками учебного процесса. Внеурочная деятельность по литературе расширяет знания, полученные на занятиях, развивает чувство сопричастности к истории и культуре нашей страны.

В Сокольском педагогическом колледже была разработана система внеурочных мероприятий, которая дополняет темы, затронутые на уроках, и создает новые форматы взаимодействия с литературным материалом. Составители называли ее «Годовой круг мероприятий по патриотическому воспитанию».

Помимо материала, предусмотренного федеральной программой, студенты знакомятся с литературой и историей Вологодского края. Д. С. Лихачев писал: «Я придерживаюсь того взгляда, что любовь к Родине начинается с любви к своей семье, к своему дому, к своей школе. Она постепенно растет. С возрастом она становится также любовью к своему городу, к своему селу, к родной природе, к своим землякам, а созрев, становится

сознательной и крепкой, до самой смерти, любовью к своей стране и ее народу» [1, с. 15].

С целью формирования гражданской позиции, начиная с **1 сентября**, в колледже организуется комплекс патриотических мероприятий, включающий областные конкурсы чтецов «Рубцовская осень», «Читаем стихи Сергея Есенина», интеллектуальную игру «Вологодчина – душа Русского Севера» (см.: Приложение 1), просветительскую акцию «Цветаевский костер», Областные Викуловские чтения, которые проводит Белозерский индустриально-педагогический колледж, путешествия по литературным местам. Конкурсы разного уровня позволяют студентам не только прикоснуться к литературному наследию, но и проявить свои творческие способности через декламацию стихов, исполнение песен, создание иллюстраций к произведениям Сергея Викулова, получить новые знания, проявить эрудицию и испытать гордость за свою малую Родину.

Октябрь традиционно посвящается Беловским чтениям. Студенты, изучая творчество писателя-земляка, разрабатывают исследовательские проекты, представляют результаты своей работы на конференциях, участвуют в тематических классных часах и викторинах, в акциях «Читаем Белова» и «Беловский диктант», посещают творческие встречи с молодыми поэтами в рамках Беловской недели, краеведческие музеи и просветительские лекции вузовских преподавателей. Живое общение с интересными людьми, которые внесли вклад в науку, защиту и развитие страны, позволяет студентам почувствовать связь поколений и осознать свою ответственность перед будущим.

В **ноябре** студенты участвуют в Межрайонных литературных Коничевских чтениях в селе Устье, где выступают с докладами на патриотическую тематику. В 2025 г. эти чтения были посвящены 80-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., а также Году мира и единства в борьбе с фашизмом. В их рамках были представлены сообщения о творчестве поэтов-фронтовиков Александра Яшина, Сергея Викулова и других писателей – участников Великой Отечественной войны. Уже в течение нескольких лет на базе колледжа функциони-

рует площадка, обеспечивающая участие студентов в Международной образовательно-патриотической акции «Фестиваль сочинений РусФест». Одна из тем 2025 г. звучала так: «“Никакое богатство людей не может быть дороже родного языка”, Якуб Колас». Подобные конкурсы стимулируют познавательную деятельность студентов в области русского языка, литературы и истории, развитие критического мышления и навыков работы, формулирования и аргументации собственных суждений.

С целью разнообразия внеучебной деятельности в **декабре** студенты и преподаватели посещают Драматический театр и Театр для детей и молодежи в городе Вологде. Организуется их участие в конкурсе читательских рекомендаций «Книжный рубеж: книги о защитниках Отечества», проводимом Вологодским педагогическим колледжем. В рамках конкурса студенты записывают подкасты, создают видеоролики, буктрейлеры и презентации, разрабатывают интерактивные карты, декламируют стихи. Современные технологии позволяют сделать внеурочную деятельность интерактивной и увлекательной, привлечь внимание молодых людей к актуальным проблемам современности и активизировать их творческую деятельность, а их преподаватели выступают в роли наставников и консультантов.

Январь и февраль – время проведения патриотических мероприятий, посвященных памяти жертв блокады Ленинграда, онлайн-викторины «Страницы истории Отечества» (ко Дню снятия блокады Ленинграда – 27 января). Идет подготовка к участию в мероприятиях, посвященных Дню защитника Отечества, организуется кинолекторий с просмотром фильмов о Великой Отечественной войне и последующим их обсуждением.

В **марте и апреле** студенты **взаимодействуют с общественными организациями и культурными учреждениями города**: сотрудничество с музеями, библиотеками, культурными центрами, архивами позволяет расширить возможности проведения познавательных патриотических мероприятий, квестов, квизов, завершить написание исследовательских проектов и защитить их на межрегиональных и областных конференциях.

Завершается **«Годовой круг мероприятий»** Диктантом Победы, активным участием в мероприятиях, одним из которых является читательская конференция, где студенты обсуждают литературные произведения о Великой Отечественной войне, пишут сочинения, делятся впечатлениями, проводят тематические дискуссии, подключаются к международной образовательно-патриотической акции «Фестиваль сочинений РусФест», «Фронтовой треугольник».

Таким образом, патриотическое воспитание в педагогическом колледже направлено на формирование личности, обладающей чувством гражданской ответственности, готовой к активному участию в жизни общества и воспитанию подрастающего поколения. Это сложная и многогранная задача, требующая постоянного внимания, системного подхода, творческой активности и искренней любви к своей Родине.

Литература

1. Лихачев Д. С. Земля родная / Д. С. Лихачев. – Москва: Просвещение, 1983. – 256 с.
2. Рабочая программа учебной дисциплины «Литература» программы подготовки специалистов среднего звена для специальности 44.02.01 «Дошкольное образование». Профиль обучения: гуманитарный. – Текст: электронный // Самарский государственный колледж сервисных технологий и дизайна: сайт. – URL: https://tpk1.ru/text/document/obrazovanie/ОД_02_440201.pdf (дата обращения: 08.12.2025).
3. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего профессионального образования. Специальность 44.02.01 «Дошкольное образование» : утв. Приказом Министерства просвещения Российской Федерации от 27.03.2024 г. № 207. – Текст: электронный // КонсультантПлюс: справочная правовая система. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_427340/3a1b4ed6459553913e5b06b29ed2ee60dde24faa/ (дата обращения: 08.12.25).

Интеллектуальная игра «Вологодчина – душа русского севера»

Пояснительная записка

Внеурочная работа по русскому языку и литературе является важнейшей составной частью работы по привитию интереса к предметам. Познавательный интерес служит основным мотивом обучения. Уровень познавательного интереса выражается прежде всего в характере познавательной деятельности, с которой справляется и к которой стремится студент: репродуктивно-фактологическом, описательно-поисковом или творческом.

Предлагаемое мероприятие построено в форме интеллектуальной игры. Подобная форма проведения способствует формированию ряда компетенций: учебно-познавательной, информационной, лингвистической, интеллектуальной, коммуникативной.

Игра посвящена теме исторического развития и становления русского слова, диалектного слова, рассчитана на студентов 1–2 курсов педагогического колледжа.

Цели игры: повторение и расширение знаний студентов по русскому языку, искусству, литературе; развитие мышления, стремления к самостоятельному поиску и освоению информации.

Суть игры заключается в нахождении пропавшего высказывания. По мере решения поставленных перед командами задач участники игры «Вологодчина– душа Русского Севера» по словам восстанавливают фразу высказывания. Каждое выполненное задание позволяет открыть одно слово. Готовая фраза предоставляется для оценки жюри в виде устного и письменного высказывания.

Сценарий интеллектуальной игры «Вологодчина – душа Русского Севера»

Цели:

– развивать познавательную активность, прививать интерес к истории и особенностям русского языка, формировать информационную компетенцию студентов (самостоятельный поиск информации); создавать условия для выработки уважения к прошлому и настоящему своей малой родины.

Задачи:

– углубление знаний о русском языке, формирование лингвистической компетенции;

– формирование коммуникативной культуры;

– воспитание у студентов патриотизма и гражданственности, способности к осознанию себя патриотом своей Родины;

– развитие познавательного интереса к своей малой родине через игровые задания;

– формирование бережного отношения к этнокультурному наследию родного края;

– развитие и совершенствование психологических качеств личности: любознательности, инициативности, настойчивости, самостоятельности в приобретении знаний.

Оборудование: мультимедиа, наглядный материал.

Ход мероприятия

Ведущий 1. Добрый день, уважаемые участники игры!

Ведущий 2. Язык – это острое оружие дипломатов, политиков, деятелей искусств.

Ведущий 3. Одного из видов искусства – литературы – просто не могло бы быть без языка.

Ведущий 1. Нам повезло!

Ведущий 2. Мы владеем одним из пяти основных языков мира. (В мире насчитывается 6800 языков, среди них – 5 основных: английский, русский, испанский, китайский, хинди.)

Ведущий 3. Это ли не повод, чтобы гордиться...

Ведущий 1. Как гордились русским языком Пушкин, Гоголь, Тургенев. Толстой...

Ведущий 2. И многие другие русские и зарубежные классики.

Ведущий 1. Определите тему нашей игры по эпиграфу.

Эпиграф: Родины себе не выбираем,
Имени себе мы не даем.
Землю, где родились и живем,
С детства называем Отчим краем.

Флор Васильев

Ведущий 2. Какая тема игры? (Малая Родина.)

Ведущий 1. Давайте попробуем подобрать однокоренные слова, к слову Родина? (Род, народ, родник, природа, родинка.)

Ведущий 2. Как вы думаете, что нам нужно знать, чтобы успешно пройти все этапы нашей игры. (Знать свой край, природу, историю, культуру.)

Ведущий 1. Наша малая родина – Вологодчина, где жили и живут замечательные люди, где красивая природа, замечательные исторические и культурные традиции, которые должны хорошо знать мы с вами. Наша игра покажет, как вы знаете свой родной край, где живете и учитесь.

Ведущий 2. Для этого команды отправятся в путешествие и произведут «раскопки». Каждая команда получает маршрутный лист, куда будет вписывать ответы на поставленные вопросы.

Ведущий 1. По мере выполнения заданий (по результатам каждого этапа «раскопок») вы находите пропавшее слово, которое бережно храните.

Ведущий 2. Время на выполнение задания 5 минут.

Ведущий 1. Так постепенно каждая команда найдёт исчезнувшие слова. А затем вашей задачей будет восстановить и собрать утерянную цитату. При «раскопках» категорически запрещается пользоваться любой справочной литературой, словарями, Интернетом, телефоном.

Ведущий 2. Каждая команда должна предоставить получившуюся цитату.

Ведущий 3. Итак, мы начинаем нашу игру «Вологодчина – душа Русского Севера»!

Ведущий 1: Представители команд, получите маршрутные листы.

Маршрутный лист

Название команды							
Название станции, номер кабинета	Славится Вологодчина местами и именами	Литература в звуках	Лингвистические раскопки	Вологодские сказки	Литературный ребус	В начале было слово	Посидим-поокаем
Отметка о выполнении (время в мин)							
Место для слова	сей	край	Вологодским	зывается	частица	Родины	моей
Место для фразы	<i>Сей край Вологодским зовется, частица Родины моей</i>						

1 этап. «Славится Вологодчина местами и именами»

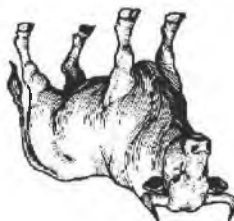
Преподаватель предлагает картинки-ребусы, на которых изображены достопримечательности, известные писатели Вологодской области и по которым нужно отгадать название или фамилию человека.

За правильно отгаданные ребусы команда получает слово – (МОЕЙ)

После полученных ответов проверяется их правильность



Л = ТЮШ



+ БЕ

2 этап. «Литература в звуках»

Командам предлагается прослушать короткую быличку – дразнилку и определить из какой местности Вологодской области говор.

Дразнилка:

«Шла овчЯ из ЧереповЧя мимо нашево крыльЧя, да как хлопнеЧЧЯ, да перевернеЧЧЯ-ОвЧя -на хлибЧя, овЧя ЛЁжит – НЕ шевелиЧЧя»

(Великоустюгский район)

Быличка: «Было у отця три сына: Колиця, Димиця, да Сашиця, да три невестки: Ириця, Лидиця, да Валиця, да три внука: Лешиця, Мишиця, да Ромиця, а самого отца звали Валериця».

(Вожегодский район)

При правильном выполнении получают слово – СЕЙ

3 этап. «Лингвистические раскопки»

Участникам предлагается пиктограмма (танцующие человечки).

Вы сможете расшифровать слово, если выполните задание: назовете известных вологодских писателей и поэтов XIX–XX вв. За каждый правильный ответ команда получает часть расшифрованной пиктограммы, необходимо составить слово.

При правильном выполнении участники получают слово – РОДИНЫ



4 этап. «Вологодские сказки»

Сейчас мы проверим, насколько хорошо вы знаете творчество вологодских писателей-сказочников. В моей картотеке неразбериха, кто-то перепутал все библиотечные карточки. Ваша задача – положить карточку в нужную книгу.

(На столе – стопки книг)

Неумный ребенок – «Иван Дурацёк» (Севернорусские сказки в записях А.И. Никифорова / изд. подг. В. Я. Пропп. Гл. ред. А. М. Астахова, В. Г. Базанов, Б. Н. Путилов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. (Памятники русского фольклора.) (№ 125.)

Муж и жена одна сатана – «Дурень Ненило и жена его Ненилушка» (Белозерский уезд. Записана Борисом Матвеевичем и Юрием Матвеевичем Соколовыми, сборник «Сказки и песни Белозерского края» 1915 г.)

Язык до Киева доведет – «Болтливая баба» (Белозерский уезд. Записана Борисом Матвеевичем и Юрием Матвеевичем Соколовыми, сборник «Сказки и песни Белозерского края» 1915 г.)

Ремень – «Вор Яшка – медная пряжка» (Белозерский уезд. Записана Борисом Матвеевичем и Юрием Матвеевичем Соколовыми, сборник «Сказки и песни Белозерского края» 1915 г.)

Сказка ложь, да в ней намек – «Быль и небыль» («Сказки и песни Белозерского края. Сборник Б. и Ю. Соколовых. В 2-х книгах»)

Кисть – «Как художник рисовал» («Сказки и песни Белозерского края. Сборник Б. и Ю. Соколовых. В 2-х книгах») За каждый правильный ответ библиотекарь выдает буквы – из них составитсся слово – ЧАСТИЦА

5 этап. «Литературный ребус»

Первый слог – посёлок городского типа, расположен рядом с озером Воже (Вохтога – ВО). Второй слог – возьмите название города бумажников, расположенного в нашей области, поменяйте местами 4 и 5 букву, запишите этот слог (Сокол-ЛО). Третий слог – внесистемная единица измерения времени, которая исторически в большинстве культур означала однократный цикл смены сезонов (ГОД). Четвертый слог – последний слог фамилии русского писателя Павла Владимировича, родившегося в Великом Устюге, автора рассказов для детей «Задушевные рассказы» и «Бывальщина и сказки» (Засодимский– СКИЙ)

Составляется слово – ВОЛОГОДСКИЙ

После полученных ответов проверяется правильность.

6 этап. «В начале было слово»

Преподаватель произносит названия населенных пунктов, которые есть у нас в Вологодской области. Нужно ответить, правда это или ложь. За каждый правильный ответ выдается буква.

Есть ли в Вашкинском районе деревня Потитюево, в Вытегорском районе населенный пункт Депо?

В Грязовецком районе – Колотилиха?

В Вашкинском районе – деревня Здыхально?

В Тарногском районе есть деревня Конторка?

В Бабушкинском районе есть Козлец?

В Череповецком районе деревня Миндюкино?

Составляется слово – *ЗОВЕТСЯ*

7 этап. «Посидим – поокаем»

Преподаватель обращает внимание на слайд презентации, на котором расположены диалектные слова. Нужно на листочках записать значения этих слов.

Вéхоть – половая тряпка

Обостíг – обогнал

Ухайдáкаться – устать

Гу́льбище – тусовка

Трёкать – болтать, секретничать

Кулёма – неповоротливый человек

Тресья тебя понеси! – черт побери!

Бурдомака – плохая еда

Замуж самоходкой выходила – по бедности, без приданого

Какие это слова? (Диалектизмы, областные.) Образуйте существительное от прилагательного «областной» и подберите к нему синоним.

Составляется слово – *КРАЙ*

ПОЛУЧАЕТСЯ ФРАЗА: *«Сей край вологодским зовется, частица Родины моей».*

Выигрывает та из команд, которая быстрее и правильнее соберет фразу.

Заключение

В современном обществе очевидна успешность и востребованность человека эрудированного, имеющего творческий потенциал. Знания важно не только усваивать, но и приумножать, творчески перерабатывать, использовать их практически. Представленное внеклассное мероприятие по русскому языку и литературе – одна из форм подготовки студентов к предметной олимпиаде, а также возможность окунуться в историю слов русского языка, диалектных слов, познакомиться с вологодскими поэтами и писателями. Подобная работа может помочь в объяснении трудных случаев написания слов. Такие мероприятия важны, так как воспитывают у студентов чувства патриотизма и гражданственности, способности к осознанию себя патриотом своей Родины, формируют бережное отношение к этнокультурному наследию родного края.

Т. А. Гришонкова
г. Вологда

**ФИЛОСОФСКО-ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА
РАССКАЗА ВАСИЛИЯ БЕЛОВА «ДУША БЕССМЕРТНА»
И ЕЕ РАССМОТРЕНИЕ НА БИБЛИОТЕЧНОМ ЗАНЯТИИ,
ПОСВЯЩЕННОМ ТВОРЧЕСТВУ ПИСАТЕЛЯ**

Аннотация. В статье излагается материал, используемый на библиотечном занятии, посвященном мировоззренческим характеристикам творчества В. И. Белова. Эти особенности рассматриваются на материале рассказа «Душа бессмертна». Представленный материал предлагается школьникам на одном из занятий цикла «Без знания прошлого – нет настоящего».

Ключевые слова: ассоциация, бессмертие, выразительность, душа, изобразительность, искусство, красота, межпоколенческие связи, музыка, природа, символика, смысл жизни.

Василий Иванович Белов – выдающийся советский и российский писатель, драматург и общественный деятель, чьи произведения прочно вошли в золотой фонд русской литературы XX века. Родившийся в 1932 г. в деревне Тимонихе Вологодской области, он стал ярким представителем литературы, посвятившим свое творчество исследованию судьбы простого человека, русской деревни и национального характера.

Рассказ Василия Белова «Душа бессмертна» – это произведение, исполненное глубоких философских размышлений о жизни, смерти, о предназначении человека и его месте в мире. Название рассказа уже обозначает ключевую тему – бессмертие души, которое автор пытается исследовать через личную драму и переживания главного героя. Понятие «бессмертие души» рассмотрено в произведении многопланово.

Связь с природой

Через описание природных явлений, звуков и запахов автор устанавливает неразрывную связь человека с окружающей средой. Природа у него выступает символом постоянства и

неизменности, несмотря на перемены в обществе и личной жизни героев.

Преемственность поколений

Белов акцентирует внимание на важности передачи опыта, ценностей и традиций от родителей детям. Образ матери, хранящей память о прошлом, символизирует вечность духа и жизненности человеческого рода.

Искусство как форма бессмертия

Музыкальная составляющая романа (упоминание Чайковского, ссылка на народные мелодии) подчеркивает, что искусство сохраняет душу человека вне зависимости от времени и обстоятельств.

Философские размышления

Автор задает себе и читателю вопросы о смысле жизни, о назначении человека, о природе добра и зла. Ответы на эти вопросы заключаются именно в понимании бессмертия души, которое реализуется через любовь, творчество и уважение к другим людям.

Анализ образа главной героини (Анфисы Ивановны)

Читается фрагмент текста, посвященный отношениям матери и сына, проводится обсуждение особенностей показа внутреннего мира и переживаний героев в произведении.

Работа в группах

Обучающиеся объединяются в группы по три-четыре человека и получают задания на карточках. После выполнения задания каждая группа представляет свою работу классу.

Группа № 1. Найдите эпизоды, подтверждающие мысль автора о бессмертии души.

Группа № 2. Составьте портрет главного героя.

Группа № 3. Опишите пейзаж и интерьер жилищ героев.

Словарная работа

Знакомство со словами и выражениями, встречающимися в тексте («бессмертие», «праведник», «грех», «раскаяние»). Библиотекарь объясняет значение каждого слова, участники занятия записывают определения в полученный лист словаря.

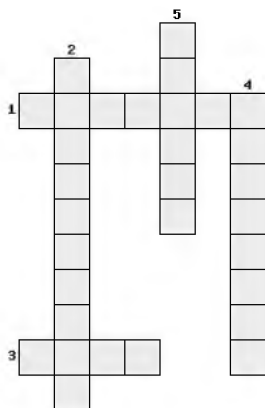
Словарное задание

Заполнить таблицу с определениями незнакомых слов из текста рассказа.

Слово	Значение
Предосень	Время накануне осени, период перехода от лета к осени
Валенки	Зимняя обувь из войлока
Русская печь	Глинобитное или кирпичное сооружение в избе, используемое для отопления и готовки пищи
Диоптрия	Единица измерения оптической силы линз
Грибнование	Сбор грибов
Бессмертие	Философское понятие вечности и неприкасаемости души

Кроссворд

Решите кроссворд, заполнив клетки буквами, соответствующими ключевым словам рассказа.



По горизонтали:

1. Вид обуви (валенки).
3. Предмет мебели (стол).

По вертикали:

2. Звукоподражательное слово (барабанить).
4. Родник (источник).
5. Место хранения вещей (сундук).

Визуализация представлений о русской деревне. Презентация картин русских художников XIX–XX веков, изображающих сельские виды и интерьеры крестьянских домов (работы И. И. Левитана, И. И. Шишкина, М. В. Нестерова, В. Н. Бакшеева и др.).

Вопросы для обсуждения:

- Какие предметы быта и пейзажи изображены на картине?
- Как художник передал настроение сельского жителя?
- Есть ли различия между городом и деревней в восприятии пространства и времени?

Вопросы по содержанию рассказа

- Какой предмет оказался потерян героем в городе?
(Герой потерял свои очки).
- Что стало причиной раздражения героя в деревне?
(Отсутствие необходимых инструментов для полноценной работы и отдыха – потеря очков, отсутствие ручки, невозможность заниматься привычными делами.)

• Назовите музыкальные произведения, упомянутые в рассказе.

(Цикл П. И. Чайковского «Времена года», особенно композиция «Осенняя песня».)

- Что заставило героя задуматься о собственной смерти?
(Состояние матери, постепенное ухудшение ее самочувствия, страх потерять самое дорогое существо.)

• Какие природные явления описаны в рассказе?
(Летний дождь, осень, ранние заморозки, растительность вокруг дома, весенние распутившиеся листья и цветы, закат солнца, туман и влажность воздуха.)

• Как герой относится к технике и прогрессу?
(Негативно – к техническим новшествам и современным средствам коммуникации, считая их ненужными, отвлекающими факторами, нарушающими спокойную созерцательную жизнь.)

• В чем видит герой причину одиночества и грусти?
(В отсутствии близких людей рядом, в удаленности от родных мест и в разрыве межпоколенческих связей.)

- Какие личные вещи вызывают у героя воспоминания о прошлом?

(Предметы из детства – старая корзина, инструменты для письма, фотография матери, очертания старых домов и переулков города.)

- Что значит выражение «без всяких признаков беспокойства» применительно к персонажу?

(Характеризует спокойное, уверенное состояние героя, находящегося в согласии с самим собой и окружающей обстановкой, не испытывающего тревоги или напряжения.)

- Какую проблему ставит автор в конце рассказа?

(Старение и приближающаяся смерть, необходимость задуматься о сущности жизни, о ее смысле и месте человека в общем потоке бытия.)

Исследование символики и ее смысловой нагрузки в рассказе

Примеры символических образов: вода, огонь, крест, птица, бабочка, ключи, замок, книга, лампа, снег.

Поиск образных выражений в предлагаемом на карточках тексте и объяснение их.

Текст: «Как много выросло ягод! На расстоянии ощущается тяжесть гроздьев, гнетущих к земле древесные сочленения. Кажется, что в терпеливом напряжении веток дерево ждет, когда наконец налетит стая голодных серых дроздов. Они за пять минут опустошат все это красочное богатство. Однажды я видел, как дрозды в один налет обчистили и нашу рябину. Птицы клевали ягоды с поспешной жадностью, некоторые висели на ветках вниз головой и все же клевали. Но почему одна рябина оранжевая, другая красная? Душевный разлад не дает ни думать об этом, ни чувствовать цветовую разницу. Я даже злюсь на себя за то, что позволяю себе думать. И так со всем, за что ни возьмешься. Какая все-таки тишина, какая тоска. Но я все еще креплюсь и ничего не включаю. Вот она, пресловутая современная техника, торчит даже под столом!»

Примерные толкования см. в Приложении.

Игра «Ассоциации»

Слово → Ассоциация → Картина → Реакция персонажа

Пример: Деревенский двор → Запахи хлеба → Животные → Теплые воспоминания.

Нужно называть ассоциации, возникающие при восприятии слов «Деревенская жизнь», «Одинокий человек», «Русский Север», «Город», «Дом», «Березовая роща», «Косоворотка», «Кресло-качалка», «Храм», «Книжная полка», «Ключи», «Старинные часы», «Фотография».

Звучит «Осенняя песня» П. И. Чайковского

Василий Белов связывает музыку Чайковского с идеей бессмертия души по нескольким причинам. Давайте их назовем и расшифруем, что вы понимаете под этими словами:

Универсальность эмоций

Вечность красоты

Священная связь с прошлым

Трансформация страдания в красоту

Символ духовности

Универсальность эмоций

Музыка Чайковского обладает способностью вызывать сильные переживания у слушателей независимо от времени и места. Ее эмоциональная глубина позволяет переживать чувства, которые выходят за рамки личного опыта, открывая доступ к общему человеческому опыту. Таким образом, музыка отражает общее и универсальное, позволяя ощутить взаимосвязанность всех людей и времен.

Вечность красоты

Произведения Чайковского обладают качеством, которое не подвержено влиянию времени. Их красота и выразительность остаются актуальными спустя десятилетия и столетия, что свидетельствует о вечности искусства. Творческие достижения композитора продолжают жить и влиять на последующие поколения, являясь свидетельством бессмертия творческого гения.

Священная связь с прошлым

Белов обращается к музыке Чайковского как к творческому созданию, соединяющему прошлое и настоящее. Она напоминает

ет герою о детстве, о родных местах и важных моментах жизни, ассоциируется с индивидуальной памятью и историей, устанавливает связь между индивидуумом и обществом, временем и пространством, формирует представление о бессмертии души.

Трансформация страдания в красоту

Жизнь Чайковского, полная испытаний и внутриличностных конфликтов, нашла свое отражение в его музыке. Преображение личных драм в художественное произведение иллюстрирует процесс преодоления смертности через творчество. Чайковский смог превратить личное страдание в универсальный источник вдохновения и силы, что подтверждает идею о том, что настоящая душа бессмертна благодаря искусству.

Символ духовности

Выражение «Душа бессмертна» в сочетании с музыкой Чайковского приобретает дополнительное измерение. Вечная музыкальная гармония служит метафорой вечности души, способной преодолеть границы физического существования и обрести новую жизнь в творчестве и воспоминаниях.

Таким образом, Василием Ивановичем подчеркивается, что бессмертие души выражается не только в личном опыте, но и в способности искусства сохранять и воспроизводить переживания, делая их частью общего наследия человечества.

Таблица характеристик

Заполните таблицу, определяющую черты трех героев рассказа по следующим критериям: возраст, профессия, внешний вид, характер, роль в сюжете.

Возраст	Профессия	Внешний вид	Характер	Роль в сюжете

В рассказе Василия Белова «Душа бессмертна» ярко представлены разнообразные традиции и обычаи русской сельской жизни, которые служат основой для выражения идеи бессмертия души. Найдите их.

- Семейные традиции

Рассказы матери героя о своем детстве и жизни в деревне.

Важность церковных и семейных праздников – таких, как Пасха, Рождество и свадьбы.

- Крестьянский быт и хозяйство

Описание сельских ярмарок и рынков.

Труд в огороде и поле, заготовка продуктов на зиму.

Повседневные заботы, связанные с содержанием скота и домашней птицы.

- Календарные и обрядовые праздники

Праздничные гуляния и угощения.

Обычаи встречи гостей и проведение свадеб.

Исполнение песен и плясок на общинных гуляниях.

- Национальная кухня

Совместное приготовление праздничных блюд.

Приверженность старинным рецептам и вкусам.

Особая значимость хлебного стола и гостеприимства.

- Художественное творчество и фольклор

Народно-хороводные игры и танцы.

Песни и частушки, исполняемые на праздниках.

Использование декоративных элементов, вышивки и резьбы по дереву.

- Православная вера и религиозные обычаи

Посещение церкви и молитва.

Приметы и ритуалы, связанные с православием.

Осмысление смерти и отношение к ней в рамках православной традиции.

Создание коллажа

Используя вырезки из журналов, газет или нарисованных изображений, создайте коллаж, отражающий атмосферу рассказа. Добавьте подписи, пояснения и цитаты из текста.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Отвечаем на вопросы

Почему важно помнить о своих корнях?

Как отражается народная мудрость в образе современной жизни?

Могут ли современные технологии заменить духовную связь с природой и традициями?

Домашнее творческое задание

Интервью с автором

Представьте, что вы журналист, берущий интервью у Василия Белова. Составьте список из пяти вопросов, касающихся его взглядов на жизнь, семью, традиции и творчество.

Приложение

Примерные характеристики образных выражений в предложенном тексте.

«На расстоянии ощущается тяжесть гроздьев, гнетущих к земле древесные сочленения».

Использованы выразительные словосочетания: «тяжесть гроздьев», «гнетущих к земле». Первое отмечает количество ягод, второе – образно характеризует груз плодов, который сгибает ветви.

«Кажется, что в терпеливом напряжении веток дерево ждет, когда наконец налетит стая голодных серых дроздов».

Применяется олицетворение («терпеливое напряжение веток») – дерево представлено живым существом, находящимся в ожидании нападения птиц.

«Они за пять минут опустошат все это красочное богатство».

Перифраз («красочное богатство») – слово «ягоды» заменено описательным выражением, подчеркивающим разнообразие цветов и общую прелесть зрелища.

«Некоторые висели на ветках вниз головой и все же клевали».

Подробное и точное описание поведения птиц создает динамичную картинку, усиливает наглядность сцены.

«Но почему одна рябина оранжевая, другая красная? Душевный разлад не дает ни думать об этом, ни чувствовать цветовую разницу».

Эпитет («душевный разлад») помогает понять внутреннее беспокойство героя, который не способен беззаботно насладиться красотой и удовольствием от нее.

«Вот она, пресловутая современная техника, торчит даже под столом!»

Противоречие между естественной красотой природы и отчужденностью от нее современных технологий. Современная техника представлена как чуждый и нежеланный объект, буквально вторгающийся в пространство и жизнь героя.

«БЛИЗКИЙ И СВОЙСКИЙ ЧЕЛОВЕК»: ЕСЕНИНСКИЕ ИСТОРИИ ВОЛОГОДСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Аннотация. Статья посвящена вопросу о восприятии личности и творчества С. А. Есенина вологодскими писателями, которые считали его «своим» по разным причинам, в том числе и потому, что поэт неоднократно посещал Вологодчину, был «выходцем из разгромленного крестьянства», как и они, входившие в литературу в 1960-е гг. У каждого писателя была своя первая встреча со стихами Есенина, но при этом – общие сомнения по поводу обстоятельств гибели «последнего поэта деревни». Актуальность данной работы определяется значимостью культурных ориентаций писателей, следовавших есенинскими традициям, и необходимостью литературно-краеведческих обобщений в юбилейный год С. А. Есенина, которые помогут по-новому увидеть некоторые аспекты биографий писателей-вологжан из беловского окружения.

Ключевые слова: С. А. Есенин, А. А. Ганин, Вологодская писательская организация, В. И. Белов, А. Я. Яшин, В. В. Коротаев, Н. М. Рубцов, Литературный институт им. А. М. Горького, биографии, музеи, архивы писателей.

Есенин, великий национальный поэт XX века, «создавший принципиально новую художественную систему, основанную на развитии традиций русской классической литературы, народного творчества и художественных исканий современной новейшей литературы», дважды приезжал в Вологду и был, по замечанию поэта А. А. Романова, «близким и своим» [15, с. 362] для «вологодской кучки» писателей 1960–1980-х гг.: они тоже были крестьянами по происхождению, драматично пережили уход из деревни, занимались поиском «свежих путей в русскую литературу» (А. А. Романов), как и Есенин. Вологжане гордились тем, что Вологда стала одним из есенинских мест, одарила поэта такими друзьями, как А. Ганин и Н. Клюев. Кроме

того, многие писатели-вологжане не просто любили творчество Есенина, они являлись продолжателями есенинской традиции в поэзии и прозе. В воспоминаниях «Искры памяти» о Николае Рубцове поэт Романов восклицал: «И на кого же было равняться нам, как не на них!» При этом он имел в виду поэтов, перечисленных в рубцовских «Вечерних стихах»: Есенина, Пушкина, Лермонтова, Вийона [15, с. 261].

Есенинские образы и фольклорные формы, интонационный и языковой строй поэзии были близки вологодским писателям, а сам лирик для них оказался центральной фигурой – той, которая стала опорной для формирования творческой индивидуальности каждого. «Вредная» (с конца 1920-х по середину 1950-х гг.) поэзия Есенина в 1960-е гг. – период профессионального самоопределения и роста писателей-вологжан поколения В. И. Белова – стала официально всесоюзно признана, а поэта тогда начали считать большой литературной величиной. Как раз в 1960-е гг. вологодские писатели учились в столице в Литературном институте им. А. М. Горького (Романов, Викулов, Белов, Фокина, Рубцов, Коротаев), там они попали в волну массового увлечения Есениным. Преподаватели и приглашенные лекторы (писатели, переводчики, критики) тогда были преимущественно из есенинского поколения, знавшие о поэте не по книгам, а от своих современников или же сами были лично знакомы с классиком. Студенты конца 1950-х – 1960-х понимали, что информацию о поэте, пусть иногда «искаженную, неверную» (см: [20, с. 79]), они получали из первых рук и усваивали порой сведения о личности Есенина раньше его стихов. Кроме того, именно в эти годы стали выходить массовые издания сборников и первые воспоминания и биографические очерки о Есенине, которые, безусловно, обсуждались в аудиториях Литинститута и в студенческом общезнании.

Александр Яковлевич Яшин, поэт и преподаватель Литературного института, с юных лет зачитывался поэзией Есенина, признавая ее мощь, душевность и страстность. Еще в 1920-е годы он понял, насколько необыкновенно было влияние таланта Есенина на его современников и насколько неожиданно

она могла повлиять на судьбу читателя «вредных» стихов. Последнее ему суждено было пережить на собственном опыте. Известно, в годы учебы в Великоустюгском педагогическом техникуме (1928–1929 гг.) Яшин не был принят в комсомол только потому, что интересовался творчеством Сергея Есенина. Сам он об этом вспоминал так: «Из-за увлечения Есениным – а в этом я не был оригинален среди своих сверстников – меня в техникуме не приняли в комсомол; но без комсомола я жить не мог и потому вступил в него позже, в сельской организации, где мои единомышленники понятия не имели о “вреде” Есенина...» [25, с. 59].

Как раз в тот период было широко введено в оборот понятие «есенинщина», придуманное Н. И. Бухариным. В 1927 г. были опубликованы его «Злые заметки», в которых он публично заявил, что стихи Есенина – «самое вредное, заслуживающее настоящего бичевания, явление нашего литературного дня», которое, имея огромный успех, «заражает и широкие круги нашей комсомольской молодежи» [4, с. 7, 15].

Несмотря на это заявление, сборники Есенина в период с 1926 по 1955 г. продолжали выходить в центральных издательствах тиражами от 10 до 75 тысяч экземпляров, а в 1955 г. вышел первый двухтомник тиражом 150 тысяч экземпляров [8]. Сослуживец Н. Рубцова так отзывался об этом издании: «Светло-сиреневый переплет, зеленое пятно неприхотливого пейзажа на обложке. Вот это был праздник! <...> Мне и теперь они дороже многих нарядных изданий, эти затрепанные, с оборванными уголками страниц, томики есенинских стихов и поэм. Всякий раз, когда беру их с полки, невольно думаю о том, что мои друзья-моряки узнавали Есенина по этим книжкам...» В 1956 г., по замечанию В. Сафонова, в поэте еще «видели, к прискорбию, хулигана, блатнягу, автора пресловутого «Луки»» [20, с. 81–82].

Многие поклонники Есенина собирали «свою собственную “Есениниану”» (свидетельство И. В. Лысцова) на полках. В семейной библиотеке Яшиных было много прижизненных сборников С. А. Есенина. Об этом свидетельствует дочь поэта

Наталья Яшина: «Как только вышел пятитомник С. Есенина – он у нас сразу появился. Отец очень любил Есенина. До этого были совсем старые издания и прижизненные». Семейной ценностью была «общая тетрадь, в которую каллиграфическим почерком, тоненьким пёрышком на клетчатой бумаге была переписана одна из книг Есенина» [7, с. 10]. Она была подарена Злате Константиновне подругой, которая знала, что семья боготворит и почитает Есенина.

В доме Яшиных хранился и уникальный однотомник С. А. Есенина [21], обложку которого украшал барельефный портрет поэта, созданный скульптором И. Г. Онищенко. Судя по печати на титульном листе («Москва 12.12.58 Первый учредительный съезд писателей РСФСР»), он был приобретен Яшиным в столице, в Большом Кремлевском дворце, где проходил съезд.

На форзаце сохранилось два автографа. Первый обращен к жене – З. К. Яшиной: «Любимой, всегда любимой Злате Константиновне Александр 29/I-59 г.» Второй был написан сестрой Есенина Александрой: «Всей Яшинской семье – Хорошо, что и вы живете на этом свете и хорошо, что встретились на нашей чудесной родине. А. Есенина 28/VIII-65 г. с. Константиново». Вторая запись появилась в книге позже – в год открытия мемориального музея Есенина в Константиново. Яшин, приехав туда с супругой за месяц до открытия, «застал в сарае среди вынесенных вещей» А. А. Есенину, которая провела для них первую экскурсию. Показала им «высокий берег Оки, рассказывала, как они с братом ходили в лес по грибы, на болото по морошку, показывая вдаль за Оку...» (цит. по: [7, с. 10]).

Известно, что Яшин тесно общался с А. А. Есениной в 1950–1960-е гг. Из воспоминаний Н. А. Яшиной: «После войны мы жили на Беговой улице, и он довольно часто бывал в гостях у Александры Александровны, которая жила недалеко – на Хорошевском шоссе и собирала у себя писателей-поэтов, читателей творчества ее брата, могущих поддержать своим авторитетом тогда гонимого, не печатавшегося С. Есенина» [7, с. 10]. Именно в один из таких визитов она и подписала однотомник супругам Яшиным.

Ценность есенинских изданий для Яшина была бесспорной. Не случайно в «Ленинградской поэме» лирический герой подробно выписывает образ блокадной толкучки, на которой голодная девочка меняет дорогой томик стихов на кусочек жмыха:

У девочки с веснушками
Руки опущены,
Под глазами отеки.
Бледная, испитая.
Стоит – святая!
– Томичек Есенина
За жмыха кусочек...
[23, с. 38]

Александр Яковлевич был деятельным поклонником творчества С. А. Есенина, неоднократно говорил о необходимости переиздания сборников поэта и публикации всего его наследия. Например, в стенограмме второго Всесоюзного съезда советских писателей (1954) зафиксированы его слова, сказанные под аплодисменты зала: «Разве не факт <...> что мы до сих пор не можем добиться, чтобы советский читатель, отредактировавший и отстоявший <...> богатейшее лирическое наследие Сергея Есенина, получил бы, наконец, его книги?» [5, с. 340].

Яшин, имевший судьбоносные пересечения с семьей поэта и есенинской лирикой, был проводником в большой мир литературы и наставником вологодских поэтов – Романова, Белова, Рубцова, Викулова, «проницательный, заботливый, обогранный и обязательный сказанному при встрече своему слову» [17, с. 34]. Его произведения, статьи и публичные выступления распространяли важные для молодых писателей идеи «боли и борьбы за Россию», преданности деревне и народным традициям. Он был убежден, что писатель не должен приукрашивать действительность деревни, но должен стремиться к «есенинской обнаженности души», без которой «немыслимо рождение настоящей лирики, настоящей поэзии», должен научиться выражать «тончайшие оттенки настроения, боль,

тревогу, нежность...» [см.: 25]. Однако не только благодаря ему в 1950-е гг. писатели стали вчитываться в поэзию Есенина. Подтверждением тому служит статья А. А. Романова «Учительство» (1997), где есть упоминание вузовского преподавателя старославянского языка Василия Сергеевича Третьякова, работавшего на филфаке Вологодского педагогического института в 1940-е – 1950-е гг. В небольшом фрагменте воспоминаний о нем приводится такой факт: «Благодаря только ему, мы, начинавшие тогда стихотворцы, впервые соприкоснулись с великой поэзией Сергея Есенина. Она в ту пору не только не значилась в институтской программе, а была запрещена, как якобы поэзия кулацкая. Ни-ни! – чтоб никто не посмел публично о ней даже обмолвиться. Недолго тут и до исключения из института.

А В. С. Третьяков потихоньку творил своё мужество – приносил тайком нам – студентам Сергею Викулову, Валерию Дементьеву¹ и мне, сопричастным уже к поэзии, запрещенные есенинские книги: “Радуницу”, “Москву кабацкую”, “Берёзовый ситец”. После Багрицкого с его “Смертью пионерки” и “Думой про Опанаса”, после Безыменского, Кирсанова и других политических стихотворцев это был потрясающий переворот в нашем сознании: вот что такое истинная Поэзия! Вот где могущество русского слова!» [18, с. 101–102].

Получается, что восторг от поэзии Есенина и «переворот» в сознании были пережиты некоторыми вологодскими лириками в конце 1940-х – начале 1950-х гг. У этого поколения молодых литераторов в школьной программе по литературе не было стихов Есенина. Об этом свидетельствуют и размышления В. И. Белова в «Тяжести креста»: «А чем нас воспитывали, чему учили в детстве и юности? “Оводом” Войнич да “Чапаевым” Фурманова, горьковским “Челкашом” в придачу <...> Есенина с Клюевым не было и в помине. В школьных шкафах сплошь Жаровы да Чуковские» [3, с. 339].

¹ В.В. Дементьев с 1954 г. был преподавателем, профессором Литинститута, в одно время с Яшиным.

Очевидно и однозначно, что продолжение знакомства Викулова, Романова, Белова, Фокиной, Рубцова с творчеством С. А. Есенина и основательное изучение летописи его жизни произошло в столице во время учебы в вузе. Тогда же имя Есенина стало появляться и в поэтических строчках молодых писателей. Из беловской поэмы начала 1960-х «Комсомольское лето»:

Ты идешь втихомолку
В голубой уголок.
Стол с цветами да полка,
Где Есенин да Блок...

Из стихотворения студентки Литинститута О. А. Фокиной «В дороге»:

Тая любовь к вагонным полкам жестким
Под стук колес не совладать со сном...
И снились мне Есенин с Маяковским
Да я – втроем за письменным столом...

Изучая личный архив однокурсника Белова, московского поэта Ивана Васильевича Лысцова, с которым вологжанин жил в литинститутском общежитии в одной комнате на первых курсах, выяснилось, что товарищи посещали «Спецкурс по С. А. Есенину». Об этом свидетельствует запись во вкладыше к диплому о высшем образовании. То же обнаруживается и в биографии Н. М. Рубцова. По данным рубцоведа Л. Н. Вересова, пятикурсником Николаем Рубцовым в Литинституте был прослушан спецкурс «Творчество С. А. Есенина», написана курсовая работа на тему «Поэзия России и её природа у Сергея Есенина», которая была зачтена.

Известно еще, что среди настольных книг беловских сокурсников (многие «от сохи») оказались словарь В. И. Даля и сборники стихов С. А. Есенина. Студенты из сел и деревень были диалектоносителями, осваивали городскую речь, ин-

тересовались «живым великорусским» языком, стремились активно использовать народные слова в своих поэтических текстах, подражая Есенину. Все переболели как раз в годы учебы в Литинституте есенинской лирикой. Тюменский писатель и журналист Н. Денисов вспоминал: «В пору моей учебы в Литературном институте многие первокурсники, особенно те, что родились и выросли в деревне, признавали за истинного поэта едва ли не одного Сергея Есенина. Преподаватели нас убеждали, что существует и другая великая поэзия, но Есенин был для нас первым среди великих.

Николай Рубцов, что учился двумя курсами старше, написал в те годы стихи о Есенине, они заканчивались такой строфой:

Эта муза не прошлого дня,
С ней люблю, негодую и плачу.
Много значит она для меня,
Если сам я хоть что-нибудь значу...»
[24, с. 73]

Студенты посещали встречи с писателями и переводчиками поколения Сергея Александровича, даже с друзьями «последнего поэта деревни» в стенах Литинститута и первыми исследователями биографии поэта. В личном архиве И. В. Лысцова есть описание одной встречи с литератором, переводчиком А. К. Юговым (1902–1979)², который с третьего курса мединститута общался с есенинским другом Всеволодом Ивановым (1895–1963) – тем, что помог студенту опубликовать первые тексты.

Творческая встреча состоялась после выхода в свет юговской книги «Судьбы родного слова» (1962)³, где упоминался и «архаист» С. А. Есенин, умело использовавший в лирике как устаревшие слова, так и народные. На первых листах рукописи Лысцова отмечается, что оратор обратился к студентам с та-

² Машинописные листы с пометами автора И. В. Лысцова.

³ По словам И. В. Лысцова, эта книга «ходила по рукам, ее искали друг у друга по этажам, ею зачитывались».

кими словами: «Не бойтесь пуристических окриков <...> смело вводите яркое, точное народное слово и просторечие в стихи и рассказы, в журнальную статью и очерк <...> Самоцветы, даримые нам народом, верните ему еще более переливчатыми...» Среди слушателей, как отмечал автор, были студенты-вологжане В. И. Белов и О. А. Фокина⁴.

Следует напомнить, что Югов, помимо литературного творчества и врачебной практики, занимался историко-медицинскими исследованиями. Например, им была написана ««экспертиза» об убийстве людьми Годунова наследника престола царевича Дмитрия»⁵. Югов, крестьянин по происхождению, получивший хорошее образование в городе, вполне мог быть примером правдоискателя и «великого патриота» для студентов И. В. Лысцова и В. И. Белова.

Известна также история встречи Рубцова⁶ с есенинским товарищем Сергеем Городецким (1884–1967), описанная лириком так: «Однажды пригласили к нам в институт Сергея Городецкого. Он такой старенький, худенький, глазки голубые, водянистые. Моргает глазками, что-то говорит еле внятно, начнет говорить – забудет, долго вспоминает. Ему кричат: “Расскажите про Есенина!” Вот он начал: “Вот мы с С. Есениным то и то, так-то жили...” В аудитории кричат: “Громче! Не слышим!” <...> Я его проводил, одетый помог. Я на него с почтением смотрел, ведь Городецкий, можно сказать, живая история, друг Есенина. А он на меня так пристально посмотрел своими голубыми глазами, сказал: “Спасибо Вам, молодой человек!”» [9, с. 247].

Из документов архива И. В. Лысцова, из его книги «Убийство Есенина» [13], а также из воспоминаний вологодского поэта В. В. Коротаева известно, что писатели в 1960-е годы неоднократно бывали в гостях у московского прозаика, библиофила,

⁴ Рукопись из архива семьи поэта И. В. Лысцова.

⁵ Из черновики И. В. Лысцова «Родословная эпоса. Алексей Югов» (без даты).

⁶ Подробно история знакомства Рубцова со стихами Есенина в годы прохождения срочной службы описана в воспоминаниях В. Сафонова «Николай Рубцов. Повесть памяти» [20, с. 73–137].

собирателя автографов и прижизненных изданий Есенина Ю. А. Паркаева, где впервые услышали народные истории о смерти поэта, увидели посмертную фотографию «великого национального поэта», сделанную «в анатомичке ленинградской больницы имени Нечаева на Обуховке». Для Лысцова, тогда начинающего московского журналиста и лирика, студенческое увлечение биографией Есенина превратилось в профессиональный трудоемкий сбор материала о гибели поэта. По убеждению его друга-поэта Н. В. Денисова, Лысцов: «...занялся кропотливой работой по выявлению документов и свидетельств, подтверждающих причину истинной гибели Есенина, точнее, его убийство в ленинградской гостинице “Англетер”. Именно – убийство, а не самоповешение, о чем твердил в своих книгах авторитетный “есениновед” Ю. Прокушев <...> скрывая правду» [6, с. 4]. Лысцов более 30 лет собирал материал к своей последней документальной книге «Убийство Есенина», где упоминался и писатель В. И. Белов.

В.В. Коротаев в статье 1995 г. вспоминал, как «в Рязань ездил не однажды, особенно когда учился в Москве на ВЛК»⁷. Он «встречался в свое время с писателем Юрием Паркаевым, который писал дилогию о Есенине, причем <...> добывал материал о Есенине из народа». Тогда Коротаев познакомился с «записками человека, который видел, как из гостиницы “Англетер” увозили мертвое тело Есенина. Без пиджака, пиджак залит был кровью, положили на сани в закрытом глухом дворике, вниз лицом, и увезли». Увиденные им материалы убедили его: гибель Есенина была «совершенно прямым убийством» [10, с. 3].

Коротаев задолго до этих событий был глубоко погружен в есенинское творчество, поэтому так легко эмоционально вовлекся в тему расследования гибели Есенина. В 1957 г. он, будучи десятиклассником, «от своего однокашника» впервые узнал, что «существует такой поэт». Позже в Вологодском педагогическом институте на филфаке он писал курсовые работы «Тема

⁷ Учеба В. В. Коротаева на Высших литературных курсах приходится на 1969–1971 гг.

Родины в творчестве Есенина» и «Просторечия и диалектизмы в творчестве Есенина». В то время ему пришлось прочитать всю доступную литературу о поэте. Кроме того, по воспоминаниям вологжанина, вместе с сокурсниками на студенческих вечерах он читал его стихи со сцены, а с другом-поэтом Леонидом Беляевым еще больше погрузился в Есенина, с ним «состязался, кто больше и лучше знает Есенина» [10, с. 3].

Подробнее остановимся на нескольких беловских историях, связанных с С. А. Есениным: писатель-деревенщик прошел несколько этапов перепроживания в себе и стихотворений, и биографии лирика: 1) в студенческие годы; 2) в период общения с В. М. Шукшиным, который «просто боготворил» Сергея Александровича, любил его стихи⁸ и пел есенинские «Клен ты мой опавший», «Над окошком месяц, «Ты жива еще, моя старушка...» [см.: 3]; 3) в первые десятилетия жизни в Вологде, когда были живы свидетели приезда Сергея Есенина на Вологодчину; 4) в 1980-е гг., когда смело публично заявил о насильственной смерти классика.

Перечитывая с карандашом беловские воспоминания о Шукшине, дружба с которым длилась более 10 лет, обнаруживаем, что был в жизни Василия Ивановича период продолжительного переживания потери друга. Отголоски этих переживаний слышны в «Тяжести креста...» [3] и часто сопряжены с именем Есенина: «Смерть Шукшина, на мой взгляд, подобна смерти Есенина. Шипенье змей продолжается»; «Судьбы русской культуры плотно увязаны с гибелью Пушкина и Есенина. А сколько их было, не менее трагических жизненных финалов, завершавших путь наших национальных творцов! Предчувствия не оставляли и самого Шукшина»; «В разговорах о есенинском и шукшинском пьянстве много обычного вранья» и др. Более 20-ти раз в тексте

⁸ Из воспоминаний Белова узнаем: «Есенинская «Волчья гибель» ходила в Вологде рукописно, я переписал ее у Игоря Тихонова. Не случайно и Макарыч выделял у Есенина именно это стихотворение. Есенина он, как говорилось выше, просто боготворил» [3].

встречается упоминание «новокрестьянского» поэта, наиболее часто – в двух фрагментах: о любви «Макарыча» к стихам Есенина и об одном приезде в Вологду, когда «Макарыч» впервые слушал беловские истории о друзьях Ганине и Есенине.

На протяжении долгого времени не покидала В. И. Белова мысль о неслучайности гибели Есенина в молодом возрасте, о скоропостижной и тоже неслучайной кончине Шукшина. Он, по-братски любя друга-сибиряка и искренне вникая в причины его есенинской тоски, хотел разобраться «в судьбах русской культуры», «плотно увязанных с гибелью Пушкина и Есенина», а также самого Шукшина. Понимал Белов, что трудно было писателям крестьянского происхождения получить в XX веке наконец-то право на «культурно легитимное высказывание» (А. И. Разувалова) через художественный текст: они были совестью народа (не политическими певцами), носителями «неподдельного чувства прекрасного», выразителями «всесветной тоски» русского мужика, чуть было не заблудившегося в городских «каменных джунглях», но всё же не забывшего деревню, «древнюю простую красоту храма, душевную песню, икону...»⁹. Поэтому и Есенин, и Шукшин для Белова были не надуманными идеалами художников, а теми, за кем не стыдно было держать шаг и невозможно упасть духом в лихие времена. Не случайно так позже воспринимали «деревенщики» и самого Белова. «...ты всю жизнь поперёд нас <...> и не уступаешь дороги. А нам за тобою и хорошо. И когда книги писали, хорошо было по твоим пятам идти, и сейчас хорошо на тебя оглядываться и не падать духом. Не подводи нас – так впереди и иди, а мы уж как-нибудь будем держать за тобой ногу», – так в письме 2010 г. писал Распутин вологодскому другу¹⁰. Часть этой цитаты (по настоянию известного шукшинского оператора А. Д. Заболоцкого, который был автором идеи монумента) сейчас выбита на постаменте памятника В. И. Белову в Вологде.

Не соглашаясь с гигантскими шагами технического и науч-

⁹ Шукшин В.М. «Монолог на лестнице».

¹⁰ Письмо хранится в фондах Музея-квартиры В. И. Белова.

ного прогресса, следуя при этом вместе с Шукшиным, Яшиным, Астафьевым, Носовым, Романовым, Рубцовым есенинским традициям, Белов отстаивал «заодно с другими» писателями-«нравственниками» свое внутреннее чувство правды, надрывно тревожившее его всю жизнь, охранял границы писательской общинности, не оглядываясь на тех, кто все его рассуждения о ладе и деревне воспринимал как «проявление консервативного неприятия современности» или идеализацию деревни. Белов по совести искал правду! Так было и в 1980-е гг., когда многие говорили о «политическом убийстве» Есенина, а первым об этом громко сказал В. И. Белов. В 1988 г. сначала устно на встрече читателей с редколлегией журнала «Наш современник» в г. Жуковском он заявил, что «на Сергее Есенине висит клевета о самоубийстве», а осенью этого же года в интервью газете «Люберецкая правда» Белов сообщил: «Я утверждал и утверждаю, что он был убит...» [2].

Белов знал Есенина и «запрещенным», и всесоюзно признанным, неоднократно был свидетелем широко отмечаемых юбилейных дат поэта. Он слышал разные версии о гибели поэта, был среди тех, кто увлеченно занимался исследованием причин смерти Есенина, даже хранил посмертную маску поэта у себя, показывал ее авторитетным патологоанатомам, чтобы лично услышать их мнение: в беловском окружении находилось достаточно писателей, не доверявших версиям о самоубийстве классика: В. Солоухин, В. Распутин, В. Шукшин, отец и сын Куняевы, И. Лыцов, Г. Горбовский, В. Крупин и др. Они и формировали то коллективное знание о своем крестьянском брате¹¹, собранное отовсюду.

Получается, что у Белова причин для погруженности в тему и необходимости активных публичных действий было достаточно. И на тот момент, в конце 1980-х – начале 1990-х гг., его мужества и авторитета хватило, чтобы тема убийства получила большой резонанс. Тем более писательские усилия,

¹¹ Астафьев называл его «младшим братом, грустным братом» [1].

совпав с переломным историческим периодом конца 1980-х, были подкреплены народным желанием обрести хоть какие-то духовные опоры, цельность, сплоченность – через установление правды в расследовании смерти народно признанного Есенина: «народное признание <...> безобманно» [11, с. 225].

Тема трагической гибели, безусловно, была поддержана не только российскими писателями, но и «вологодской кучкой». Если В. И. Белов в столице поднимал информационную волну о Есенине, то поэт и журналист А. А. Романов в Вологде проводил свои литературно-исторические расследования о расправе властей с крестьянскими поэтами – Алексеем Ганиным, Сергеем Есениным и Николаем Клюевым. Он выступал на страницах местных газет, в библиотеках и школах. Им были написаны и опубликованы в 1995 г. такие работы о Ганине: 1) «В минуте грозы – на столетье беды...” Поэт А. Ганин и его лучшее творение “Былинное поле”», 2) «К тебе пришел я, край родимый» [16, с. 23–31].

Романов говорил о «зловещей «премудрости» раскрестьянивания», «страшном притеснении» русского мужика, кормившего всю державу, называл крестьянских поэтов пророками, которые в 1920-е гг. «трагически прозрели великий обман» «нового ига». Размышляя над ганинской поэмой «Былинное поле», поэт и журналист писал, что молодому поэту «за разорением крестьянства открывалась <...> и более глубокая подноготная: лишение русского народа национальной самобытности и будущности» [16, с. 25]. Во второй статье Романов открыто говорил: «А в начале 1925 года в Москве, в Бутырках, 32-летнего Алексея Ганина расстреляли. За что? А за любовь к родине. Ведь в те годы <...> темные силы лишили Россию даже имени своего – называли просто Республикой...

А в конце этого же, 1925 г., в Ленинграде, в гостинице “Англетер”, был убит, а затем повешен Сергей Есенин. Позднее расстреляли Николая Клюева, Сергея Клычкова и Петра Орешина. Так сталинско-троцкистские насильники расправились с лучшими поэтами России...» [16, с. 30].

Другой вологодский писатель, поддерживавший информационную волну об убийстве Есенина, – В. В. Коротаев. В большой публицистической статье к столетнему юбилею Есенина поэт вспоминал о таких подробностях, которые мог знать только человек из беловского круга: «Когда Василий Иванович Белов ездил в Англию, он познакомился с одним английским есениноведом, и тот подарил ему книгу о Есенине. Там очень много фотографий, в том числе и лицо поэта, изуродованное каким-то тяжелым предметом. Так что разговоры о том, будто он сам залез в петлю, не имеют под собой никакой почвы». Коротаев тогда был уверен, что созданная комиссия по расследованию кончины Есенина «в конце концов опубликует свои материалы» и люди «узнают правду» [10].

Вологодские писатели по-есенински «тронули страсти» трагической гибели классика и его товарищей-вологжан, пошатнув опоры официальной версии о самоубийстве. Беловские друзья-современники и последователи уже даже и не сомневались в версии об убийстве поэта. В одном из телеинтервью 2023 г. Станислав Куняев сказал, что душевных сил может не хватить, если услышать всю правду о смерти. В очерке В. Крупина «Главный герой главной войны» (2024) автор прямо говорит о продуманном убийстве поэта, рассказывая другую «тайную» историю – про героя Великой Отечественной войны, водрузившего над зданием Рейхстага Знамя Победы 30 апреля 1945 г., а спустя 20 лет повешенного, как когда-то Есенин: «Бог мне простит, уверен, что смерть Григория Булатова не была самоубийством. Он мешал легенде о Знамени Победы. Сейчас это все исследовано досконально. Свидетель снятия тела из петли указывает на высокую трубу под потолком. Как невысокий ростом человек мог привязать за нее веревку? И как без какой-либо подставки влез в петлю? Прямо с пола? Нет, его, скорее всего, повесили. Повесили и закрыли дело. Ни следствия, ни каких-то выводов.

Это очень напоминает гибель Сергея Есенина. Тоже труба под потолком, тоже непонятно как привязанная к ней веревка...» [11].

Поднятая вологжанами тема гибели поэта Есенина подогрела интерес не только есениноведов к разным версиям ухода классика из жизни, но и российских филологов, музейных сотрудников, писателей, простых читателей к творчеству есенинских товарищей Клюева и Ганина, осмыслению их трагически оборвавшихся жизней. Не случайно их имена стали перечисляться не только в одной строке перечня есенинских друзей-поэтов, но и в списке писателей-мучеников XX века. В качестве примера можно привести «Поэтический мартиролог» писателя и ученого Л. В. Рыжковой:

Век двадцатый в глаза смотрит нам смертоносно и прямо,
Там убитых поэтов, наверно, и вовсе не счесть,
Перед ними разверзлась зловещая жадная яма –
Гумилёв, Блок, Есенин, и кто ещё с ними, невесть.

<...>

Был расстрелян легко Алексей Алексеевич Ганин,
С ним Дворяшин, Чекрыгин, Галанов и каждый – талант и пиит...
[19]

Далее в мартирологе мучеников стоят имена вологодских поэтов Н. Рубцова, С. Чухина, С. Шадринова, а также друга Белова И. Лысцова, погибшего в Москве в день презентации своей документальной книги «Убийство Есенина» в 1994 г., а в 1995-м получившего посмертно есенинскую премию.

В заключение следует сказать, что данная тема не является хорошо исследованной и может оказаться перспективной для литературоведов, научных сотрудников музеев, архивов и библиотек, работающих с архивными фондами российских писателей окружения В. И. Белова, В. П. Астафьева, С. Ю. Куняева, И. В. Лысцова, А. А. Яшина и др. Вологодские писатели были лишь частью той группы литераторов, которые «держали ногу» за Есениным, стремились «быть пчелой жировой, блюсти тайники, медовые срубы»¹².

¹² Из стихотворения Н. Клюева «Плач о Сергее Есенине» (1926).

Литература

1. Астафьев В. П. Есенина поют / В. П. Астафьев // Собрание сочинений. В 15 томах / В. П. Астафьев. – Красноярск, 1997. – Т. 7. – С. 378.
2. Белов В. И. Позиция писателя / В. И. Белов // Люберецкая правда. – 1988. – № 180 (12 ноября). – С. 4.
3. Белов В. И. Тяжесть креста / В. И. Белов // Собрание сочинений. В 7 томах / Белов В. И. – Москва, 2011. – Т. 5. – С. 299–378.
4. Бухарин Н. Злые заметки / Н. Бухарин. – Москва; Ленинград, 1927. – С. 9.
5. Второй Всесоюзный съезд советских писателей. 15–26 декабря 1954 год. Стенографический отчет. – Москва: Советский писатель, 1956. – 607 с.
6. Денисов Н. В. Бессмертие поэта / Н. В. Денисов // Тюмень литературная. – 2005. – № 2 (83). – С. 3–4.
7. «Дорогим, нежно любимым Яшиным...»: библиотека Александра Яшина и членов его семьи в автографах и дарственных надписях : каталог : к 100-летию со дня рождения А. Я. Яшина / Вологодская областная универсальная научная библиотека им. И. В. Бабушкина, Вологодский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, Никольский историко-мемориальный музей А. Я. Яшина. – Вологда : ВОУНБ, 2013. – 519 с.
8. Есенин С. А. Собрание сочинений. В 2 томах / С. А. Есенин. – Москва: ГИХЛ, 1955. – 2 т.
9. Коротаев В. В. Козырная дама : почти документальная повесть с эпилогом о том, как убили поэта Н. М. Рубцова / Виктор Коротаев. – Вологда : ИЧП «Крис-Кричфалуший», 1991. – 303, [1] с.
10. Коротаев В. В. «Поразил своей искренностью». К 100-летию Есенина / В. В. Коротаев // Красный Север. – 3 октября 1995. – № 193. – С. 3.
11. Крупин В. Главный герой главной войны / В. Крупин // Огни Кузбасса. – 2024. – № 1. – С. 104–106.
12. Крупин В. Н. Книга для своих / В. Н. Крупин, составитель Д. И. Кузнецов, предисловие Е. Н. Семькина, ответственный редактор

- О. А. Платонов. – Москва: Институт русской цивилизации, 2012. – 512 с.
13. Лысцов И. В. Убийство Есенина / И. В. Лысцов // Молодая гвардия. – 1990. – № 10. – С. 251–274.
 14. Разувалова А. И. Писатели-«деревенщики»: литература и консервативная идеология 1970-х годов / А. И. Разувалова. – Москва: Новое литературное обозрение, 2015. – 612 с.
 15. Романов А. А. Искры памяти / А. А. Романов // Воспоминания о Николае Рубцове. – Архангельск [Б. и.], 1983. – С. 360–388.
 16. Романов А. А. Слово, равное судьбе / А. А. Романов // Избранные произведения / А. А. Романов. – Вологда, 2024. – Т. 3. – С. 23–31.
 17. Романов А. А. Уроки Александра Яшина А. А. Романов // Слово, равное судьбе. Избранные произведения / А. А. Романов. – Вологда, 2024. – Т. 3. – С. 32–40.
 18. Романов А. А. Учительство / А. А. Романов // Слово, равное судьбе. Избранные произведения / А. А. Романов. – Вологда, 2024. – Т. 3. – С. 97–105.
 19. Рыжкова Л. В. Поэтический мартиролог / Л. В. Рыжкова. – Текст: электронный // Великороссъ. – 2020. – Июнь, № 134. – URL: https://velykoross.ru/journals/all/journal_96/article_5807/ (дата обращения: 4.11.2025).
 20. Сафонов В. Николай Рубцов. Повесть памяти / В. Сафонов // Воспоминания о Николае Рубцове. – Вологда, 1994. – С. 73–136.
 21. Есенин Сергей Александрович. Избранное / подготовка текста Ю. Л. Прокушева ; примеч. Е. А. Есениной и Ю. Л. Прокушева. – Москва: Московский рабочий, 1958. – 528 с.
 22. Сергей Есенин в контексте русской и мировой культуры / научный и ответственный редактор Н. И. Шубникова-Гусева. – Москва: ИМЛИ РАН, Константиново, Государственный музей-заповедник, 2025. – 800 с.
 23. Соколова Л. В. Духовно-нравственные искания писателей-традиционалистов второй половины XX века: В. Шукшин, В. Распутин, В. Белов, В. Астафьев: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук: 10.01.01 / Л. В. Соколова. – Санкт-Петербург, 2005. – 381 с.

24. Трикоз Э. Л. «Мы жили в том далеком далеке». К 90-летию поэта И.В. Лыцова. Часть 2 / Э. Л. Трикоз // Вестник Вологодского государственного университета. 2024. – № 4 (35). – С. 73–77.
25. Яшин А. Я. Собрание сочинений. В 3 томах. Том 3. Статьи, очерки, дневники, письма / А. Я. Яшин. – Москва: Художественная литература, 1986. – 415 с.

ПРЕБЫВАНИЕ ЕСЕНИНА НА ВОЛОГОДЧИНЕ В ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЕЙ КРАЯ

Аннотация. В статье дается обзор художественных и публицистических произведений, созданных вологодскими авторами в разные годы и посвященных теме пребывания поэта С. А. Есенина на Вологодчине в 1916 и 1917 гг. Собранные материалы представляют историко-краеведческий интерес и могут быть использованы учителями, музейными сотрудниками, экскурсоводами как основа при создании учебных, методических и экскурсионных проектов.

Ключевые слова: С. А. Есенин, вологодские писатели, А. А. Романов, А. Я. Яшин, Н. М. Рубцов, В. И. Белов, В. С. Калачев, В. Т. Шаламов, В. В. Дементьев, Вологда, деревня Кирики-Улита, краеведение.

О пребывании Есенина на Вологодчине написано немало краеведческих статей и очерков, но по-прежнему этот факт нуждается в популяризации и осмыслении. О том, как отразились визиты поэта в творчестве вологодских авторов, писалось не часто. На данном этапе материал по этой теме необходимо собрать и систематизировать, чтобы он вошел в культурный кругозор туриста, школьника и читателя любой возрастной категории. Важной также является его апробация в ходе экскурсий по есенинским местам.

Сергей Есенин посещал Вологду дважды: в 1916 и в 1917 гг. Оба раза – благодаря своему другу поэту Алексею Ганину. Оба они на протяжении нескольких десятилетий считались запрещенными, поэтому об этих визитах и вообще о Есенине не принято было говорить в печати до середины 1950-х гг. Несмотря на запреты, поэзию Есенина знали и любили на Вологодчине, в 1940–1950-е годы его сборники находили, читали, перечитывали, стихи заучивали наизусть и А. Яшин, и С. Викулов, и В. Дементьев, и А. Романов. Интерес к поэзии и личности Есенина у писателей-вологжан со временем получил и творческое

выражение. Достаточно вспомнить известный труд В. В. Дементьева «Мир поэта. Личность, творчество, эпоха» [6], в котором автор основательно рассуждает о взаимоотношениях Есенина и Клюева, образах-мотивах в их стихах, заключая: «И все-таки в глазах читающей России Клюев был только предтечей деревенской Руси, а ее подлинным певцом – Сергей Есенин» [там же, с. 64]; «Николай Клюев был для Есенина тем же, чем явился Батюшков для Пушкина: Батюшков наметил то, что гениально осуществил Пушкин» [там же, с. 77].

Александр Яшин в юности зачитывался стихами Есенина. В своем очерке «Сны сбываются... (Поездка на родину Есенина)» (1965) он признавался: «Из-за увлечения Есениным – а в этом я не был оригинален среди своих сверстников – меня в техникуме не приняли в комсомол...» [17, т. 3, с. 59]. Вспоминая о прошлых временах и «вреде» есенинской поэзии в период 1920-50-х гг. Яшин писал: «Да, стихи Сергея Есенина ходят уже не в списках. Все к лучшему. Нынешние ценители поэзии могут свободно иметь на своем столе томики его удивительной лирики. И это одна из добрых примет нашего времени» [там же, с. 60].

Яшин не только посещал родные рязанские места поэта, но приезжал из Москвы в Вологодскую область в деревню Кирики-Улиты. Об этом можно судить, прочитав в его дневнике такие строчки от 20 февраля 1958 г.: «С Викуловым с утра на лыжах в Кирикову-Улиту – овражек с ельником. В этой “Вологодской Швейцарии” Викулов фотографировал...» [цит. по: 2, с. 7].

Современник Яшина Варлам Шаламов высоко ценил Есенина и даже присутствовал 31 декабря 1925 г. на его похоронах на Ваганьковском кладбище в Москве: «Я был на похоронах Есенина, когда коричневый гроб трижды пронесли вокруг памятника Пушкину на Тверском бульваре. Посмертная судьба поэта была предсказана в том прощании. Стихи Есенина были его судьбой, и в этом главное, самое важное. Именно потому, что на строках Есенина выступает живая кровь, отходят на второй план художественные просчеты, шероховатость отдельных строк <...> Но у Есенина есть и такие чудеса, как «Несказанное, синее, нежное...», «Отговорила роща золотая...» Их достаточно, чтобы дать

Есенину бессмертие в русской лирике. Стихи Есенина были его судьбой, все его стихи пронизаны огромной любовью к России, к родине» [15, с. 245]. Это, пожалуй, единственный из вологодских писателей, который мог бы встретиться с Есениным и Ганиным в 1917 г. в Вологде. Правда, было ему в то время всего 10 лет.

Воин и поэт Владимир Степанович Калачев (1918–1943), уроженец деревни Квасюнино (сейчас это Шекснинский район Вологодской области), погибший в 1943 г. во время защиты Ленинграда, также увлекался творчеством Есенина. Он был знаком со Всеволодом Рождественским, близко знавшим Есенина и даже видевшим тело товарища в день гибели в гостинице «Англетер», переписывался с ним. Калачев посвящал стихи рязанскому поэту. В 1936 г. им было написано такое лирическое признание:

Синий месяц – синий цвет,
Даже синие стекла в окне.
С золотыми кудрями поэт
И сегодня придет ко мне.

И в родимой старинной хате
Этой ночью я не усну.
Песнь заслышу за дверью дощатой –
Перед гостем ее распахну.

Прочитает он мне «Голубень»,
Золотую, и «Марфу Посадницу»,
Лишь в окне проблеснет белый день,
Пропоеет голубую «Трерядницу».

И уйду вместе с ним отсюда,
Этот мир навсегда покину.
Пропоеет обо мне панихиду
Голубая за плетнем осина.
[4, с. 25]

Примечательно, что именно в 1930-е гг. о приезде Есенина на Вологодчину было известно только в узких кругах. Как пи-

сал вологодский писатель, драматург Александр Алексеевич Грязев, «первым о венчании Сергея Есенина и Зинаиды Райх в сельской церкви под Вологдой сообщил читателям областной газеты «Красный Север» Николай Николаевич Парфенов» [4, с. 25] – вологжанин по рождению, известный в то время ленинградский журналист, преподаватель кафедры журналистики Ленинградской высшей партийной школы. Газета вышла 3 октября 1965-го года.

Статья Парфенова называлась «Сергей Есенин в Вологде. История одной любительской фотографии» [9, с. 4]. В начале публикации пересказывался диалог журналиста с вологодским краеведом Сергеем Васильевичем Клыпиным, который поведал о неизвестной фотографии молодого Есенина в военной форме, сделанной в 1916 г. в вологодской типографии. Есенин приезжал в Вологду с целью издания поэмы «Галки». Клыпин лично разговаривал с ним и во время той встречи даже сделал фотопортрет гостя в «частной типографии Гудкова-Белякова», где тогда работал. В той статье впервые были обнародованы сведения о есенинской поэме, которая нигде не была опубликована и даже не сохранилась в архивах Есенина.

Важно отметить, что Парфеновым впервые была обнаружена запись о бракосочетании Есенина и Райх с помощью сотрудников райбюро ЗАГС Вологодского района. Тогда стало известно, что брак был зарегистрирован 30 июля 1917 г. (по старому стилю) в церкви Кирика и Иулиты, которая находилась при деревне Толстикovo Вологодского уезда. В метрической книге двадцатидвухлетний жених записан крестьянским сыном Рязанской губернии и уезда Кузьминской волости села Константиново, а двадцатитрехлетняя невеста – девицей, мещанкой города Ростова-на Дону. Оба венчались первым браком по православному обряду. Поручителями (свидетелями) при венчании со стороны жениха были вологодские крестьяне Павел Хитров и Сергей Бараев, а со стороны невесты – поэт Алексей Ганин и купеческий сын Дмитрий Девятков.

Безусловно, все вологодские писатели (Викулов, Романов, Белов, Фокина, Рубцов и др.) знали об этой сенсационной для

них публикации, из которой следовало, что Есенин на Вологодчину приезжал не только в 1917 г. В то время основной состав Вологодской писательской организации был из деревенской молодежи – «выходцев из разгромленного крестьянства». «Матерое мужичество» выпирало из их стихов и повестей. И они понимали, как это их сближало с «новокрестьянскими» поэтами [см.: 11, с. 362] и самим Есениным, которому многие из них на этапе ученичества подражали.

Поэт А. А. Романов называл Есенина «любимым вологжанами», «свойским человеком», потому что «Сергей Александрович гулял-хаживал по Вологде и по деревням Кадниковского уезда, будучи в гостях у нашего талантливой поэта, своего друга Алексея Алексеевича Ганина...» [11, с. 362]; в образной структуре стихов «поэта деревни» «брала верх крестьянская основа», строки были наполнены понятным многим читателям «лирическим чувствованием» (цитаты из С.В. Викулова).

«Есенин оказал решающее влияние на стихотворчество Рубцова» [13, с. 85]. Вологодский лирик вдохновлялся есенинской поэзией еще в армии, задолго до поступления в Литературный институт имени Горького. Учась в столице, по свидетельству В. Сафонова, Николай Михайлович один раз ездил на родину поэта в Константиново – в 1968 г., уже после открытия мемориального музея поэта. Зная эти факты, трудно представить, что, посещая литературные семинары вологодских писателей и участвуя в писательских встречах и поездках, В. Сафонов не знал о пребывании Есенина на вологодской земле. Он писал: «Да и невозможно забыть мне ничего, что касается Есенина. О нем всегда я думаю больше, чем о ком-либо. И всегда поражаюсь необыкновенной силе его стихов...» [13, с. 83]. Однако прямых свидетельств о том, как Рубцов узнал о посещении Есениным Вологодчины и как к этому относился, мы пока не нашли.

Н. М. Рубцов сам посвящал стихи С.А. Есенину («Сергей Есенин», 1962), упоминал его имя в «Вечерних стихах», «Последней осени», «Пусть поют поэты» – где пятая строфа звучит нежно и исповедально:

На этом с миром
И расстаться нам бы,
Но отчего же с «Левым маршем» в лад
Негромкие есенинские ямбы
Так громко в сердце бьются и звучат!

Место венчания поэта, начиная с 1960-х гг., было местом символического «причастия» для вологодских писателей: здесь незримо происходило соединение приходивших с большим художником. Наверное, не случайно и В. П. Астафьев называл поэта «Богово дитя» в миниатюре «Есенина поют». Посещение местности Кирики-Улиты вдохновило поэта Сергея Орлова на написание стихотворения. Об этом известно из очерка А. А. Романова «Думы о Сергее Орлове»: он был свидетелем того, как С. С. Орлов в гостях у своего друга юности Леонида Буркова читал стихотворение о «красивейшем местечке под Вологдой, где когда-то обвенчался Сергей Есенин с Зинаидой Райх», посвятив его товарищу. Текст вынашивался годами, почти 15 лет. А. А. Романов, зная, что С. С. Орлов «только на днях закончил» работу над текстом стихотворения заметил: «Иной слушатель или читатель в такое может и не поверить, он почему-то всегда думает, что стихи, тем более короткие, создаются в один росчерк пера, но мне-то было известно, что стихи возникают по-разному...» [10, с. 115].

Вот это стихотворение Сергея Орлова:

Церковь Кирики-Улиты,
Рыжий красный березняк
Почему-то не забыты,
Не забудутся никак.
Вспоминаются нежданно
Без причины и тоски
Небеса, в лесу поляны.
Под ногами рыжики.
А от церкви следу нету,
Только этот березняк

Льется, льется белым светом,
Продувает, как сквозняк...
Церковь Кирики-Улиты...
Все рассыпано давно,
И ищи ты, не ищи ты –
Не отыщешь... Все равно.
Почему-то не забыты,
И звучат, плывут слова:
Церковь Кирики-Улиты –
Словно в небе острова.

В момент знакомства со стихотворением от образов, по воспоминаниям Романова, повеяло «осенней прохладой, лесом, листопадом», а лирические интонации «плыли в застольной тишине, вызывая из глубины души грустную есенинскую строку “Отговорила роща золотая”» [10, с. 115].

Александр Романов часто говорил о том, что в произведениях молодых вологодских поэтов были отзвуки образов и ритмов Есенина, Пушкина, Лермонтова, Вийона: «...И не было ничего самонадеянного, странного или дерзкого в таком приближении к своему застолью этих гениев – ведь мы тогда были молоды, как и они в свои лета. И на кого же было равняться нам, как не на них! «Вологодская кучка» <...> была одержима творческим соперничеством друг с другом и поисками свежих путей в русскую литературу. И если Есенин, так любимый вологжанами, казался нам уже близким и свойским человеком (ведь Сергей Александрович гулял-хаживал по Вологде и по деревням Кадниковского уезда, будучи в гостях у нашего талантливого поэта, своего друга Алексея Алексеевича Ганина, злодейски расстрелянного большевиками в 1925 г.), то к именам Пушкина и Лермонтова мы прикасались со священным трепетом» [11, с. 360–388]. Здесь Романов говорит за всех вологодских писателей той поры (1960–1980-х гг.), глубоко осознавая, насколько близок был им Есенин.

Говоря о своих литературных пристрастиях, Романов признавался, что ему «особенно понятны Есенин и Клюев». Про есенинского учителя он неоднократно писал в публицистике, а к 20-летию Вологодской писательской организации подготовил статью «Народные корни литературы» (1981), в которой образно выписал его литературный портрет: «За вологодскими лесами, в Вытегре, напряженно жил в ту пору Николай Клюев – уже известный русский поэт, выпустивший книги “Сосен перезвон” (1912), “Лесные были” (1913), “Песнослов” (в двух томах, 1919). Его густая метафорическая изобразительность, мудро выпряденная из крестьянского напева и сказа, так изумила тонкого и строгого Валерия Брюсова, что он написал востор-

женное предисловие к первой книге. И Александр Блок тогда дивился Клюевым, и Сергей Есенин дружил с ним. Однако лишь совсем недавно <...> узнали мы по крестьянскому обличью, по колдовскому слову, по печальному северному напеву свою землячку – истинную поэзию...» [10, с. 172].

В этой же статье Романов вспоминает и Алексея Ганина, поэта «глубокого звона души», с Есениным, который «в свое время приезжал в Вологду, любил слушать стихи Ганина – в них плескалась весенняя пахота, дымилось солнце над тревожной новью, скрипели мужицкие избы» [10, с. 173].

Складывается впечатление, что без имени Есенина не получалось составить ни полной картины о корнях народной вологодской литературы, ни создать произведение, связанное с «вологодской кучкой», – такое, как, например, драматическая пьеса-поэма Юрия Леднева о Н. М. Рубцове «С ангелом – скушно, с демоном – страшно», где среди действующих лиц – Есенин [8, с. 7]. Автор писал в пьесе, упоминая имя классика: «В утро 3 октября сердце вологжанина вздрогнет нежно и благодарно. И руки потянутся к томикам поэта. И поясno поклонится Сергею Александровичу население земли нашей...». В другом отрывке слышим знакомое упоминание о вологодском есенинском приезде: «...кудрявого русича, забубенного крестьянского сына, великого стихотворца Сергея Есенина попутным дружеским ветром занесло в первой четверти XX века к нам, в северную сторону» [8, с. 7].

Следует вспомнить в данной связи также Василия Ивановича Белова и его книгу «Тяжесть креста». В ней он описывает, как знакомил Шукшина с историей вологодской есенинской свадьбы: «Макарыч жадно поглощал все, чем славилась Вологда, начиная с купца Непеи, первого посланника в Англию, кончая Сергеем Есениным. В ту пору еще были живы некоторые свидетельницы приезда Сергея Есенина в наши края. Двое друзей, Ганин и Есенин, ехали из Петрограда в Вологду, намереваясь свершить свадьбу Ганина с Зинаидой Райх в деревне у родителей Ганина. По дороге Райх перекинулась во власть Есенина. Ганин не стал ее удерживать. Не доезжая до деревни жениха,

Зинаида обвенчалась с Есениным в церкви Кирика и Улиты, что под Вологдой. После этого все трое отправились к родне Ганина в деревню Коншино Кадниковского уезда. Жители этой деревни долго помнили Есенина, с гармошкой гуляющего по деревне во время православных праздников. (Иных в то время еще не праздновали. Деревня была уничтожена теми же силами, от которых погибли и праздники, и Ганин, и Есенин. Да, пожалуй, и сам Шукшин.) Макарыч хмуро слушал трагическую историю о гибели Ганина, а есенинскую судьбу он и без меня знал наизубок» [1, с. 369].

Сотрудники Музея-квартиры В. И. Белова рассказывают на экскурсиях, ссылаясь на многочисленные свидетельства беловских современников, что Василий Иванович водил своих гостей-писателей по вологодским есенинским местам, с радостью рассказывая о причастности поэта к Вологде. Этот факт подтверждают и строки из стихотворения поэта Сергея Хомутова «Радуга над Россией» (2006):

Я думал, что Вологда – это глухие края,
Наверно, глухие, но сколько иных ощущений!
В подобных краях началась не одна колея –
Талант не один зародился, а, может, и гений.
Здесь даже Есенин когда-то гармошку срывал,
И версты Рубцов отмерял до родной деревеньки,
И, в общем, народ работающий в округе жила,
Пристрастно считая погожие дни, а не деньги.

Подробно историю о вологодской есенинской свадьбе знал литератор А. А. Грязев, он описывал ее в очерке «Вологодская свадьба» [4]. В конце 1970-х ему довелось пройти-проехать этот есенинский свадебный путь с сестрой Ганина Марией Алексеевной и первым исследователем этого события ленинградским журналистом Николаем Николаевичем Парфеновым. А в 1989 г. он виделся еще с одной сестрой Ганина – Еленой Алексеевной, которая на первых Ганинских чтениях рассказала о приезде Есенина, Ганина и Райх в Коншино.

Обращался также в своих статьях к этому событию вологодский писатель, журналист В. И. Аринин. В газете «Русский Север» от 13 апреля 1991 г. он писал: «Мне не довелось видеть Кирико-Иулиттовской церкви. Представляю ее по снимку, сделанному незадолго до варварского уничтожения храма в начале пятидесятих годов. Конечно, ни о каком восстановлении церкви, ни о памятной доске, ни о чем подобном, увековечивающем память о вологодском пребывании Есенина, сегодня речи быть не может. Но есть память сердца! Скоро с приходом тепла вновь в местный лес пойдут многие: семьи, школьники в свои походы, во главе с учителями... И хотелось бы, чтобы родители и учителя говорили детям: “Запомните, это памятное место. Здесь венчался Сергей Есенин”» [см. также: 14].

Память об этих событиях продолжает волновать и современных вологодских писателей. У Г. В. Сазонова есть стихотворение, которое начинается трогательными словами: «Я заплакал у старой березы, где когда-то Есенин бродил...» [12, с. 7]. В. А. Яцкевич в исторической повести «В тихой Вологде» описывает прогулку Есенина по вологодским цветущим полям, «льняные кудри» молодого поэта и свадьбу: «Венчание Сергея Есенина и Зинаиды Райх состоялось в старинной каменной церкви, освященной в честь святых Кирика и Иулитты <...> В церкви присутствовала почти вся семья Девятковых. Лица у всех были радостные, всем казалось, что их ожидает долгая счастливая жизнь. До октябрьского переворота оставалось три месяца..» [16, с. 95].

Подробно описывает пребывание Есенина на Вологодчине историк и краевед Сергей Зеленин. Его статьи публиковались в журналах «Новый мир», «Автограф», в нескольких интернет-изданиях. В них он уделяет внимание не только Есенину, Ганину, но и другим участникам свадьбы. Интересен его очерк «Филипп Быстров. Забытый поэт Вологодчины». По преданию, Филипп Быстров держал во время венчания венец над головой Есенина [6, с. 7].

Закономерным итогом работы над есенинской темой стала книга А. А. Цыганова «Вологда в судьбе Сергея Есенина» (2025).

Исследование раскрывает малоизвестные факты пребывания Есенина на Вологодчине, оно основано на архивных материалах и воспоминаниях, в том числе и тех, что перечислены нами выше [14]. Книга в 2025 г. была представлена научному сообществу в дни Международного научного симпозиума «Большое видится на расстоянии»: Есенин в XXI веке» (15–18 октября 2025 г.) в Константинове.

В заключение следует сказать, что краткие приезды молодого рязанского поэта в Вологду отразились на судьбе литературной Вологды. На протяжении нескольких десятилетий литераторы Вологодской писательской организации занимались историко-краеведческими и творческими поисками, вдохновлялись не только стихами поэта, но и его образом счастливого, «отчаянного, веселого» жениха, о котором многократно вспоминали в своих произведениях. Это дает повод считать Вологду одним из есенинских мест в нашей стране.

Литература

1. Белов В. И. Тяжесть креста / В. И. Белов // Собрание сочинений. В 7 томах. – Москва, 2012. – Т. 5. – С. 299–378.
2. Вересов Л. Н. Документальная история образования Вологодского отделения Союза писателей РСФСР и роли А. Я. Яшина / Л. Н. Вересов // Автограф : литературно-художественный и историко-краеведческий журнал / Вологодский союз писателей ; редактор В. А. Борисов ; редакционный совет: Л. Н. Вересов [и др.]. – Вологда, 2023. – № 3 (74). – С. 22–34.
3. Вересов Л. Н. Письма Валентина Сафонова как важнейший биографический и психологический источник начала творческого пути Николая Рубцова / Л. Н. Вересов. – Текст : электронный // Душа хранит. Жизнь и поэзия Н. Рубцова: сайт. – URL: https://rubtsov-poetry.ru/research_2/pisma_safonova.htm (дата обращения: 2.11.2025).
4. Грязев А. А. Вологодская свадьба / А. А. Грязев. – Текст : электронный // Вологодский литератор. – 2016. – 25 сентября. – URL: <https://literator35.ru/2016/09/prose/aleksandr-gryazev-1937-2012-vologodskaya-svad/> (дата обращения: 3.11.2025).

5. Дементьев В. В. Мир поэта: Личность Творчество, Эпоха / В. В. Дементьев. – Москва: Советская Россия, 1980. – 480 с.
6. Зеленин С. В. Забытый поэт Вологодчины. Филипп Быстров / С. В. Зеленин // Голос Эпохи. – 2020. – № 4. – С. 105–110.
7. Калачёв В. С. Стихи ; Письма ; Воспоминания / В. Калачёв ; [сост., авт. предисл. и послесл.: Л. Г. Калачёва (Яцкевич)]. – Вологда: Русь, 2007. – 183 с.
8. Леднев Ю. «С ангелом – скушно, с демоном – страшно» (Драматическая пьеса-поэма о Н.М. Рубцове) / Ю. Леднев. – Вологда: Евстолий, 1998. – 84 с.
9. Парфенов Н. Н. Сергей Есенин в Вологде. История одной любительской фотографии / Н. Н. Парфенов // Красный Север. – 1965. – 3 октября. – № 234. – С. 4.
10. Романов Александр Александрович. Версты раздумий : о родине, о жизни, о поэзии : книга прозы / А. Романов. – Архангельск: Северо-Западное книжное издательство, 1983. – 252, [1] с.
11. Романов А. А. Воспоминания о Николае Рубцове / А. А. Романов // Искры памяти / А. А. Романов. – Архангельск, 1983. – С. 360–388.
12. Сазонов Г. А. Кирики. У Есенинской березы / Г. А. Сазонов // Сайт «Русская народная линия» 22.09.2020. – URL: <https://ruskline.ru/analitika/2020/09/21/kiрики> (дата обращения: 3.11.2025). – Текст: электронный.
13. Сафонов В. Николай Рубцов. Повесть памяти / В. Сафонов // Воспоминания о Николае Рубцове / [сборник / составитель и автор предисловия В. Коротаев]. – Вологда, 1994. – С. 73–135.
14. Цыганов А. А. Вологда в судьбе Сергея Есенина / А. А. Цыганов. – Вологда: Инфра-Инженерия, 2025. – 92 с.
15. Шаламов В. Т. Ответ на анкету о С. Есенине / В. Т. Шаламов // Собрание сочинений. В 6 томах / В. Т. Шаламов. – Москва, 2013. – Т. 7. – С. 245–246.
16. Яцкевич В. А. В тихой Вологде: историческая повесть / В. А. Яцкевич. – Вологда: Архиерейское Покровское подворье, 2013. – 280 с.
17. Яшин А. Я. Собрание сочинений. В 3 томах. Том 3. Статьи, очерки, дневники / А. Я. Яшин. – Москва: Художественная литература, 1986. – 415 с.

**ЯЗЫКОВЫЕ И НЕЯЗЫКОВЫЕ СЛОИ В СТИХОТВОРЕНИИ
Н.А. КЛЮЕВА «ЗВУК АНГЕЛУ СОБРАТ, БЕСПЛОТНОМУ
ЛУЧУ...»**

Аннотация. В статье рассматриваются формальные и смысловые структуры, значимые для строения стихотворения Н. А. Клюева «Звукъ ангелу собратъ, безплотному лучу...». Теоретико-методологическими координатами исследования выступила концепция гармонической организации поэтического текста, предложенная К. Э. Штайн. В ходе анализа были описаны графическая, звуковая, словесная и синтаксическая стороны языковой ткани стихотворения, а также очерчено общее смысловое движение, которое обозначено как переход от до-звучного бытия к бытию звучащему.

Ключевые слова: Н. А. Клюев, языковые слои, неязыковые слои, гармоническая организация текста, К. Э. Штайн.

На данный момент существует целый ряд подходов к анализу поэтического текста [1; 4; 5]. Один из них, предложенный К. Э. Штайн [3], включает разграничение так называемых «языковых» и «неязыковых слоев». Первые из названных представляют собой сокрытые в языковой ткани «сплошные и комбинированные структуры» [3, с. 22], которые выявляются либо посредством стратегии деконструкции (по примеру работ Ж. Деррида), либо приемом феноменологической редукции (образцы которой даны в трудах Э. Гуссерля) – в обоих случаях речь идет об одном и том же: сложные феномены сводятся к простым без дальнейших суждений о свойствах целого. К неязыковым слоям исследователь относит «структуры сознания – виды, сцены, картины, активизированные языковыми слоями поэтического текста» [3, с. 22]. Согласно концепции К. Э. Штайн, по сути, любое художественное произведение принципиально многослойно и может быть представлено как единое динамическое целое с «тремя координатами»: «горизонталью» развертывания

высказывания, «вертикалью» внутренней парадигматики формальных элементов и «глубиной» оформленного предыдущими осями содержания. Сама возможность фиксации всего этого задана общей структурой поэтической коммуникации с ее намерениями, установками, подбором средств построения текста.

В рамках описываемого подхода исследуем стихотворение Н. А. Клюева «Звукъ ангелу собратъ, безплотному лучу», предварив дальнейший анализ по слоям самим текстом.

Звукъ ангелу собратъ, безплотному лучу,
И недругъ топору, потемкамъ и сычу.
Въ предсмертномъ “ыыы!...” таится полувзвукъ,
Онъ каплей и цвѣткомъ уловится, какъ стукъ, –
Сорвется капля внизъ и вострепещетъ цвѣтъ,
Но трепетъ не глаголь, и въ срывѣ звука нѣтъ.

Потемки съ топоромъ и правнукъ ночи, сычъ,
Въ обители лѣсовъ поднимутъ хищный кличъ,
Древесной крови духъ дойдетъ до Божьихъ звѣздъ,
И сирины въ раю слетятъ съ алмазныхъ гнѣздъ;
Но крикъ желѣза глухъ и тяжелъ, какъ валунъ,
Ему не свить гнѣзда въ блаженной рощѣ струнъ.

Надъ зыбкой, при свѣчѣ, старуха запоетъ:
Дитя, какъ злакъ росу, впиваетъ пѣвчій медъ,
Но древній рыбарь – сонъ, чтобъ лову не скудѣтъ,
Въ затонѣ тишины созвучьямъ ставитъ сѣть.

Въ бору, гдѣ каждый сукъ – моленная свѣча,
Гдѣ хвойный херувимъ льетъ чашу изъ луча,
Чтобъ приобщить того, кто голосъ уловилъ
Кормилицы мірской и пѣстуны могилъ –
Тамъ, отроку – лобзаніе дая,
Я слышалъ, какъ зарѣ откликнулась заря,
Какъ вспѣлъ пѣтухъ громовъ и въ вихрѣ крылъ
_____ возникъ,
Подобно рою звѣздъ, многоочитый ликъ...

Мигъ выткалъ пелену, видѣніе темня,
 Но нѣкая свирѣль томить съ тѣхъ поръ меня;
 Я видѣлъ звука ликъ, и музыку постигъ,
 Даря уста цвѣтку, безъ вашихъ ржавыхъ книгъ!
 [2, с. 17–18]

Первый из рассматриваемых нами языковых слоев – графический – «относится к внешнему оформлению языковой ткани, он прочерчивает общий контур гармонической организации поэтических текстов» [3, с. 238]. Поскольку в видимом важен каждый элемент, заполняющий «стих» (горизонталь), постольку каждое слово, вплоть до союза и предлога, должны быть учтены внутри соответствующих знаков препинания. Анализ графического слоя вскрывает наличие глобального повтора в партитурной вертикали стихотворения.

Звукъ ангелу собрать, безплотному лучу,	___,___,
И сирины въ раю слетятъ съ алмазныхъ гнѣздъ;	_____;
Мигъ выткалъ пелену, видѣніе темня,	___,___,
Но нѣкая свирѣль томить съ тѣхъ поръ меня;	_____;

Первый стих первого шестистишия тождествен первому стиху последнего четверостишия; четвертый стих второго шестистишия тождествен второму стиху последнего четверостишия – корреляция четных и нечетных в глобальной организации поэтического целого. Впрочем, в стихотворении присутствует и другие партитурные рефрены, меньшего диапазона, от знака до знака препинания. Один из них замыкается на пунктуационном выделении двух элементов разного синтаксического статуса как при тождестве способа выделения, так и при их различии.

Звукъ ангелу собрать, безплотному лучу,	___,___,
Въ предсмертномъ „ыыы!..“ таится полужвукъ,	___„!..“___,
Онъ каплей и цвѣткомъ уловится, какъ стукъ, –	_____, –
Но крикъ желѣза глухъ и тяжелъ, какъ валунъ,	_____,
Надъ зыбкой, при свѣчѣ, старуха запоетъ:	___,___,___:
Въ бору, гдѣ каждый сукъ – моленная свѣча,	___,___ –___,

Тамъ, отроку – лобзаніе даря,	→ _ – _ _
Я слышалъ, какъ зарѣ откликнулась заря,	_ _ → _ _ _ _
Подобно рою звѣздъ, многоочитый ликъ...	_ _ _ _ → _ _ ...
Мигъ выткалъ пелену, видѣніе темня,	_ _ _ _ → _ _

Второй партитурный рефрен включает три элемента в диапазоне от знака до знака препинания.

Звукъ ангелу собрать, безплотному лучу,	_ _ _ _ → _ _
И недругъ топору, потемкамъ и сычу.	_ _ _ _ → _ _ .
Дитя, какъ злакъ росу, впиваетъ пѣвчій медъ,	_ _ → _ _ _ _ → _ _ _ _
Въ бору, гдѣ каждый сукъ – моленная свѣча,	_ _ _ _ → _ _ _ _ – _ _ _
Чтобъ приобщить того, кто голосъ уловилъ	_ _ _ _ → _ _ _ _
Подобно рою звѣздъ, многоочитый ликъ...	_ _ _ _ → _ _ ...
Мигъ выткалъ пелену, видѣніе темня,	_ _ _ _ → _ _
Я видѣлъ звука ликъ, и музыку постигъ,	_ _ _ _ _ → _ _ _ _
Даря уста цвѣтку, безъ вашихъ ржавыхъ книгъ!	_ _ _ _ _ → _ _ _ _ _ !

Гипотетически, сильной позицией в графическом слое следует признать именно повтор партитурного рефрена при тождестве способа его выделения, хоть горизонтально внутри стиха, хоть вертикально внутри всего целого. Это дополнительно может указывать на функционал знаков препинания в общей организации языковой ткани стихотворения вне их грамматической привязки.

Анализ звукового слоя выявил ведущую роль оппозиции по месту образования: переднеязычные щелевые [з] [с] противопоставлены заднеязычным смычным [г] [к], однако системность этого противопоставления подкреплена внутренней антиномией глухой/звонкий для каждой пары согласных.

Звукъ ангелу собрать, безплотному лучу,	зк* г' с з/с**
И недругъ топору, потемкамъ и сычу.	г к с
Въ предсмертномъ „ыыы!..“ таится полужвукъ,	с с зк
Онъ каплей и цвѣткомъ уловится, какъ стукъ, –	к к с кк ск
Сорвется капля внизъ и вострепещетъ цвѣтъ,	с к з/с** с
Но трепеть не глаголь, и въ срывѣ звука нѣтъ.	г с зк

(*Сдвоенное написание выделяет слова, где присутствуют оба звука в слове.

**Артикуляция в потоке речи зависит от того, по-русски, или по-церковнославянски будет прочитано стихотворение, поскольку в церковнославянском нет ассимиляции по глухости.)

Представленное шестистишие интересно на уровне языкового слоя сразу по нескольким причинам. Во-первых, четвертый стих (Онъ каплей и цвѣткомъ уловится, какъ стукъ,) становится воплощением глухого стука за счет нагромождения глухого заднеязычного [к]. Во-вторых, сочетание [зк] входит в гармоническую вертикаль не только представленной части, но и всего стихотворения.

Звукъ ангелу собрать, безплотному лучу,	зк г' с з/с**
Въ предсмертномъ „ыыы!..“ таится полужвукъ,	с с зк
Но трепетъ не глаголѣ, и въ срывѣ звука нѣтъ.	г с зк
Дитя, какъ злакъ росу, впиваетъ пѣвчій медъ,	кк зк с
возникъ,	зк
Я видѣлъ звука ликъ, и музыку постигъ,	зк к зк с

В этой связи вынос на новую строку слова «возник» в публикации внутри сборника «Песнь солнценосца. Земля и железо» может рассматриваться как сохранение гармонической вертикали и, следовательно, повторяемости соответствующего звукового комплекса.

Слой слов и словосочетаний примечателен наличием лексико-семантико-символической группы, имя которой задано инициальной частью всего стихотворения – «звук».

Звукъ
“ыыы!..” полужвукъ,
стукъ,
не глаголѣ, и звука нѣтъ.
кличъ,
Но крикъ желѣза глухъ и тяжелъ, какъ валунъ,
струнъ.
запоеть
пѣвчій медъ

Въ затонѣ тишины созвучьямъ
голосъ
откликнулась,
вспѣлъ пѣтухъ громовъ
свирѣль
звука ликъ, и музыку постигъ

Примечательно, что в первом шестистишии дана градация на понижение звучности: звукъ → “ыыы!..” полужвукъ, → стукъ, → звука нѣтъ. Оставшиеся части группы распадаются на подгруппу ‘музыка’ (струнъ, свирѣль, музыку) и ‘обозначения издаваемых звуков’ (кличъ, крикъ, запоетъ, пѣвчій медъ – в значении ‘песня’), вспѣлъ пѣтухъ громовъ – градация по вертикали в сторону увеличения длительности самого звучания).

Слой предложения довольно специфичен: шесть синтаксических конструкций рассредоточены в двадцати девяти стихах, из них две помещены в первое шестистишие, другие четыре равномерно распределены по оставшимся частям (т.е. каждая последующая строфическая форма включает ровно одно цельное и законченное высказывание). На этом этапе рассмотрения текста мы только опишем нарочитое выставление на первый план союза «и», который несет разные синтаксические функции. Условно можно выявить оппозицию соединения грамматических основ и соединения однородных членов предложения. В первом случае, служащем для поддержки горизонтали гармонической организации, примеры следующие: трепетъ не глаголь, и въ срывѣ звука нѣтъ; духъ дойдетъ, и сирины слетятъ; вспѣлъ пѣтухъ, и возникъ ликъ; видѣлъ ликъ, и музыку постигъ. Соединение однородных членов предложения необходимо для поддержки вертикали гармонической организации:

Звукъ собрать и недругъ
потемкамъ и сычу
каплей и цвѣткомъ
Сорвется капля и вострепещетъ цвѣтъ,
Потемки и правнукъ ночи
глухъ и тяжель
Кормилицы мірской и пѣстуньи могилъ.

В одних случаях это соединение части и целого (потемкамъ и сычу; потемки и правнукъ ночи), последовательных действий (сорвется капля и вострепещетъ цвѣтъ), однородных явлений (глухъ и тяжелъ) и единства амбивалентных проявлений (о старухе – кормилицы мірской и пѣстуньи могиль). На этом описание языковых слоев в общих чертах завершено.

Каждый этап анализа так или иначе затрагивал смысловую сторону произведения. Поскольку «в неязыковых слоях репрезентируется предметный мир текста, активизированный значениями единиц языка и единиц отслоения» [3, с. 390], постольку нам осталось очертить общий контур «глубины» исследуемого стихотворения.

Мерность графической партитуры, звуковые комплексы, слова и словосочетания, вплоть до предложения – всем этим инструментарием фиксируется переход от до-звучного бытия к бытию звучащему. В первом случае в начальном шестистишии реальной фиксации нарушения тишины нет: таится полужвукъ (следовательно, он не извлечен), уловится, какъ стукъ, (форма будущего времени, сейчас стука нет), сорвется капля внизъ и вострепещетъ цвѣтъ (проекция в будущее цельной картины попадания скопившейся влаги на соцветие). Примечательно, что до и после этого падения – царствует тишина (Но трепеть не глаголъ, и въ срывѣ звука нѣтъ). Во втором шестистишии еще нет клича (Въ обители лѣсовъ поднимають хищный кличъ) и глухого крика железа (Ему не свить гнѣзда въ блаженной рошѣ струнъ, где «свить» – неопределенная форма глагола, по сути, утрата временной оси повествования). В последующем четверостишии в будущее выведено действие старухи («старуха запоетъ»), однако полнотой переживания тягучего и звучного бытия обладает ребенок в колыбели (дитя, какъ злакъ росу, впиваетъ пѣвчій медъ); ребенок, чей сон активно захватывает звуки (Въ затонѣ тишины созвучьямъ ставить сѣтъ). В этой точке отнесенность к предстоящему, наконец, сведена к настоящему, но эта точка нестабильна как центр гармонической организации лирического повествования.

В самой крупной строфе произведения во втором стихе еще фиксируется настоящее время (Гдѣ хвойный херувимъ лѣть чашу изъ луча), после чего вновь утрачивается отнесенность к темпоральной оси (Чтобѣ приобщить того), однако ее обретение мыслится как опыт переживания прошлого (кто голосъ уловилъ <...> Я слышалъ, какъ зарѣ откликнулась заря, Какъ всплѣлъ пѣтухъ громовъ и въ вихрѣ крылъ возникъ, Подобно рою звѣздъ, многоочитый ликъ). Финальное четверостишие уравнивает звучание в прошлом и звучание в настоящем на уровне чередования в стихах – на первое указывают нечетные стихи («Мигъ выткалъ пелену», но тут же – «видѣніе темня»; Я видѣлъ звука ликъ, и музыку постигъ), на второе – четные (Но нѣкая свирѣль томить съ тѣхъ поръ меня <...> Даря уста цвѣтку, безъ вашихъ ржавыхъ книгъ!). Неслучаен и образ цветка, который постепенно от безглагольно трепетного становится способным говорить без уродливого превращения в пожелтевшую страницу созданной железным топором и руками человека книги.

Представленный анализ, с одной стороны, позволяет нам утверждать о характерных, «строєвых» элементах языковой ткани текста, а с другой – усматривать за последними функцию субстрата для мыслимого содержания – неязыковых слоев стихотворения. При всей близости к народным мотивам и мифологическим представлениям произведения Н. А. Клюева детально продуманны, что, в частности, выявлено нашим исследованием на конкретном примере. Возможно, в дальнейшем удастся выявить общую авторскую конфигурацию средств текстового построения и задания смысла для рецепции читателем и интерпретатором, однако эта цель остается в перспективе дальнейшего изучения.

Литература

1. Болотнова Н. С. Филологический анализ текста : учебное пособие / Н. С. Болотнова. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва: Флинта; Наука, 2007. – 520 с.
2. Клюев Н.А. Песнь солнценосца. Земля и железо / Н. А. Клюев. – Берлин: Скифы, 1920. – 24 с.

3. Штайн К.Э. Гармония поэтического текста / К. Э. Штайн. – Ставрополь: Издательство СГУ, 2006. – 645 с.
4. Якобсон Р. О. Работы по поэтике. Переводы / Р. О. Якобсон ; составление, общая редакция М. А. Гаспарова ; вступительная статья В. В. Иванова. – Москва: Прогресс, 1987. – 476 с.
5. Яцкевич Л. Г. Структура поэтического текста : учебное пособие / Л. Г. Яцкевич ; Вологодский государственный педагогический университет. – Вологда: Русь, 1999. – 238 с.

СЕРГЕЙ ВИКУЛОВ О ПОЭТАХ И ПОЭЗИИ

Аннотация. В статье рассматриваются очерки С. В. Викулова, вошедшие в его последнюю книгу «На русском направлении» (2002) и посвященные вопросу о национальных основах творчества русских поэтов XIX–XX вв., в том числе поэтов «вологодской школы».

Ключевые слова: С. В. Викулов, Н. А. Некрасов, А. Я. Яшин, С. С. Орлов, Н. М. Рубцов, О. А. Фокина, поэзия, публицистика, «вологодская школа».

Поэт, публицист, главный редактор журнала «Наш современник», С. В. Викулов (1922–2006) многое сделал для популяризации вологодской литературы. Сам он по рекомендации Яшина стал членом Союза писателей в 1950 г. А в 1961 г., когда было официально объявлено о создании вологодской писательской организации, он был уже автором множества газетных и журнальных публикаций, трех поэтических книг («Завоеванное счастье» – 1949, «Хозяева земли» – 1950 и «Заозерье» – 1956) и составителем сборников «Частушки» (1952) и «Вологодские частушки, пословицы, поговорки» (1957). Кроме того, он активно публиковал очерки о вологодской деревне и в областной периодике, и в журнале «Октябрь, при его участии выходили антологии стихотворений местных поэтов («Крылья крепнут в полете» – 1963, «Поэзия Севера» – 1966), альманахи «Север» и «Литературная Вологда», в которых предоставлялась возможность опубликоваться начинающим авторам.

Сам он начал писать стихи, еще будучи школьником. Первое стихотворение было напечатано в 1936 г. в «Белозерском колхознике», во время войны несколько стихотворений под псевдонимом Я. Сервик (Я – Сергей Викулов) появились на страницах газеты 3-го Украинского фронта.

Уже в первых послевоенных произведениях Викулова определилась его принадлежность к такому течению, как «тихая

лирика», получившему развитие в поэзии 1960-х гг. в значительной мере благодаря поэтам «вологодской школы».

А подводя итоги своей литературной деятельности, С. Викулов опубликовал книгу с говорящим названием «На русском направлении», в которую включены очерки о национальных особенностях творчества Н. А. Некрасова, С. А. Есенина, А. Т. Твардовского, А. Я. Яшина, которых он мог бы назвать своими учителями, и поэтов-вологжан, с которыми ощущал тесную родственную связь, – С. С. Орлове, Н. М. Рубцове, О. А. Фокиной. Всех этих авторов, в понимании Викулова, объединяет их связь с корнями народной культуры, о необходимости сохранения которой Викулов говорил еще в 1959 г., выступая на Третьем съезде писателей РСФСР.

В Некрасове Сергей Викулов видит своего прямого предшественника как редактора с почти двадцатилетним стажем самого известного русского журнала «Современник» (1847–1866). Влияние Некрасова на Викулова-поэта видится, прежде всего, в разработке образа русской крестьянки, вдовы, матери. Так же, как у Некрасова, судьба женщины – ежедневный тяжелый труд, забота о детях, страх потерять близких, ушедших в солдаты, боль от совершившихся утрат, преждевременная старость, вынужденная оторванность от родной земли. Типичный некрасовский мотив «ключи от счастья женского, От нашей вольной волюшки Зброшены, потеряны У бога самого!» («Кому на Руси жить хорошо») варьируется в стихотворениях и поэмах Викулова («В метель» – 1954, «После войны» – 1958; «По ягоды» – 1958; «Девчата» – 1959; «Про бабу Груню» – 1970, «Катерина» – 1976; «Городское утро» – 1976; «Похороны Анисьи» – 1976). Актуализирована в поэзии Викулова и сквозная в творчестве Н.А. Некрасова тема вины перед матерью («Возвращение» – 1948-1980; «Когда сыновья на войне» – 1972; «Пишите письма матерям» – 1972; «Прозрение» – 1976).

Вторая возможная линия соотнесения с Некрасовым – эстетика «некрасивого» пейзажа, в котором определяющими становятся образы дождя и его «слезные» метафоры, образы гиблого места, осенней распутицы («Дождь» – 1949, «Деревен-

ская осень» – 1965, «Я вышел к стогу» – 1969, «Чем дальше в лес» – 1971, «Лес без подростка» – 1973, «В дождливую погоду» – 1980; поэма «Остался в поле след» – 1977).

В книге «На русском направлении». Некрасову посвящен очерк «Когда народ пьет...» Викулов выделяет в творческом наследии Некрасова стихотворение «Пьяница», главки «Ярмонка» и «Пьяная ночь» из поэмы «Кому на Руси жить хорошо», в которых поэт, ломая литературную традицию, обращается к «низкой теме». Однако он делает акцент не на внешнем облике опустившегося человека, а на его внутреннем мире, не порицает, а сочувствует и жалеет, объясняя феномен русского пьянства социальными причинами, сформулированными предельно четко в истории Якима Нагого: «Он до смерти работает До полусмерти пьет». По мнению Викулова, постановка этой проблемы у Некрасова имеет целью привлечь к ней внимание общества и изменить положение русского мужика: «...дайте русскому человеку “волю” и землю, приобщите его к знаниям и культуре, устройте его быт, не спаивайте его корыстно, жестоко и неотступно, и он явит миру “чудо”» [1, с. 367]. Этой мысли созвучна гневная реплика Викулова-публициста о драматической судьбе русского народа в XX веке и об ответственности за нее современной государственной власти: «Никакой он не особенный, русский народ, в отношении пьянства. И если он сегодня пьет больше других <...> то только потому, что больше других нищ, темен и необразован; что его неотступней, беспощадней, яростней, чем других <...> спаивают обанкротившиеся правители. Причем спаивают <...> всегда ради обольванивания его», превращая в быдло с разжиженными мозгами, в безвольное, не способное постоять за себя говорящее стадо» [1, с. 370].

Военный опыт Викулова отражен во многих его стихотворениях и поэмах. Особое место среди них занимает «Венок к обелиску» (1981) – произведение, посвященное Ивану Малоземову. Малоземов – уроженец д. Пестово Белозерского района, осуществивший в битве за Сталинград танковый таран и посмертно получивший звание Героя Советского Союза. Он был школьным товарищем поэта С.С. Орлова, посвятившего

другу стихотворение «Командир танка» (май 1945). В поэме Викулова изображается довоенная жизнь «пахаря и воина» (это наиболее характерное определение сквозного в творчестве поэта лирического героя), трудное деревенское детство, юношеская морская романтика, первые поэтические опыты (в текст включены два стихотворения И. Малоземова). И как итог короткой и яркой жизни – два памятника герою, создающие композиционной кольцо поэмы. Она начинается с посещения лирическим повествователем Мамаева кургана, на котором в память о Малоземове установлена мемориальная плита, а заканчивается открытием памятника в Белозерске в 1977 г.:

Убит в жестоком танковом бою
Не умер ты! И к школьному крылечку
не просто молодым вернулся – вечным,
железным, обнаружив суть свою.

В сборник очерков «На русском направлении» включены размышления Викулова об А. Т. Твардовском («Певец в стане русских воинов») и С. С. Орлове («Были витязи когда-то...»).

В первом случае в заглавии использована отсылка к стихотворению В. А. Жуковского, посвященному Отечественной войне 1812 г., в котором устами певца сформулирован кодекс чести русского солдата:

Дух бодрый на дороге бед,
До самой двери гроба;
В высокой доле – простота;
Нежадность – в наслажденье;
В союзе с ровным – правота;
В могуществе – смирение.
Обетам – вечность; чести – честь;
<...>
Для дружбы – все, что в мире есть;
<...>
Неправде – грозный правды глас;
Заслуге – воздаянье;
Спокойствие – в последний час;
При гробе – упование.

Образ именно такого воина Твардовский создал в «Василии Теркине», подчеркнув те черты героя, которые можно считать воплощением русского духа и которые были близки к пониманию народного характера Викуловым.

Твардовского Викулов называет «эпиком лирического склада» [1, с. 443] и видит в «Василии Теркине» одно из высших достижений отечественной литературы, посвященной теме войны. Герой поэмы потому стал таким узнаваемым и любимым персонажем, что он способен шутить в обстоятельствах, «когда вопрос стоял так: быть или не быть?» [1, с. 443].

Трагико-комический пафос «Теркина» близок народному сознанию, которое чрезвычайно точно выразилось в послевоенном фольклоре. Викулов, занимавшийся в 1950-х гг. собиранием частушек в вологодских деревнях, обращает внимание на одну из них, появившуюся, по-видимому, во время войны:

Нам не все о горе плакать,
Нам не все о нем тужить,
Половину надо горюшка
На радость положить.

Близкой и понятной читателю была и еще одна воплощенная в Теркине черта народного характера – «лихое удалство». Это и сила, и бесстрашие, и ловкость, и дерзость, и даже безрассудство: все те качества, без которых было бы невозможно одержать победу в войне.

Викулов приводит в очерке множество цитат из поэмы, среди которых особое значение имеет та, которая обобщает воплощенные в Теркина черты русского солдата от суворовских чудо-богатырей до героев Великой Отечественной:

То серьезный, то потешный,
Нипочем, что дождь, то снег, –
В бой, вперед, в огонь кромешный
Он идет, святой и грешный,
Русский чудо-человек.

А сквозной темой публицистики Викулова в 1970-90-е годы стало обличение позиции несопричастности к народной жизни тех его современников, которые не вняли призыву Твардовского:

Грянул год, пришел черед,
Нынче мы в ответе
За Россию, за народ
И за все на свете.
От Ивана до Фомы,
Мертвые ль, живые,
Все мы вместе – это мы,
Тот народ, Россия.
И поскольку это мы,
То скажу вам, братцы,
Нам из этой кутерьмы
Некуда податься.
Тут не скажешь: я – не я,
Ничего не знаю,
Не докажешь, что твоя
Нынче хата с краю.

Названием очерка, посвященного С. С. Орлову, стала строчка из его стихотворения «Памятник», являющаяся аллюзией на стихотворение М. Ю. Лермонтова «Бородино» («Да, были люди в наше время...»):

Среди хлебов гранитный пьедестал.
Суровых линий прямота простая.
Тяжелый танк над рощами привстал,
О мужестве векам напоминая.
По толще стали ты определи.
Какие были витязи когда-то,
Коль на плечах своих носить могли
В полсотни тонн брони гремучей латы.
<...>
Зарницы отблеск ляжет на груди,
И тихо вздрогнут неживые траки,
И пристально в просторы поглядит
Тяжелый бог стремительной атаки.

Викулов вспоминает их общее с Орловым детство в Мегре, встречи в предвоенном Белозерске, говорит о фронтовом пути и о тяжелом ранении своего школьного товарища. Военную поэзию Орлова Викулов называет «боевыми донесениями», настолько точно в ней отражены реалии танковых сражений. Интересен рассказ о творческой встрече Орлова со студентами вологодского пединститута в 1947 г., на которой студенты восторженно принимали поэта.

Своеобразным диалогом между Викуловым и Орловым стали их рассуждения о задачах современной литературы. Орлов: «Я глубоко убежден <...> что поэзию нельзя лишать главного в ней, то есть смысла и содержания; формалистическое творчество – нечто вроде спиритуализма... Надо рассуждать и заботиться о гражданском воздействии поэзии и мерой того воздействия определять ее меру и необходимость» [цит. по: 1, с. 338]. Викулов: «Мне чужда поэзия заумная, ребусная, формалистическая, прикрывающая свое скудоумие, пустопорожность ложным глубокомыслием, внешним украшательством. Мое кредо: если у тебя есть что сказать, говори ясно, так, чтобы тебя поняли. Слова, даже зарифмованные и ритмически организованные, существуют не для того, чтобы сотрясать воздух, а для того, чтобы передать мысль. Мысль – главное в поэзии. Причем мысль не шаблонная, не затасканная, а новая, глубокая, общественно значимая, отражающая твое мировоззрение, без которого вообще поэта быть не может» [цит. по: 2].

Статья о Н. М. Рубцове названа цитатой из стихотворения «Журавли» («Широко по Руси...»). Викулов предлагает рассматривать поэзию Рубцова как его лирическую биографию, началом которой станет романтический пролог, связанный с морской тематикой. Второй важный этап – ленинградский, когда Рубцов начал активно публиковаться в многотиражке Кировского завода. Третий – московский. Это два года учебы в литинституте, когда были написаны стихотворения «Утро», «Ось», «Тихая моя родина», «Зеленые цветы», в которых определилась творческая индивидуальность Рубцова, чаще всего соотносимая с основной темой «тихой лирики» – малой роди-

ной. В 1964 г. он приезжает в Вологду и начинается самая плодотворная пора его творчества: вышли четыре книги, и была подготовлена к печати пятая.

Викулов считает главной для Рубцова «тему души» с важным уточнением: «поэт должен уметь слушать не только собственную душу, но и душу народа» [1, с. 308], и выстраивает ряд стихотворений, в которых представляет свое понимание основ национальной жизни: «Добрый Филя», «Русский огонек», «Жар-птица». Мудрость – в постоянной работе души, которая должна научиться любить, жалеть и помнить.

Историческая память, по мнению Викулова, – еще один лейтмотив творчества поэта («Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны...», «О Московском Кремле», «Душа хранит»). Творческое наследие Рубцова Викулов называет «прекрасным, исполненным в русском национальном стиле, но незавершенным зданием» [1, с. 314], а его поэтическим завещанием – строку «Россия, Русь! Храни себя, храни!» из стихотворения «Видения на холме».

В очерке об О. А. Фокиной («Чтоб вышел с людьми разговор...») речь идет о детстве поэтессы, пришедшемся на годы войны, и найдена точная метафора, выражающая общую судьбу крестьянок-солдаток («бабье лицо беды») и определяющая содержательное наполнение образа Матери в поэзии Фокиной, «удивительно чистого и нравственно цельного» [1, с. 279]. В нем нашли воплощение исконные свойства русского человека: «трудолюбие, совестливость, готовность к самопожертвованию ради общего блага» [там же].

Викулов пишет о фольклорных основах ее поэзии – о лирической песне и особенно о частушке, которые задали ритмический рисунок фокинских стихотворений, об особенной, близкой к разговорной речи, поэтической интонации со «скоморошьей веселинкой», о влиянии на Фокину русской классики (первое знакомство с поэзией Пушкина было потрясением, Некрасов стал «богом»).

С. Викулов жалеет, что определение «деревенская» закрепилось за словом «проза» и предлагает вернуть в систему

литературоведческих понятий «деревенскую поэзию». Называя Фокину «поэтом деревни», он устанавливает ее прямую связь с Есениным, отмечая при этом такую отличительную черту лирики Фокиной, как публицистичность, и ее человеческое стремление принимать деятельное участие в жизни и родной Артемьевской, и той, которая называется Россией (см. стихотворение «В магазине»). Завершается статья воспоминанием о выступлении Фокиной в 1996 г. в «Русском доме» в честь 35-летия вологодской писательской организации. Описывая реакцию зала, Викулов приходит к выводу: «Существует <...> формула определения подлинности поэтического таланта, его значимости для отечественной литературы, и выражается она тремя <...> словами: русский национальный поэт. Мне кажется, формула эта полностью применима к Ольге Александровне Фокиной» [1, с. 292].

А. Я. Яшину посвящен очерк «Поэт и власть», разделенный на несколько частей. В первой («Вологодская свадьба», ставшая комедией») Викулов рассказывает о последних встречах с Яшиным, который «среди вологодских <...> был самым вологодским» [1, с. 234], потому что «сохранил на всю жизнь непосредственность, доброжелательность и совестливость, коими отличаются люди северной русской деревни» [там же].

Не случайно он так много сделал для молодых поэтов-земляков, в том числе и для самого автора воспоминаний.

Викулов делает некоторые уточнения относительно истории создания «Вологодской свадьбы». В середине 1950-х гг. он опубликовал фельетон «У пива», в котором описал существовавшую в Никольском районе традицию варить и пить пиво в огромных количествах не только по праздникам, но и в обыденной жизни. Яшин этот фельетон не одобрил, пояснив автору, что это «народное действо, давний обычай, и смеяться над ним не стоило бы» [1, с. 236]. Когда двоюродная сестра Нина пригласила его на свадьбу, он охотно откликнулся, и впечатления от этой поездки легли в основу «почти документальной повести», опубликованной в «Новом мире» в конце 1962 г. и ставшей причиной травли Яшина не только потому, что в ней

воспроизведены страшные картины пьянства, но и в силу остроты поставленной проблемы «народ и власть».

Во второй части («Быть вместе с народом») дается характеристика поэтического творчества Яшина (в основном поэмы «Алена Фомина»), содержательной доминантами которого Викулов считает мотив надежды, не позволяющей русскому человеку сдаться даже в самом безнадежном положении.

В третьей («Но есть еще: Совесть, Честь») речь идет об отношении Яшина к Сталину, о тяжелом кризисе, в котором он оказался после XX съезда партии, о его раскаянии за то, что «долго на все закрывал глаза» («Прости меня, поле»), «За то, что когда-то я промолчал, За то, что кричал во весь рот ура, А караул не кричал» («За все отвечать настала пора»).

Викулов останавливается на двух стихотворениях Яшина, «наиболее значительных с социальной и нравственной точек зрения» [1, с. 266], написанных в это время: «Орел» (1956) и «Торжественное обещание» (1959). В первом создана развернутая метафора судьбы поэта. Второе – проповедь, обращенная к современникам:

Давайте же будем правдивыми
И впредь
Во всем
До конца:
Бренчаниями фальшивыми
<...>
Не разогреть сердца.
Во имя грядущего нашего
Попробуем не приукрашивать
<... >
Ни прошлого, ни настоящего...
Ужели не сможем, друг?

Откликом на предложенную Яшиным формулу абсолютной честности как необходимого условия существования человека и гражданина стало и творчество Сергея Викулова – поэта и публициста.

Литература

1. Викулов С. В. На русском направлении : записки главного редактора «Нашего современника» (1970-1980 гг.). – Москва : Медсервис, 2002. – 455 с.
2. Кошурникова Р. Сергей Васильевич Викулов. Светлой памяти / Р. Кошурникова. – Текст : электронный // Клазура : литературно-публицистический просветительский журнал : [сайт]. – URL: <https://klazura.ru/2022/09/sergej-vasilevich-vikulov-svetloj-pamyati> (дата обращения 08.12.2025)

Н. В. Пешкова,
О. Г. Голубова
г. Грязовец

СОЗВЕЗДИЕ ГРЯЗОВЧАН В ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ ВОЛОГОДЧИНЫ

Аннотация. В статье предлагается сжатый обзор литературной жизни г. Грязовца и Грязовецкого округа. Главное внимание при этом уделяется писателям конца XX – первой четверти XXI столетия.

Ключевые слова: Грязовец, Грязовецкий округ, поэзия, проза, литературная жизнь, литературное объединение.

Город Грязовец в этом году отметил свое 245-летие, а как починок, село он известен с 1538 г. Исторические источники свидетельствуют, что славился город купцами и мастеровыми. Но не только...

Литературная карта Грязовецкого округа, составленная летом этого года работниками Центральной библиотеки, включает более 70-ти имен. Остановимся на самых известных литераторах, имеющих отношение к Грязовецкому округу по месту рождения или связанных с нашей землей на каком-то этапе жизненного пути.

Закономерно будет начать с крупнейшего русского духовного писателя XIX в., аскета и подвижника, выдающегося ученого-богослова, архипастыря, человека высокой духовности и культуры, **святителя Игнатия (в миру Дмитрия Александровича Брянчанинова)**. Родился он 5 февраля в 1807 г. в селе Покровском Грязовецкого уезда Вологодской губернии и известен всему христианскому миру как автор выдающихся духовных произведений. В семитомном собрании творений святителя Игнатия представлены его основные труды: «Аскетические опыты», «Слово о смерти», «Слово о человеке», «Аскетическая проповедь», «Приношение современному монашеству», «Отечник», а также избранные письма. Все эти тексты посвящены самому важному – поискам смысла жизни, обретению веры в Бога.

Святитель Игнатий был также поэтом. В настоящее время известны четыре его стихотворения: «Убили сердце», «Жалоба», «Совет душе моей», «К земному страннику». При жизни святителя они не публиковались, так как, по-видимому, предназначались только для узкого круга знакомых. Вот строки, вышедшие из-под его пера 15 декабря 1848 г.:

О, путешественник земной! проснись от сна:
Твоя сума грехов, одних грехов полна,
Ты погружен, как в сон глубокий, в нераденье.
Престань напрасно жизнь, бесценный дар, мотать!
Не то придёт к тебе внезапно смерть, как тать.
А в вечности вратах – ужасно пробужденье
В последний жизни час...
[5, с. 214]

В честь св. Игнатия по инициативе архиепископа Вологодского и Великоустюжского Максимилиана в Грязовце был построен храм, освященный им же в феврале 2013 г.

Судьба еще одного представителя священнослужителей, **Василия Ивановича Сиротина**, вершилась как постоянная борьба с препятствиями, жизненными неурядицами. Родился он 5 апреля 1830 г. в семье пономаря Рождественской Студенецкой церкви Грязовецкого уезда Ростилловской волости. В 1835 г. семья переехала в Вологду. В 1844 г. Василий Сиротин поступил в Вологодскую духовную семинарию. Ко времени учения в старших классах семинарии относится начало его литературной деятельности. До наших дней дошла лишь небольшая часть его творческого наследия. Остросатирические стихи Сиротина ходили в списках, будоража общество и делая их автора нарушителем порядка в глазах начальства. Ряд стихов, благодаря разысканиям современных исследователей, стал известен читателям совсем недавно – «Летний вечер», «Ливанские кедры», «Питейный», поэма «Исповедь». Единственным его произведением со счастливой судьбой стало стихотворение «Улица, улица, ты, брат, пьяна», уже вскоре после написания, в

1863 году положенное на музыку московским композитором А. Дюбюком и ставшее популярной песней.

В XX веке литературная жизнь Грязовецкого округа стала более насыщенной. И писатели, творившие здесь, обрели более широкую известность.

Пролетарский поэт и прозаик **Анатолий Александрович Субботин** родился 18 ноября 1890 г. в деревне Голышево Грязовецкого уезда Вологодской губернии. Он окончил церковно-приходскую школу, работал столяром. Осенью 1913 г. уехал в Санкт-Петербург, где учился на Первых петербургских общеобразовательных Черняевских курсах и экстерном сдал экзамены на звание народного учителя.

В Грязовец Анатолий Субботин вернулся в феврале 1918 г., активно включился в общественную жизнь родного края, стал членом местного Совета рабочих и крестьянских депутатов, избирался в состав уездного исполнительного комитета, редактировал первую уездную газету «Земля и труд», был председателем комитета Грязовецкого кружка партии социалистов-революционеров. В январе 1919 г. он, уже как член ВКП(б), выступал на партийной конференции, а в сентябре того же года ушел на фронт, пополнив ряды Красной Армии. После возвращения с Гражданской войны редактировал в 1921–1925 гг. губернскую газету «Красный Север». В это же время печатался в поэтических сборниках, выходивших в Вологде.

В 1925 г. Субботин переехал в Москву, являлся сотрудником «Крестьянского журнала» (с 1930 г. журнал назывался «Колхозник»), работал в издательстве «Молодая гвардия», а затем стал инструктором отдела печати ЦК ВКП(б). В годы Великой Отечественной войны жил в Грязовецком районе и работал в местных колхозах.

Известность ему как прозаику принесли книга очерков «Соли Камские», выпущенный отдельным изданием рассказ «Кружева», романы «Соль» и «Простые люди», сборник «Рассказы о Суворове». Главное его достижение на литературном поприще – роман «За землю русскою» на материале русской истории XIII в., в центре которого образ Александра Невского.

Олег Семенович Кванин родился 26 апреля 1913 г. в учительской семье, окончил десятилетнюю школу в г. Рыбинске, затем Ленинградскую военно-топографическую школу. Он – участник Великой Отечественной войны, сражался в рядах защитников Сталинграда, был награжден четырьмя медалями. С 1959 г. жил в деревне Большое Денисьево Грязовецкого района. Стихи поэта печатались в районных и областных периодических изданиях. В начале 1960-х гг. вышла его первая книга, книга миниатюр «Знаем вас». Потом – поэтические сборники: «Не без клякс», «Синь», а посмертно – «Годы», где творчество Кванина представлено наиболее разносторонне и полно. Он был близко знаком с Николаем Дружининским, Виктором Астафьевым, Виктором Коротаевым, Ольгой Фокиной, Сергеем Чухиным, Александром Романовым. Поддерживал начинающих авторов и помог раскрыться таланту Натальи Сидоровой.

С Грязовцем тесно связано начало литературной **деятельности Василия Ивановича Белова**. Родился он 23 октября 1932 г. в деревне Тимонихе Харовского района. Трудился в колхозе, служил в армии, а в 1956 г. был принят на должность литературного сотрудника выходившей в Грязовце районной газеты «Коммунар». О жизни Василия Ивановича на Грязовецкой земле рассказывается в книгах «Сияние слова Василия Белова» и «Далекая заря», автором которых является давний друг нашей библиотеки Геннадий Алексеевич Сазонов. Вот что он, в частности, пишет: «С появлением Белова в Грязовце оживилась местная литературная жизнь, центром ее и стал Василий. При редакции по его инициативе организовали литературный кружок. 21 ноября 1956 года в “Коммунаре” вышла первая “Литературная страница” из произведений кружковцев. Центральное место занимал рассказ Василия Белова “В дождливый вечер”. Незатейливый сюжет о любви деревенских обитателей – Алексея и Насти, мужа и жены, уже имевших двух сыновей-школьников» [6, с. 35]. Материал для этого рассказа и других произведений Белов-журналист собирал в поездках по Грязовецкому району. Его становление как писателя происходило и тогда, когда он стал первым секретарем райкома

комсомола. Этот этап жизни Белова нашел отражение в одном из написанных им стихотворений:

В КОМАНДИРОВКЕ

Телефон в райкоме
охрип и смолк,
на дверях знакомых
висит замок.
В брезентовой сумке
свежая газета,
мыльница, булка
да томик поэта.
За синими лесами
звенят дожди,
с карими глазами
меня не жди.
За лесами глуше
ворчит гроза,
заглядывают в душу
коровьи глаза.
Тропки да кочки,
стучат сверчки,
прыскают в платочки
доярочки.

Брови не малеваны,
краской не мечены,
губы не целованы
первыми встречными.
Не в шелковых кофтах,
а в ситцевых,
думаю: ох ты!
влюбиться бы.
Эй, газу побольше,
тракторист давай,
молодой, хороший,
посвистывай!
Кепка на затылке
блином, боком,
брызгает косилка
клеверным соком.
Сердце в обиде,
эх, не рассказать,
ничего ж не видят
карие глаза.
[1, с 90–91]

С Грязовецкой землей биографически и творчески связан **Николай Вениаминович Шадрунов**. Он родился 4 ноября 1933 г. в деревне Михалково Лежского (ныне Грязовецкого) района. Окончил Вологодское железнодорожное училище, работал в Прибалтике, проходил военную службу в гг. Ораниенбауме и Кронштадте, затем обосновался в г. Ломоносове, работал по разным специальностям, так или иначе связанным с военно-морским флотом. Спустя годы был удостоен звания почетного гражданина этого города, здесь был установлен памятник ему как писателю, заслужившему признание читателей. Ряд его рассказов и повесть «Медведь» посвящены детству, прошедшему в Вологодской области. Самые известные книги Шадрунова – «Психи», «Города

моего детства», «Рамбовиана». В г. Ломоносове и пос. Вохтоге Грязовецкого района проходят Шадруновские чтения.

Поэты Дружининский и Дубинин являются сегодня едва ли не самыми почитаемыми грязовецкими литераторами. Оба родились в 1948 г. с разницей в один день: **Николай Васильевич Дружининский** – 1 мая в деревне Неклюдово Грязовецкого района, а **Александр Михайлович Дубинин** – 2 мая в деревне Несвойское Вологодского района.

В авторском багаже лауреата Всесоюзных литературных конкурсов, члена Союза писателей СССР Н.В. Дружининского шесть сборников стихов. Причем только три – «Вокзальные березы», «Пастушьи напевки» и «Каемка времени» – вышли при жизни поэта. Самая главная книга «Чибиc в поле кричит» была подготовлена автором, но вышла в свет уже после его смерти. В 1998 г. группой вологодских писателей был подготовлен и издан сборник Дружининского «Нитка счастья», а в 2005 нашей библиотекой составлен и выпущен сборник стихов для детей «Митрошкин стишок», рукопись которого хранилась в Грязовецком краеведческом музее. Николай Васильевич – поэт-лирик, его поэзия проникновенно-образна, читаешь написанные им строки – и словно видишь то, о чем он пишет, живешь в стихотворении.

Опустило солнышко ресницы,
Опустило в озеро спросонок...
Мальчику привиделась плотвица.
Девочке приснился лягушонок.

Юноше – нехоженные тропы.
Девушке – немыслимое платье.
Дедушке – забытые окопы.
Бабушке – забытые объятья.

Только мне такое не приснилось,
Я сидел до света у окна.
Я смотрел, как огненно катилось,
Поднималось над лесами солнце.

[3, с. 5]

На стихи Дружининского написана не одна песня. Стихотворения «Слушай теща», «Кто-то вспомнит потом» положены на музыку Александрой Пахмутовой. К его поэзии обращались также такие композиторы, как Геннадий Заволокин, Юрий Беляев, Андрей Широглазов, Максим Леви, Николай Кургин. В 2024 г. нашей библиотекой был подготовлен и выпущен сборник воспоминаний о поэте «Николай Дружининский: “И путь не кончается...”»

Поэт-философ, замечательный художник, полотна которого хранятся в разных картинных галереях, Александр Дубинин был одноклассником Николая Дружининского. Стихи он начал писать, будучи уже в зрелом возрасте, когда ему исполнилось 26 лет. Первая его книга «Въявь» увидела свет в 1997 г. Вологодский критик Вячеслав Белков в послесловии к ней писал: «Поражает способность автора к постоянному саморазвитию... У Александра Дубинина есть в стихах главное – мятущаяся душа, свой взгляд на мир. ...Ему подвластно многое. Он убедительно пишет и о “муках мирских”, и о “вдохновенном полете”». Подтверждением этой характеристики является, например, такое стихотворение:

ЯБЛОКО

Может быть, может быть –
Скоро нервы откажут;
Может быть, может быть:
«Ты уехала!» – скажут.
Ведь останется что-то и мне:
На законченной белой стене.
Нарисую углём –
Твой покинутый дом.
Как лицо мне от сажи отмыть?
Нарисованный дом не открыть!
Но пощупать могу я ступени.
Положить бессловесные тени.
Могу яблоку дать я дозреть.
Могу гулкую бездну задеть.
 Попрошу у хозяйки прощенья.

Я в окно постучу без стеснения.
Выйдут. Скажут: «Уехала! Всё».
Нарисую тогда колесо,
Ось земную и дам ей вращенье.
Буду ждать твоего возвращенья.
Пусть не будет мне больше покоя.
Улетит самолёт, оглушительно воя.
Как же хрупки стрекозы твои.
Суматошны твои муравьи.
Как, однако, беззвучна любовь.
Полдень краток. Поди, прекословь.
В этом яблоке вечность засела:
Аромат улетел, но как светится тело!

А. М. Дубинин является членом Союза российских писателей и членом Российского философского общества. О нем, как и о Дружининском, Грязовецкая районная библиотека выпустила книгу воспоминаний.

Аскольд Иванович Кузьминский – ленинградский художник. Но родом он из села Рослятино Бабушкинского района Вологодской области, а среднюю школу заканчивал в Грязовце. Дружил с Александром Дубининым и часто приезжал в наш город. Кузьминский участник выставок в Ленинграде, Москве, Штутгарте, Загребе, Бомбее, Будапеште, был главным художником Театрального музея в Санкт-Петербурге. Его имя известно многим ценителям искусства. Им созданы фирменные логотипы Петербургского метрополитена, Государственного Эрмитажа, Государственного академического русского оркестра им. В. В. Андреева, иллюстрации к нескольким книгам, плакаты, афиши, каталоги.

В 2001 г. А. И. Кузьминский выпустил в Санкт-Петербурге книгу «Легенды и были города Грязовца». Она – о городе, в котором прошли его детство и юность и который он регулярно посещал. Книга пользовалась и по сей день пользуется спросом читателей.

А теперь – о двух женщинах-писательницах, о поэте Наталье Сидоровой и о прозаике Наталье Мелёхиной. Обе уроженки Гря-

зовецкого района. Обе в настоящее время живут в Вологде. Обе известны и в детальном представлении не нуждаются. Об обеих по несколько слов. **Наталья Петровна Сидорова** родилась в деревне Ивняг Грязовецкого района. Жила в поселке Бушуиха. Сейчас в библиотеке этого поселка оформлена постоянно действующая выставка «Душа должна любить...» Наталья Петровна – член Союза писателей России.

Наталья Михайловна Мелехина – журналист, литературный критик, автор книг художественной и документальной прозы и, как и Сидорова, член Союза писателей России. Она родилась в маленькой деревне Полтинино Грязовецкого района. Известна прежде всего, как автор книг о Героях Советского Союза Александре Панкратове и Сергее Орешкове, сборников рассказов «Железные люди», «Перевал Волкова», «Животинки из Паутинки» Является также лауреатом литературных конкурсов и премий.

С 2015 г. на базе нашей библиотеки работает объединение «Литературное воскресенье». Руководит им зав. отделом обслуживания **Ольга Юрьевна Андреева**. Объединение работает активно. Его участники представляли театральные постановки по мотивам творчества вологодских писателей и в Череповце, и в Вологде, и в Ярославской области. А совсем недавно, в конце сентября, побывали на XI Межрегиональном фестивале национальной книги «Читающий мир» в Рязани с презентацией сборника стихов членов ЛИТО Ирины Коноваловой и Натальи Носовой «Эффект домино».

Литературная жизнь Грязовца продолжается. У нее есть давние, плодотворные традиции и подкрепляемые современным состоянием хорошие перспективы.

Александрю Блоку принадлежат слова: «Задачи поэта, как принято у нас говорить, общекультурные; его дело – историческое». Их с полным правом можно отнести к лучшим представителям грязовецкого литературного сообщества [2, с. 422].

Литература

1. Белов В. И. Собрание сочинений. В 7 т. [Т.] 1. Стихотворения и поэмы, повести, рассказы / Василий Белов ; [составители: С. Ю. Баранов, О. С. Белова ; под общей редакцией Ф. Ф. Кузнецова ; предисловие В. Н. Ганичева, С. Ю. Баранова]. – Москва : Классика, 2011. – 608 с.
2. Блок А. А. Ваш А. Блок : [собрание сочинений] / [составители: Н. Н. Скотов, Н. Ю. Грякалова]. – Москва : Классика, 2006. – 520 с.
3. Дружининский Н. В. Нитка счастья. Стихи / Н. В. Дружининский. – Вологда: [б.и.], 1998. – 44 с.
4. Дубинин А. М. Въявь: книга стихотворений / Александр Дубинин. – Грязовец: [б.и., б.г. (1997)]. – 52 с.
5. Поэты Вологодского края. [В 3 ч.] : хрестоматия. Ч. 1. / составление, предисловие: С. Ю. Баранов ; [редакторы: Г. В. Судаков, О. М. Чернышева]. – 3-е изд., испр. и доп. – Вологда : Легия, 2011. – 364 с.
6. Сазонов Г. А. Сияние слова Василия Белова : встречи, беседы, воспоминания / Геннадий Сазонов ; Литературное сообщество писателей России, Вологодское региональное отделение. – Вологда : Интелинформ, 2019. – 366 с.

ПУТЕШЕСТВИЕ ВОЛОГОДСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ ПО ЕНИСЕЮ ЛЕТОМ 1973 ГОДА

Аннотация. В статье рассказывается о путешествии вологодских и сибирских писателей в июне-июле 1973 г. вниз по Енисею от г. Красноярска до с. Туруханска. Подробности этой поездки сохранились в воспоминаниях всех ее участников – в письмах В. П. Астафьева, в стихах А. А. Романова и В. В. Коротаева, в сочинениях Н. И. Волокитина, В. И. Ермакова и Е. А. Городецкого.

Ключевые слова: Вологодская писательская организация, В. П. Астафьев, А. А. Романов, В. В. Коротаев, Красноярск, Овсянка, Туруханск, Енисей, личные архивы, мемуары.

1. Автор идеи путешествия – Е. А. Городецкий.

История этой писательской встречи на берегах Енисея началась со знакомства Виктора Астафьева с начинающим новосибирским писателем, бывшим полевым геологом и опытным таежником Евгением Александровичем Городецким. В сентябре 1972 г. в Томской области проходила Неделя писателей РСФСР, где Виктор Петрович вел семинар прозы, а Евгений Александрович был его слушателем.

«...Именно тогда, – вспоминает писатель-геолог, – во время путешествия по Томской области, пришла мне в голову идея прокатиться с Виктором Петровичем по Енисею – от Красноярска до Игарки, например, и не на рейсовом теплоходе, где, конечно, комфорт, буфет, ресторан и прочие прелести и где с утра до ночи гремит над головой радиомузыка, а на самоходной барже. В твоём распоряжении стометровая палуба, и ни души, команда занята своим делом, свободные от вахты отдыхают, можешь часами стоять у борта, опершись на леерное ограждение, смотреть, думать, вспоминать, и никто не нарушит твоего уединения. Опыт такой поездки уже был: первое, что я сделал, переехав в Новосибирск, это собрал компанию и, пользуясь

традиционным расположением енисейских речников к пишущей братии, совершил туристическую поездку до Туруханска и по Нижней Тунгуске. Десять лет назад там пролегали мои геологические маршруты.



Фото 1. Неделя писателей РСФСР, Томск, сентябрь 1972 г.
Слева направо: Л. Ошанин, Е. Городецкий, А. Романов, В. Астафьев,
В. Колыхалов. Крайний справа – Г. Прашкевич.
(Из семейного архива Романовых.)

Виктор Петрович не замедлил откликнуться: «...Насчет поездки по Енисею надо подумать. Я-то всегда готов по нему ездить и даже утонуть в нем от любви к родной земле, да обстоятельства, знаешь сам, превыше нас бывают...» [4, с. 142–143].

В декабре того же года В. П. Астафьев принял окончательное решение ехать: «Женя! А ведь А. Романов раздухарился, и еще двое вологодских парней, и просятся в Сибирь... А ну-ка, парень, давай-ка посоображаем насчет августа или начала сентября, но, чтобы банда была небольшая и этих выступлений поменьше. Конечно, все это можно сделать через Красноярское отделение Союза писателей. Но они же заставят выступать и речи травить...

Мне на Енисее хочется сидеть на палубе, молчать, глазеть и слушать воду, а потом потрепаться бы маленько с хорошим человеком насчет того, как тут хорошо и почему все это хорошее губят мудаки, мои земляки и всякий блудный люд...» [5, с. 168].

Окончательный состав писательской «плавучей» команды сформировался уже ближе к началу путешествия, в июне 1973 г. В Вологде к Астафьеву с Романовым присоединился поэт В. В. Коротаев. Были приглашены и сибирские астафьевские друзья-писатели – Николай Волокитин, секретарь Томской писательской организации, и редактор Красноярского книжного издательства Виктор Ермаков.

«Если хочешь – с радостью возьмем! – воодушевленно писал последнему Астафьев. – Хлопотать, наверное, ни о чем не надо – сядем на пароход, на тихий желательно, и поедем до Туруханска – там нас, может, устроят с транспортом на Н. Тунгуску, а еще мне надо у рыбаков-промысловиков побывать и все. Никаких выступлений, никакой рекламы – поездка частная, за свой счет, для своего интереса» [3, с. 58].

Виктор Петрович к тому времени уже всей душой и сердцем был на палубе теплохода да на берегу северной реки: «... Уцелело у меня несколько “мушек” чувовских, – докладывал он Городецкому. – Остальные бездарно пооставлял на кустах в речке Быковке. Но и эти несколько... Это такие “мушки”, что ежели пойти с ними по улице Горького в Москве и закинуть в подземный переход, то и там чего-нибудь поймашь, а уж в Тунгуске... Ты уж растрожил меня всем этим сбором. Мне уж и делать ничего неохота, а скорей бы ехать...» [4, с. 143].

2. «В Овсянке, в доме тетки Нюры...»

5 июля 1973 г. вологодская группа – Астафьев, Коротаев и Романов – фирменным московским экспрессом прибыла в Красноярск. На перроне их встретили сибиряки – Волокитин, Ермаков и Городецкий.

Двадцать лет спустя Николай Волокитин в своем очерке к 70-летию В. П. Астафьева со смехом вспоминал: «Виктор Петрович вышел из вагона в добром здравии, самостоятельно,

а вот Виктора Вениаминовича и Александра Александровича пришлось придерживать за локотки, помогая.

– Надоели они мне за трое суток, как горькая редька, – рассказывал со смехом Астафьев, удивительно здорово изображая попутчиков, особенно бородатого импульсивного Коротаева. – И не только мне, но и бедненькой проводнице, молоденькой да симпатичной. Они ей все свои книжки, которые брали на всякий случай, раздали за трое суток... У милой Танечки в ее закутке образовалась целая стенка из одинаковых книжек...» [6, с. 433]

Встретившись, обнявшись, все дружно поехали в родное село Астафьева Овсянку на встречу с многочисленной родней прозаика. «Поэты приехали, мы их хорошо встретили в Красноярске, – вспоминает и другой участник поездки Виктор Ермаков, – Потом все поехали в Овсянку, где их встретили еще лучше. Застолье, песни, танцы неумного В. Коротаева... Всем было хорошо, все были довольны» [3, с. 33].

Прибыв на место, хозяин с гостями первым делом побывали на кладбище, где покоился прах бабушки писателя Екатерины Петровны Потылициной. Этот момент В. Городецкий вспоминал так:

«Виктор Петрович положил на заросшую могилку букет полевых цветов. Постоял, обхватив подбородок ладонью, и пошел прочь, пробираясь между оградок, а мы – гуськом за ним следом.

В деревне нас уже ждали, и познакомились мы тут с родней Виктора Петровича, большей частью уже знакомой по его книгам, ближней и дальней, для которых он сроду был Витей, Витькой, своим, кровным, овсянкинским, и вместе с тем уже очень далеким, писателем городским, и в обращении к нему нет-нет да и проскальзывала почтительная отстраненность. А впрочем, может быть, мне так показалось...» [4, с.143].

Этот праздник а Овсянке очень красочно описан в очерке Н. Волокитина «Соприкосновение»: «Часто я там бывал и до того, и особенно после, во многих праздничных событиях участие принимал, но не помню больше такого веселья, такой непосредственности, даже детскости, поголовно у всех: и у нас, и у многочисленной астафьевской родни, – как получилось тогда...» [6, с. 433].

Отдельное место в очерке было отведено Волокитиным веселому бородачу В. В. Коротаяеву: «Он меня покори! Все овсянские встречи, все прогулки, все застолья он превратил в какой-то непрерывный, разудалый концерт. То, тряся смоляной бородой, он читает вперемежку со своими дерзкие стихи Николая Рубцова, то приглашает на клоунский танец двоюродную сестру Виктора Петровича Галину Николаевну Краснобровкину, то чего-то такое рассказывает, что все валятся под столы, то на ходу придумывает какие-то новые и новые фокусы. С тетей Апроней, например, Виктор начал разыгрывать жениха и невесту, а всю нашу компанию заставил изображать роль участников их “сердечной помолвки”. До сих пор поражаюсь, что тетя Апроня, эта пожилая, много испытавшая в своей жизни и с виду очень суровая женщина, приняла игру Коротаяева и выглядела в импровизированном спектакле и непосредственнее, и смешнее главного придумщика и героя. Даже Александр Романов, такой сдержанный, такой скупой на эмоции, и тот хохотал...» [6, с. 434].

Нужно отметить, что серьезного Е. А. Городецкого художественная самодеятельность бородатого поэта явно раздражала. Как ответственный организатор путешествия, он был очень недоволен отсутствием дисциплины в «команде». «Один из спутников Виктора Петровича, – писал он про вологжанина, – немало крови нам испортил своим куражом и баламутством...» [4, с. 143].

Однако деревенское застолье с песнями и играми новосибирцу пришлось по душе. Это видно из следующего описания «Сели за стол. Сперва и гости, и хозяева вели себя чинно, сдержанно, потом постепенно согрелись. Обзнакомились друг с другом, разговоры возникли в разных концах стола, скоро и песни зазвучали, они-то всех нас, сидящих вокруг стола, и сблизили окончательно. Виктор Петрович – домашний, в старенькой своей «олимпийке» с растянутым воротом и свалявшимся ворсом – пел самозабвенно, крепкий его хриловатый голос придавал звучанию песни надежность и силу. Пели русские песни, украинские, современные. Спели и заветную Виктора Петровича – про тонкую рябину. И вспомнилось мне, как прошлой осенью на Оби,

тоже в застолье, только полностью своим, писательском, когда с запевки Виктора Петровича спели эту песню, хорошо спели, ладно, он воскликнул, утирая слезы: «“Не знаю, сколько мне Господом Богом еще отпущено, но, когда помру – спойте “Что стоишь, качаясь...” и я услышу вас на том свете!”»

– У нас вообще народ песельный, – объяснял он на завтра, когда мы ходили на Овсянкинский увал. – Пацаном помню, с сенокоса идут бабы по увалу, поют-поют, далеко слышать...» [4, с. 143–144].

После этой встречи В. П. Астафьев позже часто вспоминал Евгения Городецкого как «великого песельника».

Вологодский поэт А. А. Романов, находясь долгое время под впечатлением от сибирского гостеприимства, написал стихотворение о родной тетушке В. П. Астафьева, хозяйке праздничного стола. Об этой поездке поэт будет вспоминать и на страницах газеты «Вологодский комсомолец» (от 28 апреля 1974 г.), посвященных 50-летию юбилею Астафьева: «Минувшим летом (1973 г.) мне вместе с Виктором Петровичем Астафьевым и Виктором Коротаяевым удалось побывать на величественном Енисее. Эта поездка взволновала, обрадовала и врезалась в память необыкновенными красками и просторами Сибири. Поэтому мне и захотелось откликнуться стихами». Там же впервые было опубликовано стихотворение «В Овсянке (Виктору Астафьеву)»: В Овсянке, в доме тетки Нюры

Такие шаньги на столе,
Что не сдержат натуры-дуры –
Опять сидим навеселе.
Опять с утра кипит застолье.
Добро вино, вкусна еда.
Ей-богу, в гости ехать стоит
За десять тысяч верст сюда.
Родни-то горсть. А ведь бывало –
Шумела яблоней она.
Но ствол родства давно повален,
А корни выбила война.
Уже не встретиться со всеми,

Но с тем, кто жив, – пришла пора
В окне над синим Енисеем
Сверкает Черная гора.
И тетка Нюра, сладив с печкой,
Пригубит рюмочку и вот
«Ой, потеряла я колечко»
Светло и тихо запоем.
И по лицу у тетки Густы
Вновь полыхнет минутный зной.
Вздыхнет она и в голос грустный
Вплетет свой голос удалой...
[2, с. 74]

Позже стихотворение было опубликовано в книге избранных стихов А. Романова «Пятистенки» (1978). Примечательно, что одну книжку этого издания вологодский поэт отправил в Овсянку Анне Константиновне Потылицыной, той самой «тетке Нюре», с подписью: «Уважаемым Анне Константиновне и Николаю Ильичу Потылицыным, храня в душе светлые дни, проведенные когда-то в гостеприимной Овсянке, с поклоном и уважением ко всему вашему роду». Эта книжка хранится в Библиотеке-музее В. П. Астафьева в Овсянке. На развороте со стихотворением от руки написано: «Как правильно, как здорово написано о моей тетушке Ане. Тоня».

Уважаемым
Анне Константиновне
и Николаю Ильичу
Потылицыным,
храня в душе
светлые дни,
проведенные когда-то
в гостеприимной
Овсянке,
с поклоном
и уважением
ко всему вашему
роду
А. Романов
май, 1978 г., Вологда

Как правильно
как здорово
написано о
моей тетушке
Анне
Тоня
802

Фото 2. Надписи в подаренной А. К. Потылицыной книге А. А. Романова «Пятистенки» (1978).

В новом трехтомном издании А. А. Романова «Слово, равное судьбе» (2024) тоже есть упоминание о незабываемом празднике: «Никогда мне не забыть, как в Овсянке, на родине Виктора Петровича Астафьева, в доме тетки Нюры пели сибирские песни. Собрались все его родичи и знакомые по случаю нашего приезда из Вологды. Нет, не услышать уже нигде такого пения,

когда песня, закипев на губах широкими и протяжными волнами, прокатывались над застольем, и душа моя замирала на их вземах и спадах, и до слез радостно было жить и страдать этой долей. А какой удастью, печалью и радостью сияли тогда лица родственников Виктора Петровича. Красота пения отражалась и в них самих: в разворотах плеч, в движениях рук, в обнимании друг друга. Они любовались не собой, а великими песнями, похожими на их судьбы» [1, с. 232].

3. По Енисею на теплоходе «Дмитров».

9 июля 1973 г. теплоход «Дмитров» с писательской делегацией на борту благополучно отчалил от речного порта города Красноярска.

В предписании начальника Енисейского речного пароходства С. Фомина от 22 июня 1973 г. капитанам судов и начальникам портов и пристаней было указано, что писатели «выполняют в нашем бассейне работу по заданию Союза Советских Писателей», а капитану судна «Дмитров» диспетчерским распоряжением велено «принять на борт 6 человек (согласно письму) до Туруханска».

Все вышло так, как мечталось Виктору Астафьеву. Благодаря Е. А. Городецкому творческая компания получила то, что хотела – спокойное времяпрепровождение в узком писательском кругу, любование красотами сибирской реки, ее берегов и островов, душевные разговоры на палубе и в каютах.

«Не знаю, – пишет Н. Волокитин, – кому принадлежала идея поездки именно на грузовом теплоходе, но человек этот оказался истинным мудрецом. Во-первых, чем тише едешь, тем не только дальше будешь, но еще и больше увидишь, а во-вторых, в отличие от пассажирского транспорта никаких тебе шума и гама, никаких посторонних вокруг – только команда и мы...» [6, с. 435].

Сам автор идеи не скрывал своей гордости за успешную реализацию поездки: «И вот мы на самоходной барже и плывем по Енисею. Большое современное судно чехословацкого производства, стометровая (как и обещано было Виктору Петровичу)

палуба тесно уставлена железобетонными конструкциями, штабелями уложены сваи, однако места для прогулок вдоль борта и для уединения – предостаточно. Но Виктор Петрович не отпускает нас от себя, он охвачен радостным возбуждением, и он сейчас в роли хозяина и гида, показывает нам Енисей и ревниво ожидает наших восторгов...

Казачинский порог, живописные острова, устье Ангары. И Енисей, принимая ее воды, сразу раздается вширь, быстрая речная гладь под солнцем слепит глаза. Само сознание, что вот сейчас справа по берегу предстала перед нами одна из самых легендарных рек Сибири, пусть не во всей красе, а лишь небольшим по протяженности устьем, – заставляет восторгнуться отзывчивую на природу душу. И погода, и солнце, и теплынь...» [4, с. 144].

Ермаков и Волокитин отразили в воспоминаниях впечатления о тех днях. Красноярск, описывая путешествие по сибирской реке, был немногословен: «Плыли по Енисею... Вологодские впервые, а мы – уже видевшие Енисей – смотрели, удивлялись красоте природы, реки большой... У Коротаева удивление было какое-то особенное: от восторгов рот не закрывался...» [3, с. 33]. Томич, напротив, уделил увиденному немало восторженных страниц. Приведем один фрагмент: «Сколько ни езжу, никогда не перестаю восхищаться Енисеем, хотя мне куда дороже Обь, на которой родился, у которой даже запах особенный. Енисей всегда поражает какой-то внутренней мощью. И вроде не так уж широк, и горы, набегающие на него с обеих сторон, не такие уж и горы, а сопки скорее, но что-то вот есть во всем этом грандиозное, даже подавляющее чуть-чуть. Какое-то чувство беспредельной водной глубины, что ли...» [6, с. 435].

Весьма довольны были писатели бытовыми условиями путешествия: «Команда нас приняла и даже поставила на совместное пищевое довольствие, что обходилось каждому из нас всего по одному рублю в сутки. Бытовые условия у нас тоже создались очень хорошие – в команде был недокомплект, на теплоходе пустовало несколько кают, и их любезно передали в наше распоряжение.



Фото 3. Писатели на теплоходе. Фото В. И. Ермакова.

Мы частенько собирались в рулевой рубке, хотя для такого теплохода, как “Дмитров”, слово рубка не совсем подходящее. Это было просторнейшее светлое помещение с приборами и локаторной установкой, где не было даже привычного по кинофильмам штурвального колеса, которое заменял какой-то куценький рычажок. Так вот, мы частенько собирались в рубке и любовались Енисеем, вели разговоры. К нам нередко присоединялся капитан, кто-нибудь еще, свободный от вахты, вспоминали интересные случаи из своей флотской практики, благо, было что вспомнить, особенно капитану...” [6, с. 40]

Следует отметить, что капитаном судна, принявшего на свой борт писательскую компанию, был Николай Андреевич Драган. Позже в поздравлении с Новым 1974 годом В. П. Астафьев будет сердечно благодарить его и команду: «В то лето поездка с Вами оказалась единственной, но не только поэтому я ее так хорошо вспоминаю. Думаю, повезло нам, что с нами был такой общительный и славный капитан, прекрасная повариха и весь коллектив какой-то “свой в доску!”» – так и остались в душе родственные связи.

По сей день перед глазами у меня стоят Осиновские пороги – ничего красивей я в своей жизни не видел и едва ли уж увижу. И вообще для меня нет красивей реки, чем Енисей. В моем рабочем кабинете, за спиной у меня, висит карта Красноярского края, и я часто «путешествую» по Енисею – это помогает мне жить и работать...» [5, с. 180].

Тепло вспоминал о командире корабля и Н. Волокитин: «Капитаном нашего теплохода был моложавый, стройный мужчина, в чертах которого промелькивало что-то кавказское. Однако к Кавказу он не имел ни малейшего отношения, был коренным сибиряком и, несмотря на свою моложавость, имел стаж работы на линии Красноярск – Диксон без малого четверть века.

Серьезный, спокойный. Голоса никогда не повысит, не скажет грубого слова. На трудных речных участках, особенно ночью ведет теплоход только сам. Виктор Петрович с ним сразу же подружился, и нередко их можно было видеть вдвоем. Мы их так и называли между собою – два капитана» [6, с. 439].

Не менее восторженно отзывался Волокитин и об остальных членах экипажа: «Вообще вся команда на этом теплоходе была подобрана что надо, вся под стать капитану. Деловая, ровная, доброжелательная. До сих пор, хоть и прошло почти двадцать лет, хорошо помню молодого первого помощника капитана Владимира Васильевича Шуткова или просто Володю, как мы называли его, всегда отзывчивого, готового объяснять что-то непонятное нам хоть часами, смешливого моториста Борю, родившегося на Нижней Тунгуске и влюбленного в север, юную и симпатичную повариху Нину, к которой мы шли в столовую как на праздник, и не только потому, что она была красива и гостеприимна, но еще и потому, что умела исключительно готовить не только стерляжью уху, но и обыкновенную пшеничную кашу» [6, с. 440].

Писатели видели в поездке Казачинские, Осиновские пороги, старинные приенисейские села Анциферово, Остяцкую, Колмогорово, Назимово, Ворогово, Подкаменные Тунгуски – и село, и приток Енисея. Позже вологжанин А.А. Романов свои впечатления от енисейского вояжа так описывал: «По сию пору

свежи в моей памяти два больших путешествия с Виктором Кортаевым. Первое – по земле коми с сосновыми борами, с древними поселениями и языческими могильниками <...> Если иссиня-раскатиная Печора-матушка навевала, наплескивала нам обдумывание трудных вопросов жизни и соответствия ей нашей собственной поэзии, то вскоре уже Енисей-батюшка очаровал нас своим великим могуществом. Зазвал нас к себе на родину Виктор Астафьев, живший тогда в Вологде.

Огромны просторы и нашего вологодского края, и зазывна темнохвойная и белоберезовая оторочка родных горизонтов, однако шире сибирской земли и выше ее неба нигде нету на свете. Мы с Виктором Кортаевым пребывали на палубе, дивясь гористыми очертаниями великой голубизны. Она хмелила нас, а енисейские перекаты молодо щемили душу. И Виктор Петрович с доброй усмешкой поглядывал на нас. Он понимал, что для Поэзии, кроме великой правды сердца, необходимы и великие просторы раздумий.

И Виктор Кортаев уже что-то колдовал над своим блокнотом. А потом прочитал нам:

Суров и своенравен Енисей,	Он уважает удаль Енисея,
Могучи берега его и порты.	Поскольку сам характером
Над всей Сибирью,	В него...
Над Россией всей	И хочется забыть свои года,
Его и власть, и слава распростерты.	Махнуть рукой на вечные вопросы,
Наш капитан – ну что за существо:	Все бросить
Опасность ближе –	И пойти к нему в матросы,
А лицо яснее,	И не жалеть об этом никогда...»
	[1, с. 88].

4. «Плывем до Туруханска, и мы возвращаемся!..»

Четверо суток шел теплоход «Димитров» от Красноярска до Туруханска. Н. Волокитин вспоминал: «Вологодцы не представляли выражать восторги по поводу енисейских красот...» [6, с. 143]. Однако Е. Городецкий почему-то так не считал: «Спутники Виктора Петровича оказались равнодушными к енисейским красотам, путешествие наше, едва начавшись, уже

утомило их, заскучали они по дому, затосковали на чужбине, непривычные к таким просторам, а тут еще царивший на судне “сухой закон” <...> Короче говоря, когда к концу четвертых суток достигли мы Туруханска и высадились, в компании произошел раскол. Товарищи наши – на самолет и домой. А мы с Виктором Петровичем остались вдвоем и порешили кровь из носу побывать на Нижней Тунгуске. “Не добрались до Игарки, так хоть на Тунгуску поглядим”, – с сердцем сказал Виктор Петрович. Разногласия в нашей компании задевали его, виду он не подавал, но переживал сильно...» [4, с. 144].

Более подробно, хотя и с большими недомолвками, описал этот разрыв красноярский редактор. Процитируем, сохраняя авторские сокращения и пунктуацию: «...Но была напряженка между «вологодскими» <...> Они, вероятно, “старый груз” везли с собой – те распри, что были среди писателей в Вологде.

А тут еще Е. Городецкий (из Новосибирска, писатель-геолог, почитатель В. П. Астафьева), всю “дорогу” по Енисею, да и раньше, когда были в Овсянке и когда ожидали отплытия? – все время перед вологодскими поэтами расхваливал книги В.П. Астафьева, называл его “поэтом в прозе”, современным русским классиком. Я и Н. Волокитин тоже ценили творчество В.П., но то, что Е.Г. говорил, – это было бестактно, и слушать было неприятно... И он это делал умышленно, как бы противопоставляя их: мол, есть только один в России писатель.

А каково было вологодским гостям это слушать?.. Они-то в Вологде один другого знали со всех сторон...

И им надоело слушать чванливые панегирики Е. Г., они сказали В. П.: «Плывем до Туруханска, и мы возвращаемся!.. До Игарки плыви с Е. Г.» Вот почему та поездка была только до Туруханска, а планировали до Игарки, где В. П. жил в детстве...

В. П. сказал всем: «Я с Женей еду на Тунгуску рыбачить завтра!» <...> И мы – В. Коротаев, А. Романов, Н. Волокитин, В. Ермаков – на самолете улетели в Красноярск, а В. П. Астафьев и Е. А. Городецкий остались порыбачить... Вот так закончилось гостевание на Енисее вологодских поэтов... В самолете они рассказали нам, из-за чего у писателей там разлад. Об этом потом

все писатели узнали в Вологде, и в Москве, и в других городах... И все звонили мне и спрашивали...» [3, с. 33–34].

Перед тем как расстаться, сибиряки сплавали на лодках в деревню Селиваниху, в гости к местной жительнице, знакомой с Астафьевым по переписке, его читательнице. Романов и Коротаев туда уже не поехали. Затем из аэропорта, что до сих пор существует в заполярном селе Туруханске, через Красноярск все участники «писательской экспедиции» отправились в обратный путь, кроме В. П. Астафьева и Е. А. Городецкого.

Литература

1. Романов А. А. Слово, равное судьбе. Избранные произведения. В 3 томах. Том 3. Избранная проза / Александр Романов ; составители: А. А. Романов-мл., С. А. Романов ; [вступительная статья: А. А. Романов-мл.]. – Вологда : Родники, 2024. – 324 с.
2. Романов А. А. Пятистенки : избранные стихи / Александр Романов. – Москва : Советская Россия, 1978. – 192 с.
3. Ермаков В. И. Солнечная сторона / В. И. Ермаков // Енисей. – № 1. – 2004. – С. 25-27.
4. Городецкий Е. А. С печалью, гневом и любовью. Памяти В. П. Астафьева / Е. А. Городецкий // Сибирские Огни. – № 7. – 2022. – С. 125-146.
5. Астафьев В. П. Нет мне ответа... : эпистолярный дневник, 1952–2001 / Виктор Астафьев ; [составитель, автор вступительной статьи Г. Сапронов]. – Изд. 2-е, доп. – Иркутск : Сапронов, 2009. – 720 с.
6. Волокитин Н. И. Соприкосновение / Н. И. Волокитин // Астафьев В. П. Собрание сочинений. В 15 т. Т. 14. – Красноярск: Офсет, 1998. – С. 403–479.

НИКОЛАЙ РУБЦОВ И ЕГО ПОЭЗИЯ В АСПЕКТЕ МУЗЕЕВЕДЕНИЯ

Аннотация. В статье ставятся актуальные вопросы музейной интерпретации творчества и личности поэта на примере концептуализации экспозиции, посвященной Н. М. Рубцову в вологодском музее «Литература. Искусство. Век XX».

Ключевые слова: выставка, инсталляция, литературный музей, музееведение, Н. Рубцов, экспозиция.

Далеко не каждая значительная культурная фигура получает право на собственный музей, однако, если она такое право получает, возникает целый спектр как будто неразрешимых вопросов, и первый из них: *как* эту значительную фигуру показать? С одной стороны, литературный музей противоречит самой сути музея: объект здесь – не предмет, а судьба и текст, этой судьбой написанный. Компактно говоря, музей литератора – это его книга. С другой стороны, есть все остальное: эпоха, быт, личность и, конечно, «темная сторона». Где граница между персонажем, каким становится любой деятель искусства и реальным человеком? О чем *можно* и *нужно*, а о чем не следует говорить, и как сказать *так*, чтобы в конечном итоге посетитель, завершив осмотр экспозиции, перешел к книге?

Труд экспозиционера – сродни судейству: *что* высветить, а *что* отсечь ничуть не легче решить, планируя вернисаж или «выставку одной картины». Но в отношении *судьбы* подобные вердикты выносить в разы сложнее. Надо признать, что вопрос «а судьи – кто?» чрезвычайно актуален в музейной работе. В этом ключе показательно, что первая крупная вологодская экспозиция Николая Рубцова, посвященная его пятидесятилетию, называлась «Избранное». В настоящее время, спустя почти полвека с момента его трагического ухода, в Музее «Литература. Искусство. Век XX» ведется активная работа над

строительством экспозиции «Поэзия Николая Рубцова», задача которой переосмыслить его наследие и представить широкой общественности в новом свете. Концепция готовящейся экспозиции работает с теми же проблемами, с какими сталкивается любой литературный музей.

1. Где проходит водораздел между личностью и творцом? Следует ли экспозиционеру учитывать «мнение» своего героя, нередко ревностно относящегося к такому разделению:

Вы понимаете меня.
Вы восхищаетесь стихами.
Вы поднимаете меня,
Как поднимаете стаканы...
А после наступает спад...
(«Друзьям»)

2. Что в этой связи важнее: разговор о поэте или разговор о поэзии? Как показывает опыт, нередко разговор о Поэзии с человеком неподготовленным заканчивается коммуникативным провалом. Но и человек *знающий* – далеко не гарант успеха, потому как невозможно предугадать, разойдутся ли представления о Н. Рубцове у такого человека с тем, каким поэта показывает музей, и совпадет ли личное *избранное* посетителя с *избранным* экспозиционера? В этом смысле, музейная выставка сталкивается с теми же рисками, что и театральная постановка или экранизация, поскольку отталкиваясь от текста, по сути «навязывает» единственное «прочтение», в то время как сам текст предполагает безграничную свободу воображения.

3. Отсюда вытекает вопрос о посреднике между экспозицией и произведением, который всегда остается открытым в литературном музее, ведь книга, особенно Н. Рубцова, в таком посреднике не нуждается. Простота его поэзии, часто обманчивая, кажется невозможной в таком жанре, как инсталляция. Как же совместить простоту одной формы с конструктивом другой, и не подменить исходного содержания самого стихотворения?

Новая экспозиция в музее Н. Рубцова отталкивается от двух противоположных, но неразрывных констант: быт и бытие. Таким образом, пространство музея распадается на две ключевые зоны: реалистическую и сюрреалистическую.

Реалистическая часть отталкивается от концепта «дом». Во-первых, литературный музей в конечном итоге становится последним *домом* всякому достойному поэту. С той оговоркой, что, в случае с музеем «Литература. Искусство. Век XX», категоричность подобного заявления не имеет под собой ни мемориальных, ни текстологических оснований, грубо говоря, ноги поэта в «нашем» доме не было.

Во-вторых, применительно непосредственно к Рубцову «дом» – понятие чрезвычайно многоплановое и сложное. Сам поэт писал так: «После детского дома, так сказать, дом всегда был там, где я работал или учился. До сих пор так». Возникает вопрос: был ли в его понимании детский дом – *истинным* домом или дом был *до* детского дома?

Первые годы Н. Рубцова прошли в бесконечных переездах: Емецк, Няндомы, Вологда (в Вологде семья сменила несколько адресов). Отсюда – множество адресов как отсутствие адреса. И только в семь лет Н. Рубцов попал в детский дом (с. Никольское, Тотемского района), где прожил с 1943 по 1950-й г. Определенность существования, «оседлость», налаженный (насколько это возможно в годы войны) быт, учеба, жизнь в коллективе, общее сиротство, единение с природой и познание самого себя наложили на будущего поэта тот особенный отпечаток, который впоследствии определил его мировоззрение. В одном из писем А. Яшину Н. Рубцов писал: «У меня нет ни специальности, ни дома, есть только любовь к одной избе и местности глубоко в Вологодской области, где прошло детство».

Вернее было бы считать домом поэта не столько нечто материальное, имеющее физическое воплощение, сколько именно само *детство* поэта, поскольку всю свою последующую жизнь, терзаемый гранями не столько «меж городом и селом», сколько между светом и тьмой внутри самого себя, Николай Рубцов

стремился вернуться в некое «нулевое» свое бытие: начала жизни, широты возможностей, радостной тревоги надежд и ожидания светлого будущего:

...я хотел бы превратиться
Или в багряный тихий лист,
Иль в дождевой веселый свист,
Но, превратившись, возродиться
И возвратиться в отчий дом,
Чтобы однажды в доме том
Перед дорогою большою
Сказать: – Я был в лесу листом!
Сказать: – Я был в лесу дождем!
Поверьте мне: я чист душою...
(«Доволен я буквально всем!»)

Не случайно в течение всей жизни он стремился не к шуму русских столиц, но к «несуетной» и, что важнее, очистительной тишине свой малой родины:

Перед этой
Желтой, захолустной
Стороной березовой
Моей,
Перед жнивой
Пасмурной и грустной
В дни осенних
Горестных дождей,
Перед этим
Строгим сельсоветом,
Перед этим
Стадом у моста,
Перед всем
Старинным белым светом
Я клянусь:
Душа моя чиста.
(«До конца, до тихого креста...»)

На основании рубцовской лирики можно вывести некую формулу идеального для поэта дома, где ключевая роль отведена – огню, как символу домашнего очага, тепла, защищенности, уюта и жара поэзии.

«Сию сейчас, закутавшись в пальто и спрятав ноги в огромные рваные старые валенки, в одной из самых старых и самых почерневших избушек селения Никольского... сегодня особенно громко и непрерывно воют над крышей провода, ветер дует прямо в окна, и поэтому в избе холодно и немного неуютно, но сейчас тут затопят печку, и опять станет тепло и хорошо».

Огонь в печи не спит, перекликаясь
С глухим дождем, струящимся по крыше...
(«Осенние этюды»)

Я не один во всей вселенной –
Со мною книги, и гармонь,
И друг поэзии нетленной
В печи березовый огонь...
(«Зимовье на хуторе»)

К печке остывшей подброшу поленьев беремя,
Сладко в избе коротать одиночества бремя...
(«Листья осенние где-то во мгле мироздания...»)

Символ неугасимого огня, света звезды («В горнице моей светло. Это от ночной звезды») один из важнейших в творчестве поэта. Поэтому считаем идею печи – ключевым «экспонатом» комнаты Рубцова.

Спасибо, скромный русский огонек,
За то, что ты в предчувствии тревожном
Горишь для тех, кто в поле бездорожном
От всех друзей отчаянно далек,
За то, что, с доброй верою дружа,
Среди тревог великих и разбоя
Горишь, горишь, как добрая душа,
Горишь во мгле, и нет тебе покоя...
(«Русский огонек»)

Немаловажно в данном пространстве создать атмосферу бытовой аскезы и творческой сосредоточенности и не упустить из виду тот факт, что дом для поэта Николая Рубцова далеко не всегда «место силы». Здесь опять же дает о себе знать внутренняя противоречивость его натуры.

Стихи из дома гонят нас,
Как будто вьюга воеет, воет...
(«Стихи»)

«Скоро, – я думал, – разбудят меня на рассвете
Как далеко уплыву я из скучного дому!»
(«Скачет ли свадьба в глуши потрясенного бора...»)

Когда в окно осенний ветер свищет
И вносит в жизнь смятение и тоску,
Не усидеть мне в собственном жилище...
(«Вечерние стихи»)

В конечном итоге квартира – стала для него могилой. Поэтому важно избежать прямых ассоциаций с *последним домом* поэта на Яшина 3, как не менее важно создать такой «уголок» поэта, который не станет повторением многих и многих подобных уголков, разбросанных по всей России в рубцовских музеях и центрах.

В реалистической зоне важно создать такую атмосферу, внутри которой рассказ о Николае Рубцове начнется как бы с чистого листа и не только соединит биографию и поэзии, но и объяснит их сосуществование и взаимосвязь. В этом смысле чрезвычайно любопытны такие размышления поэта о своем творческом методе: «Поэзия не от нас зависит, а мы зависим от нее» (Письмо А.Я. Яшину от 3 ноября 1964 г.). Поэзия – стихия, внутри которой Рубцов находил тот особый покой, который, в отличие от покоя на лоне природы, не столько примиряет с действительностью, сколько ее трансформирует: «...написал стихотворение <...> не смог обойтись без того, чтобы не приукрасить свою лесную жизнь, иначе было бы очень скучно» (Письмо А. Я. Яшину от 22 августа 1964 г.).

«Сюрреалистическая» часть музея воссоздает идеальный «дом» поэта – творчество. Это особая зона – зона исследования, причем не только экспозиционера, но и посетителя, имеющая чисто экспериментальный характер. Она включает в себя три инсталляции:

1. Инсталляция «Контекст», которая помещает «нашего» поэта в контекст классической русской литературы, где через единство мотивов и образов Николая Рубцова с мотивами и образами признанных классиков, создает вариант его литературный *дома*, неизбежного под *солнцем* русской поэзии.

2. Инсталляция «Работа над формой», в свою очередь, представляет собой визуальное размышление на тему рождения стихотворения. Это попытка проникнуть в таинство творческого процесса и тем самым – понять, *как* слова, еще не связанные друг с другом в предложения, избираются поэтом из общего языкового потока по тому смыслу, который они несут, а после соединяются в строки и воплощаются в законченное произведение искусства.

3. Пространство «Бытие поэзии» как бы подводит итог поэтическому пути, иллюстрируя выход творчества из мира внутреннего в мир внешний, когда произведение «разлучается» со своим создателем, *с личным*, и становится *общественным*, то есть достоянием всех. Зал прорабатывает идею существования стихотворения как итога акта творения – совершенного по форме и смыслу, законченного, изданного, прочитанного, произнесенного.

Таким образом, мы надеемся создать своего рода музей-метафору, главная цель которого максимально приблизить посетителя к наследию, оставленному поэтом, и преодолеть укрепившиеся стереотипы. Принято считать Николая Рубцова «светлым лириком», певцом тихой музыки и т.п. Однако данное впечатление крайне обманчиво. «Тихая» поэзия его содержит бесчисленное количество восклицательных знаков, «светлая» лирика имеет трагический подтекст, а одним из ключевых мотивов творчества является мотив «непокоя», имеющий в истоке –

классическую традицию: «Как будто в бурях есть покой» – Я не верю вечности покоя!». Сама судьба Николая Рубцова, сложенная из потерь и разочарований (в том числе и в самом себе), окрасила его поэзию в сумрачные цвета. Ко всему прочему, вокруг фигуры поэта существует определенный флер, обусловленный его ранней кончиной («бывало, что ни скажи – они все исказят в своем кривом зеркале и разнесут по всему народу»). Этот флер хотелось бы не столько удалить, сколько сделать менее плотным, действенным для тех посетителей, в чьем сознании укоренился стереотип восприятия Рубцова и его поэзии.

ВОЛОГОДСКИЙ БИБЛИОГИД: РЕГИОНАЛЬНОЕ КНИГОИЗДАНИЕ И ИТОГИ КОНКУРСА «ВОЛОГОДСКАЯ КНИГА ГОДА-2024»

Аннотация. В предлагаемом материале освещаются итоги проведения ежегодного конкурса «Вологодская книга года» и характеризуется значимость данного мероприятия для культурной жизни региона.

Ключевые слова: автор, Вологодская область, Вологодская областная библиотека, издание, историко-культурное наследие, книга, конкурс, проект, эксперт.

На ежегодном конкурсе «Вологодская книга года» были представлены издания, вышедшие на территории области, а также книги вологодских авторов, опубликованные за ее пределами в 2024 году.

Это патронируемый Правительством области ключевой проект Вологодской областной универсальной научной библиотеки, который уже много лет объединяет всех, кто создает, распространяет и популяризирует местную книгу: от издательств и типографий до авторов, библиотек и журналистов. Его цель – дать широкой аудитории возможность увидеть лучшие образцы местной книжной продукции, объединить на одной площадке авторов, издателей, дизайнеров и полиграфистов для публичного представления, и демонстрации их заслуг.

Важной частью концепции является обязательная передача конкурсных книг в фонд главной библиотеки области. Это не только требование закона об обязательном экземпляре (который включает все издания, подготовленные вологодскими авторами), но и добровольный вклад в комплектование корпуса историко-культурного наследия. Таким образом, ежегодный конкурс формирует уникальную летопись интеллектуальной жизни региона, сохраняя для будущих поколений плоды исследовательского, литературного и краеведческого труда.

Конкурсная комиссия традиционно формируется при тесном взаимодействии с областными университетами, которые являются научной и организационной базой жюри. Участие в экспертной комиссии представителей всех ведущих вузов региона обеспечивает квалифицированный подход к оценке. Значительную роль играют и представители литературных союзов, что превращает конкурс в площадку для профессионального диалога между различными творческими союзами Вологодчины. В состав комиссии также входят ведущие специалисты в сфере книгоиздания, полиграфии, иллюстрации и дизайна, включая представителей издательств и типографий, известных далеко за пределами Вологодской области. Именно такое разнообразие экспертов позволяет объективно оценивать широкий спектр представленных книг.

Борьба за звание лучшей книги ведется по восьми номинациям:

- 1) Художественная литература. Проза. Поэзия;
- 2) Лучшая книга о Вологодской области (автор);
- 3) Лучшее издание о Вологодской области (издательство);
- 4) Лучшее полиграфическое исполнение издания (типография);
- 5) Лучшее художественное оформление (художник, дизайнер);
- 6) Лучшее научное издание (автор);
- 7) Лучшее учебное издание (автор);
- 8) Лучшее издание для детей и юношества (автор).

Также вручаются два специальных диплома: «Лучшее корпоративное издание» – для книг, выпущенных организациями, и «Малая родина», где оцениваются издания, рассказывающие об истории и жизни конкретных населенных пунктов региона.

В 2025 г. конкурс «Вологодская книга года» проводится в четырнадцатый раз. На рассмотрение оргкомитета поступило 662 издания, из которых к участию было допущено 336 книг (в предыдущем году – 316). Их представили 129 издательств и 491 автор (включая авторские коллективы).

Значимым трендом этого года стал рекордный рост количества представленной художественной литературы – 117 книг (против 84 в 2024 и 73 в 2023 году). Победитель в этой номинации получает звание «Мастер слова» и денежную премию.

Достоинно были представлены и краеведческие книги. В номинации «Лучшая книга о Вологодской области» (оценивается автор, авторский коллектив) участников конкурса сравнению с прошлым годом тоже больше – 72 издания (в 2024 г. – 65); а в номинации «Лучшее издание о Вологодской области», где оценивается работа издательства, книг несколько меньше – 97 (в 2024 г. – 102). Не очень заметно, но все же сократилось число книг в номинациях «Научная литература» – 72 (в 2024 г. – 78), и учебной – 63 (2023 г. – 67). Но если число книг здесь и сократилось, то достойных изданий было вполне достаточно для проведения конкурса, и работа по оценке для членов жюри не стала проще.

Достаточно скромная по числу участников в этом году (17 книг, в 2024 – 36) – номинация «Лучшее издание для детей и юношества». Но и она порадовала яркими и интересными изданиями на разную тематику и для разного возраста. Еще одна необычная черта этого года – большинство конкурсных книг для детей и юношества выходили сериями.

Также заметно повысилось качество полиграфического исполнения. Об этом свидетельствует высокая конкуренция в профильных номинациях: «Лучшее художественное оформление издания» (85 книг) и «Лучшее полиграфическое исполнение издания» (64 книги). Этот факт не может не радовать любителей книг высокого качества подготовки.

Изданию, набравшему наибольшее количество голосов экспертных баллов во всех номинациях, присваивается звание «Книга книг: лучшая книга года», а также вручается денежная премия.

Помимо восьми основных номинаций, где свое мнение выражают члены жюри, лучшие книги на свой вкус могут назвать и читатели. Это можно сделать как на виртуальной выставке на сайте, так и через заполненный бюллетень в библиотеке.

Число голосующих заметно растет. Так в номинации «Выбор читателя» в этом году проголосовали 3438 человек. К этой народной поддержке подключаются авторы и местные СМИ, активно призывая земляков голосовать онлайн в социальных сетях и пабликах. Рейтинг книг в этой номинации меняется ежедневно – и в этом ее главная интрига. Победителем может стать абсолютно любая книга. Все зависит лишь от активности поклонников самого издания или ее авторов.

Итоги конкурса «Вологодская книга-2024» таковы.

Номинация «Лучшее издание о Вологодской области» (издательство):

Лауреаты

Издательский Дом «Череповец».

За книгу: «Культура стекольного края: сборник очерков: 95-летию Чагодощенского муниципального района посвящается».

Издательство «Интеллект будущего».

За книгу: «Толшма. Возвращение к истокам».

Победитель

Издательство «Древности Севера».

За книгу: «Наш Валерий Гаврилин: фотоальбом».

Номинация «Лучшая книга о Вологодской области» (автор, авторский коллектив)

Лауреаты

Авторский коллектив альманаха: «Театры Вологодского края: сценическое прочтение литературного наследия».

Авторский коллектив книги «Наш Валерий Гаврилин: фотоальбом»

Победитель

Калинин Евгений Вячеславович, автор книги: «Федотовская мозаика».

Номинация «Лучшее научное издание» (автор)

Лауреаты

Новоселов Алексей Михайлович, ответственный редактор, составитель книги «Соль тотемская: история, технологии, механизмы».

Черкасова Марина Сергеевна, автор книги «Троице-Сергиев монастырь в XV–XVIII вв.»

Победитель

Пугач Иван Васильевич, автор-составитель книги «Археография Русского Севера. Часть II: Воеводские сметные росписи Вологды второй половины XVII века: писцовые и переписные книги Вологды XVII – начала XVIII века».

Номинация «Лучшее учебное пособие» (автор)

Лауреаты

Авторский коллектив книги «Росписи Леденги: методическое пособие».

Авторский коллектив книги «Лесоводство: учебное пособие для студентов по направлению подготовки «Лесное дело».

Победитель

Соловьева Елена Евгеньевна за книгу «Народная культура и художественные ремесла. Православная культура и церковное искусство».

Номинация «Лучшее художественное оформление издания» (художник, дизайнер)

Лауреаты

Дизайнеры Груздева Наталья Андреевна и Бобкова Ангелина Александровна за книгу «Война и Победа в объективе фотокорреспондента П.А. Сотникова: фотодокументы из фондов Государственного архива Вологодской области»».

Васильев Андрей Владимирович, автор идеи, иллюстратор и дизайнер книги «Азбука».

Победитель

Вахрушев Дмитрий Михайлович дизайнер фотоальбома «По земле Вологодской».

*Номинация «Лучшее полиграфическое исполнение издания»
(типография)*

Лауреаты

Индивидуальный предприниматель Киселев Артем Владимирович за книгу Елены Кобзарь «Замурчательная жизнь кота Васьки: стихи для детей».

Издательский ДомД «Череповецъ» за книгу «Жидихово. История одной деревни».

Победитель

Производственная фирма «Полиграф-Периодика» за книгу «Олег Бороздин: альбом-каталог».

Номинация «Лучшее издание для детей и юношества» (автор)

Лауреаты

Суворовская Ирина Анатольевна автор книги: «Наши самолеты над Берлином: рассказы о летчике Евгении Преображенском».

Потаева Людмила Витальевна и Тимошенко Лариса Николаевна авторы книги «Сборник лучших сказок о Лесе»

Победитель

Ермакова Татьяна Алексеевна автор книги «Дорогой верности: рассказы о Сергее Орлове».

Номинация «Выбор читателя»

Книга «Жидихово. История одной деревни», составитель Шамурин Николай Васильевич.

Специальные дипломы:

«Лучшее корпоративное издание»: «АО «НИУИФ»: немного истории»

«Малая родина»: Аксенова Татьяна Иринарховна. «Местная власть в Заборье. Время и люди»

*Номинация «Художественная литература. Мастер слова»
(автор)*

Лауреаты

Сопина Татьяна Петровна, автор книги «Живущим руку протяну».

Ехалов Анатолий Константинович, автор книги «Речка Судебка».

Победитель:

Мишенев Василий Михайлович (двухтомное Собрание сочинений).

КНИГА КНИГ ЛУЧШАЯ КНИГА

«Наш Валерий Гаврилин: фотоальбом».

Отдельную благодарность организаторы конкурса выражают членам экспертной комиссии за их профессионализм в подходе к конкурсным изданиям. Организаторы высоко оценивают готовность экспертов поддержать развитие книгоиздания и литературы региона, привнести свежесть восприятия и разнообразие взглядов в процесс отбора лучших произведений.

Необходимо отметить, что наш областной книжный конкурс продолжает оставаться важной площадкой для развития творчества писателей, продвижения региональной литературы и создания фонда культурного наследия региона. Благодаря активной поддержке организаторов, участников и широкой аудитории, мероприятие продолжает оставаться значимым и популярным для жителей Вологодчины, а также способствует формированию представления об области как одном из наиболее значимых культурных центров Северо-Запада России.

ВОЛОГОДСКИЕ АВТОРЫ НА СОВРЕМЕННОЙ СЦЕНЕ: ИМЕНА, ПРИЕМЫ, ОБРАЗЫ

Аннотация. В данной публикации освещается тема фиксации и изучения современного театрального процесса в таком важном аспекте, как представление творчества знаковых для Вологодчины имен на театральной сцене. Дан краткий обзор театрального альманаха 2024 г., посвященного заявленной теме, в виде примера сценической интерпретации представлены спектакли вологодских театров по творчеству Н. Рубцова.

Ключевые слова: вологодские театры, современный театр, Вологодский театральный альманах, литературно-музыкальные композиции по творчеству классиков, Н. Рубцов.

В 2024 г. при содействии администрации Вологодского театра юного зрителя вышло востребованное, но редкое по временному запросу издание – альманах «Театры Вологодского края: сценическое прочтение литературного наследия» [5]. Он тут же получил высокую не только читательскую, но и профессиональную оценку – стал лауреатом XIV областного конкурса «Вологодская книга – 24» в номинации «Лучшая книга о Вологодской области». Хочется отметить, что это не только издание, но и, по сути, творческий проект, который включал в себя подготовительный этап обсуждения основных действующих лиц и смысловых линий, презентацию сборника зрительской и читательской аудиторией.

Авторами альманаха стали 16 человек – журналисты, филологи, историки, культурологи и сотрудники театров. Ими была рассмотрена полувековая история сценического прочтения авторов и произведений, связанных с Вологодчиной, и среди них – драматургия В. Белова, В. Астафьева, музыкально-поэтические композиции по стихам О. Фокиной, А. Яшина, Н. Рубцова, А. Романова; проза и поэзия В. Шаламова (спектакль «Поэт»),

биография В. Гаврилина («Монолог в темпе адажио») и рассмотрение города как особого текста культуры в спектакле «Эльфы, орки и другие жители Вологды» (проект Оккервиль-театра).

Рассмотрение истории постановок – интересный факт не только сам по себе, как способ фиксации творческого процесса в провинции, но и пример зарождения и формирования традиции обращения именно к вологодским авторам, а также роли и значения театра в раскрытии творческого драматургического потенциала авторов. И речь в данном случае идет об обсуждениях постановок, сомнениях и пробах, реализации и принятии сценой тех, кого мы нынче, бесспорно, относим к классикам второй половины XX века – о В. Астафьеве и В. Белове. Театр давал возможность писателям идти на эксперимент, проверял драматургическую коллизию непосредственной зрительской реакцией. Все это явления известные и предполагаемые в силу специфики театра как вида искусства, но то, что театр открывал двери молодым тогда и сейчас – дело важное и значимое. Сегодня на сцену со своими работами выходят молодые авторы инсценировок – драматург Анна Гейжан, актеры и постановщики Денис Долбышев, Наталья Ситникова, Любовь Губернаторова, Яна Лихотина и Яна Иванова.

В альманахе названы самые интересные театральные спектакли прошлого и современности, представлены биографические материалы по каждому автору, рассмотрены фрагменты сценической практики 7 театров Вологды и Череповца – явлено этакое «лоскутное одеяло» народной (К. Кокшенева), поколенческой и, одновременно, художественной жизни Вологды и Череповца.

Безусловно, самым интересным и значимым в альманахе явилось приближение, применение театральной оптики в отношении отдельных имен. Далее рассмотрим, как решили эту задачу коллективы вологодских театров, обратившись к поэзии Н. Рубцова, почти одновременно представив на суд зрителей два спектакля: «И буду жить в своем народе...» (автор инсценировки и режиссер Наталья Ситникова, драмтеатр, премьера состоялась 26 мая 2021 г.) и «Корабль моей жизни» (сценарий и режиссура

Дениса Долбышева, руководитель постановки – народный артист РФ Борис Гранатов, ТЮЗ, премьера – 25 сентября 2021 г.).

Жанровые очертания сценического разговора о поэте Н. Рубцове берут свое начало в документальном и любительском кино. Здесь самыми распространенными жанрами о писателях и поэтах являются фильмы-концерты и портретные очерки (литературно-музыкальные композиции или документальные повествования). Именно по этому пути пошли и наши театры. В одном случае – представив на суд зрителей литературно-музыкальную композицию о жизни и творчестве поэта (ТЮЗ), в другом – предложив короткометражный ситком из отдельных жизненных ситуаций, связанных с жизнью поэта (драмтеатр).

«Корабль моей жизни». В спектакле задействовано всего пять человек из труппы театра. Но их выбор не случаен. Это – музыкально одаренные, владеющие разными музыкальными инструментами актеры. Поэтому гармошка (на ней Рубцов научился играть еще в школьные годы) оказывается в руках то Дениса Долбышева, то заслуженного артиста РФ Игоря Рудинского. Иван Белков профессионально аккомпанирует на гитаре, а женские партии достались заслуженной артистке РФ Елене Авдеенко и молодой исполнительнице Татьяне Варенья. То есть, уже сам выбор исполнителей настраивал искушенную публику на то, что в спектакле будет звучать живая музыка и ожидаемо можно рассчитывать на предельно точное музыкальное и речевое интонирование.

Местом происходящего действия была выбрана Малая сцена. Минимум предметов – только несколько белых венских стульев. На заднике луч прожектора освещал портрет молодого Рубцова в тельняшке. Графика контрастов белого и темного, поддержанная освещением – от теплого, обволакивающего все пространство, до резкого, выделяющего отдельную фигуру (художник по свету заслуженный работник культуры С. Шпагин) – фокусировала внимание зрителя. На сцене – ничего лишнего, только актеры и их внутренний диалог с поэтом, внешний – с партнером по сцене. Контакт в спектакле деликатно подчер-

кивался. То и дело звучали привычные в буднях, возможные в жизни, но редко звучащие на сцене – «спасибо», «молодец». Тут на плечиках поправили шаль, там – подали руку и галантно предложили место. Зацепило мыслью: как в жизни.

Действительно, спектакль откликнулся интонацией – неспешной, не надрывной, беспарной. И на этом фоне шел рассказ о мальчике с трудной судьбой и счастливой детской памятью, с юношеским задором и мечтой о море. Подтверждение находилось в строках молодого поэта, повествовании о первой дальней поездке в Ригу, возвращении и учебе, службе на Северном флоте и трудовой жизни в Архангельске, Кировске, Ленинграде. Биографический ряд событий спектакля обрывался отъездом Николая Рубцова в Москву, в связи с поступлением в литинститут. Но финал был закономерен: мы, зрители, расставались с Рубцовым молодым – все еще впереди, он полон надежд, планов... Лейтмотив спектакля читался легко. Это – спектакль о мечте. О том, как это важно, чтобы мечта была! И какое наполнение она имела в творчестве поэта – почувствовать ветер странствий, перемен; ощутить вкус взрослой нелегкой трудовой жизни и, одновременно, жить надеждой, ощущая себя свободным и открытым миру и судьбе.

Эта точно воспринятая театром биографическая линия, представленная пунктиром через поэтические произведения и музыкальный ряд (от частушек, танцевальных мелодий танцплощадок 50-х до знаменитой финальной «Горницы»), возвращала и нас, зрителей, ко времени юности – поре, когда мы много себе наобещали, не со всеми клятвами и ожиданиями справились в дальнейшем, но, тем не менее, легко готовы откликаться на созвучные строки и незамысловатые мелодии... И в этой сопредельности контакт со зрительской аудиторией был полным и жизнеутверждающим. Публика подпевала, с удовольствием реагировала и замирала от точности слова, паузы и, повторяюсь, интонации – тихого внятного человеческого голоса. При этом возникало то катарсическое, необходимое состояние принятия поэта – как будто это ты сам написал простые и глубокие по цельности восприятия жизни строки. В финале

зал приветствовал актеров стоя, луч света, осветив зрителей, останавливался на портрете Н. Рубцова, а актеры, тем временем развернувшись от зрителя, присоединялись к аплодисментам и овациям в адрес Поэта.

Если коллектив ТЮЗа создал музыкально-литературный спектакль, в котором факты биографии Н. Рубцова звучали, сопровождаемые музыкальной палитрой времени (музыкальный руководитель постановки лауреат Государственной премии Вологодской области Лариса Васильева), то коллектив драмтеатра и в качестве основного материала и как аккомпанемент использовал произведения и музыку на слова Н. Рубцова. Чтобы объяснить специфику постановок в сравнении, я бы предложила вспомнить разновидности рельефа – барельеф (выступающий) и контррельеф (вдавленный). Тюзовцы представляли творчество Рубцова, находя артистическую точность совпадений с лирическим героем поэзии, укореняясь, углубляясь в этот образ. Исполнители спектакля **«И буду жить в своем народе»** выбрали другой способ существования в материале. У меня как у зрителя сложилось впечатление просмотра «оживающих» эпизодов жизни Н. Рубцова. Например, посадка на пароход из Вологды и отправка в детдом, сцена в редакции и обсуждение стихов, завалинка и встреча с друзьями (приезд в Николу). В этом спектакле лейтмотивом звучала тема взросления, личностного и творческого роста – как не потерялся, не сломался, не сгинул, а наоборот – состоялся, прозвучал, успел, совершил...

Создатели вологодских спектаклей, конечно же, учитывали опыт музыкальных постановок не только в своих коллективах, но и театральные легенды второй половины XX века. Так, одним из самых успешных музыкально-поэтических театров 60-х начала 80-х была Таганка Юрия Любимова. В спектакле «Послушайте!» появлялось пять Маяковских. Это был спектакль-диспут о судьбе поэта, где личность раскрывалась с разных сторон. Авторы и исполнители вологодских спектаклей исходили из того, что Николай Рубцов это – обычный парень, «поэт из Тотьмы», как он сам представлялся при знакомстве. Именно этим объясняется стремление «распределить» исто-

рии из жизни поэта между разными исполнителями. И в том, и другом спектакле режиссеры предложили хоровой принцип организации действия, когда есть место солированию и ансамблевости, одинокому пронзительному голосу и многоголосию эпохи, страны, поколения.

В спектакле драмтеатра смена актеров, исполняющих Рубцова, помогала показать взросление и становление поэта. В разных эпизодах это были и Максим Юлин, и Георгий Батищев, и Иван Бобровников, наконец, Дмитрий Дядюхин. Создатели спектакля словно подсказывали: «Посмотрите, он один из нас!»

Эта постановка, так же, как и спектакль ТЮЗа, идет на малой сцене, с максимальным приближением к зрителю. Слушаешь рассказ воспитательницы в исполнении заслуженной артистки РФ Марианны Витавской, а представляешь – свою первую учительницу; историю первой влюбленности или семейную драму, но воспринимаешь все это уже иначе – как повод лирического высказывания и освобождения в поэзии от экзистенциального одиночества...

Интересным приемом показалось то, как артисты – участники действия (Наталья Ситникова, Оксана Киселева, Марианна Витавская, Олег Емельянов) – начали вспоминать, что через рукопожатия, например, Ольги Фокиной, Владимира Аринина, они тоже знали Рубцова. А значит, и те, кто сидит в зале, теперь к этому причастны... Столько света и добра было в этой сцене братания и сестринства. И становилось очевидным, почему так бывает хорошо в этом небольшой нашем северном городке, где любят театр и ценят поэзию.

Особо отметим, что спектакль представлял круговорот жизни – отдельно взятой, и глобально – календарной, космической. Вот настала зима. 3 января 1936 г. родился Коля Рубцов, вот раскаты грома и дождь станут точкой отсчета отъезда в Никулу... И так по кругу до тех пор, пока не наступят известные теперь почти каждому вологжанину крещенские морозы 1971 года...

Необычным показалось и художественное оформление фона, на котором разворачивалось действие (художник Надежда Крутова) – по цвету, фрагментарности и геометризму,

отсылающее к В. Кандиднскому и П. Филонову, по узнаваемым очертаниям собора и деревенских домиков – к выходцам нашего Северного края Г. Попову и Г. Асафову. Так в зрительском сознании постепенно, из истории, подсвеченной театральными софитами и артистической магией, рождалась фреска жизни поэта из провинции, которая сама по себе есть остов и космос, глубь и ширь...

Был в спектаклях о Н. Рубцове еще один очень важный сегмент – зрительный зал. В Вологде он очень театральный – чуткий, замирающий, откликающийся. В ТЮЗе одна женщина, реагируя в начале спектакля на выход актеров под гармони, произнесла: «Смотри, как на Андрея Миронова похож». Подумалось: «Все так, с теплотой, как про своих, близких...» Зал пел. Знакомые строчки, любимые мелодии – не стесняясь, без принуждения... Выдержки из отзывов на спектакли: «С первых же минут артисты захватили мое внимание, выйдя в тельняшках, белых рубашках и черных костюмах. А когда один из них развел меха гармоники, я поняла, что он напомнил мне моего деда-капитана: тот так же одевался и звучно, с переливами играл на гармонии... Слеза покатилась у меня по сердцу от эмоций, и я решила, что не пропущу ни единого словечка стихов, песен, воспоминаний о Николае Рубцове!!!» (Татьяна Прошутинская, Красавино) [3]. «Спасибо за спектакль. Очень понравилось. Благодарю за рукопожатие» (Вера Уланова). «Это было так уютно, дружеская атмосфера, песни под гитару... Было ощущение, что сидишь не в театре, а где-то на лужайке... поют птицы, идет дождь, сверкает молния, шумят деревья и река...» (Галина Шилова) [2].

В заключение еще раз отметим, что одним из ключевых факторов успешности спектаклей в жанре литературно-музыкальных композиций является искусство точно найденной интонации – выверенность литературно-музыкальных акцентов, общий смысловой контрапункт. И тогда про спектакли, как в данном случае – о мечте и юности (ТЮЗ), о сложной, но творчески сложившейся судьбе поэта (драмтеатр) можно сказать “взлетело” – они надолго остаются в памяти и по праву занимают особое место в театральной афише современной Вологды.

Литература

1. Гришина С. Плыть, плыть, плыть!.. : в ТЮЗе прошла премьера спектакля-концерта «Корабль моей жизни» по стихам Николая Рубцова / С. Гришина // Культура в Вологодской области : [сайт]. – 2021. – 27 сентября. – URL: <https://cultinfo.ru/news/index.php?CODE=plyt-plyt-plyt-v-tyuze-proshla-premera-spektaklya> (дата обращения 10.07.2025).
2. «И буду жить в своем народе...» : музыкально-поэтическая композиция по мотивам творчества Н. Рубцова // Вологодский драматический театр : [сайт]. – URL: <https://dramtheater.ru/glavnoe-menyu/afisha/repertuar/i-budu-zhit-v-svoem-narode.html> (дата обращения 10.07.2025).
3. «Корабль моей жизни» : литературно-музыкальная композиция о жизни и творчестве Н. Рубцова // Вологодский областной театр юного зрителя : [сайт]. – URL: <https://granatov.ru/plays-069.htm> (дата обращения 10.07.2025).
4. Николай Рубцов на Тотемской земле / ВРО ОДОО МАН «Интеллект будущего», Тотемское музейное объединение ; авт. и сост.: Г. А. Мартюкова, А. М. Новосёлов ; ред.: Е. А. Скупинова, И. Б. Воронин. – Вологда : Древности Севера, 2021. – 503 с.
5. Театры Вологодского края : сценическое прочтение литературного наследия / [Вологодский областной театр юного зрителя и др. ; редколлегия: Журавлева А. О. (ответственный редактор) и др.] – Вологда : Печатник Савва, 2024. – 167 с.

МИР ПРИРОДЫ В ПРОЗЕ Н. М. МЕЛЕХИНОЙ

Аннотация. В статье рассматриваются понятие «мир природы», его структурные составляющие, а также мотивы обращения Н. М. Мелехиной к теме природы. Образы природных явлений в рассказах и прозаических миниатюрах автора сопоставлены с подобными изображениями в прозе В. И. Белова в их взаимосвязи с представлениями о деревне: установлены черты сходства, различия между ними, а также причины расхождения двух писателей в отношении к явлениям данного типа.

Ключевые слова: В. И. Белов, Н. М. Мелехина, мир природы, понятие, тема, мотив, писатели-деревенщики, писатели-натуралисты.

Тема природы – одна из центральных в творчестве отечественных писателей второй половины XX века. Способы ее воплощения и интерпретации в литературе разнообразны и зависят от идейных установок автора, жанровых особенностей произведения, его проблематики и социальных, нравственных характеристик персонажей. Детальный анализ прозаического художественного текста на данную тему, на наш взгляд, позволяет увидеть и различия в трактовке понятий «мир природы», «пейзаж», «образ природы». Аксиологические суждения об этом можно найти в статье Д. А. Богача «Проблемы понимания образа природы в литературоведческой науке». Он утверждает, что «природа в художественной реальности – изображение естественного мира, естественной среды обитания, природных пространств (это и есть собственно пейзажи), “портрета” местности, пейзажных элементов (в этом случае речь идет об отдельных природных явлениях – например, дереве, реке, небе, земле, солнце), а также изображение животного мира и мира живой природы» [4, с. 23].

Таким образом, вслед за Д. А. Богачем под миром природы в литературе мы будем понимать целостное представление о

естественном мире, окружающем человека, которое реализуется через следующие структурные элементы: пейзаж, образ, сопутствующие темы и мотивы. Иными словами, «мир природы» – это совокупность всех связанных друг с другом художественных элементов текста, воплощающих представления о естественной среде и взаимоотношениях ее с человеком.

Чем обусловлен, что вбирает в себя и как воплощается «мир природы» в произведениях XXI века, в том числе у региональных авторов, – на эти вопросы мы попытаемся ответить, рассматривая творчество современной вологодской писательницы Натальи Михайловны Мелехиной. В 2001 г. она окончила факультет филологии, теории и истории изобразительного искусства Вологодского педагогического университета. После окончания вуза пришла работать в областную газету «Премьер». В 2011 г. Наталья Михайловна начала писать прозу. На данный момент она – автор девяти книг: «Медведь с заплатой на ухе» (2012), «Забывай, как звали» (2013), «По заявкам сельчан» (2015), «Дорогие вещи» (2016), «Александр Панкратов» (2017, переиздание 2018), «Поисковики Вологодчины. Начало» (2018), «Железные люди» («Эксмо», 2018), «Перевал Волкова» (2021), «Животинки из Паутинки» (2024). Эти ее книги выходили в Вологде, Череповце, Москве. В 2021 г. она стала членом Союза писателей России [1, с. 1].

По мнению критиков, Наталья Мелехина относится к писателям-деревенщикам, а на основании позиции, обозначенной ею в манифесте, опубликованном в 2023 г., – к деревенщикам новой волны. В ее произведениях главной темой является именно деревенская жизнь, которая в современных условиях находится под угрозой исчезновения. Сельский быт в ее рассказах тесно переплетен с пейзажами русской природы.

Писательница в свои небольшие по объему рассказы часто включает картины природы: занесенная снегом деревня, весенняя охота, поход за грибами и т.д. В некоторых ее произведениях природа и природные явления очеловечиваются, наделяются эмоциями, обретают способность к переживаниям и поступкам.

Одной из причин обращения писательницы к теме природы можно назвать ее происхождение: Наталья Михайловна родилась и выросла в Полтинино, небольшой деревне Грязовецкого района. Она является заслуживающим доверия «свидетелем» деревенской жизни и, несомненно, ее органичной связи с природой.

Безусловно, повлиял на автора и опыт раннего чтения произведений писателей-натуралистов, охотничьих рассказов Виталия Бианки, Михаила Пришвина. Этот опыт давали и рассказы В.И. Белова – вот почему выявление особенностей мира природы в прозе Н. М. Мелехиной может производиться в ходе сопоставительного анализа ее произведений с произведениями Белова.

Другую причину обращения к данной теме мы видим в стремлении найти гармонию между человеком и окружающим миром. Писательница подчеркивает важность природного окружения и его влияния на душевное состояние человека.

Изданиями, в которых наиболее полно представлен мир природы, по нашему мнению, являются следующие сборники писательницы: «По заявкам сельчан» (2015), «Перевал Волкова» (2021), «Животинки из Паутинки» (2024).

В сборнике «Животинки из Паутинки» мир природы – это прежде всего живые существа и растения, «одомашненные» деревней Полтинино: семейство диких ежей, синицы с воробьями, розан из госучреждения. В рассказах «Улыбнитесь: вылетит птичка!» и «Воробышка Тишка» писательница знакомит нас с ежегодной «зимней столовой», которую посещают птицы. Н.М. Мелехина показывает бережное отношение человека к природе, напоминает о том, как о ней можно позаботиться любому из нас. В рассказе «Переполох в клубничнике», где главным героем выступает другой лесной житель, Еж Иванович, который «поселился» в огороде вместе со своей семьей, также основной мыслью является бережное и терпеливое отношение к природе.

Тема эстетического и нравственного воздействия явлений природы на героев разного возраста представлена в таких рассказах, как «И падали листья» (красота осени здесь вдохновляет

главных героев, побуждает их к дружбе), «Все перемелется» (предосенний лес навевает на героев грустные воспоминания) – из сборника «Забывай как звали»; «Весна и смерть Семенова» из сборника «По заявкам сельчан» (весеннее время года «пробуждает» оттепель не только в природе, но и в душе главного героя); «Сердце Родины» (с морем прощается главный герой, грузин Авто: именно оно вызывает в молодом человеке чувство любви к своей родине), «Пестерь-невидимка» (прогулка по лесу возвращает главных героев в их детство) – из сборника «Перевал Волкова»; «Дюдя и золотинки» (главная героиня наблюдает за птицами и замечает странное поведение одной из них, вместе с братом «учит» ее манерам) – из цикла «Дашкины рассказы».

В творчестве писательницы деревня и природа образуют единое пространство. Деревенские дома, поля, дороги описаны как органичная часть лесного и даже водного ландшафта Вологодчины. Деревенская жизнь у Н. М. Мелехиной, как у некоторых писателей-народников XIX века, подчинена природным циклам: смена времен года определяет весь ритм труда (посев, сенокос, уборку урожая, заготовку дров) и быта. Без понимания этих циклов невозможно понять жизнь ее героев. И в этом отношении следует согласиться с мнением писательницы Г. Щекиной: «Наталья Мелехина – продолжатель традиций Василия Белова. Уклад русской деревенской жизни, включающий животных, явления природы, сезонные изменения погоды, для нее – нечто исконное, сложившееся веками» [2].

Мир природы в художественных произведениях Н. Мелехиной действительно обнаруживает частичное сходство с миром природы у Белова. Это находит выражение в использовании определенных образов природы. Для сопоставления мы использовали ранее названные сборники Н. Мелехиной и сборник В. Белова «Рассказы о всякой живности», а также его произведения «На родине» и «Мишук».

Наталья Михайловна выводит на страницах своих произведений образы тех же домашних животных, что и Василий Белов: собак (собаки Вега и Пунька, пес Байкал – у Мелехиной и

собака Малька, пес Валдай – у Белова), котов (кот Рыжик, кошки Муська и Рыська, котенок Мэнсон – у Мелехиной и коты Рыжко и Заплаткин – у Белова).

Есть совпадения и в выборе диких зверей, прежде всего – медведей: «Цирк малиновый» Мелехиной и «Мишук» Белова. Но если у Мелехиной медведь изображен реалистично, то у Белова – это, скорее, условный, сказочный персонаж.

Можно отметить и черты сходства в изображении птичьего мира: воробьи («Воробьишка Тишка» у Мелехиной и «Как воробья ворона обидела» у Белова), синицы («Улыбнитесь: вылетит птичка!» у Мелехиной и «Последняя синичка» у Белова), дятлы («Дюдя и золотинки» Мелехиной и «Душа бессмертна» у Белова).

Частично совпадают у них и изображения таких «объектов» природного мира, как деревья. И Мелехина, и Белов в пейзажных зарисовках часто используют описания берез, но при этом содержание образов этих деревьев у авторов все же разное. В рассказе «И падали листья» Н.М. Мелехина описывает березы как ласковых сестер, которые гладят старого и малого по макушкам и спинам листочками-ладошками. В.И. Белов в рассказе «На родине» шелест берез интерпретирует как «укор вечных свидетельниц человеческого горя и радости» [3, с. 272].

Таким образом, Мелехина и Белов едины в утверждении ценности взаимосвязи человека и природы. Однако в художественной реализации этого мотива у них есть различия.

Природа у Н. М. Мелехиной часто представлена через призму эмоционального состояния персонажей. Писательница использует яркие и метафорические образы, чтобы передать переживания героев. Например, в рассказе «Перевал Волкова» ливень сыплется будто бы в унисон головной боли главного героя и заканчивается лишь в финале произведения. В прозе же В. И. Белова природа описывается более лаконично, не имеет столь явной связи с эмоциональным состоянием героев. Он акцентирует внимание на конкретных деталях, создавая ощущение подлинности и близости к реальности. А эмоциональное состояние персонажей нередко уходит у него в подтекст.

Различия наблюдаются и в использовании культурных и исторических контекстов при изображении природного мира. Природа в произведениях Н. М. Мелехиной часто связана с культурными и охотничьими традициями (рассказ «Тяга»), с мифами (рассказ «Рябинник-оборотень»), что расширяет символические подтекстовые значения различных ее явлений. У В. И. Белова природа чаще изображается в контексте повседневной жизни и быта крестьянина, что делает ее более приземленной.

Охотничьи мотивы у писательницы автобиографичны: в одном из своих интервью она пояснила, что на охоту ее начали брать еще с дошкольных лет. В рассказе «Тяга» подробно описана весенняя охота на вальдшнепа. У Василия Белова же охотничий промысел в прозе вообще не отражен. По-видимому в его жизненном опыте эта сторона деревенской жизни отсутствует.

Интересны различия и в аспекте связи ребенка с естественным миром: эта тема характерна больше для Н. М. Мелехиной, прежде всего – в миниатюрах (рассказы «Пестерь-невидимка» и «Как падали листья») и в циклах (цикл «Дашкины рассказы»). Примечательно, что писательница не относит себя к детским писателям, однако ориентир на детское восприятие, интерес к особенностям детской реакции на природные явления в ее произведениях, несомненно, ощутимы и позволяют включать отдельные ее произведения и фрагменты из них в практику школьного преподавания.

Главная же причина расхождений нам видится в различных типах художественного обобщения и разности подтем, способствующих формированию представлений о природе. Н. М. Мелехина часто исследует внутренний мир своих героев; их психологические состояния и эмоциональные реакции для нее нередко первичны, это основа личных драм и конфликтов с другими персонажами. В. И. Белов больше уделяет внимания социальным и историко-культурным аспектам жизни, исследуя будничное течение жизни деревни, бытовые традиции и сосредотачиваясь на коллективных переживаниях. Его персонажи в большей степени типажны, представляющие определенные социальные группы. Размышляя об отличительных особенностях

двух авторов, следует помнить и о том, что они принадлежат к разным поколениям, являются свидетелями разных эпох. Деревню послевоенной поры Н. М. Мелехина не застала, она наблюдала иные этапы ее жизни. Процесс изменения образа жизни сельских жителей в постперестроечное время приобрел обвальный характер, отток населения из деревень стал массовым явлением, а существование редких старожилов в условиях обезлюдевшей деревни как более экстремальное и приближенное к выживанию в условиях дикой природы в начале 2000-ых уже никого не удивляло. Это была современность Натальи Мелехиной. Показательно в данном отношении следующее высказывание писательницы: «У меня со школьных лет было сложное отношение к творчеству Василия Ивановича Белова. Когда я читала, скажем, его “Кануны” и другие вещи подобного рода, я остро чувствовала то несоответствие, которое было между беловским деревенским миром и тем, что я видела вокруг. В произведениях Белова – огромная и могучая сельская цивилизация; крестьяне, фактически держащие на своих плечах всю Россию. Моя деревня – четыре жилых дома с живущими в них стариками» [5].

Таким образом, творчество Н. М. Мелехиной, как представительницы нового поколения писателей-деревенщиков, по ряду аспектов продолжает традиции В. И. Белова. Однако при этом мы наблюдаем и существенные отличия в трактовке мира природы между ними. Если для В. И. Белова природа часто является фоном для изображения крестьянского быта, источником труда и испытаний, то у Н. М. Мелехиной она становится самостоятельным, одухотворенным субъектом, с которым человек вступает в диалог. Ее подход отражает новое, тонкое, психологическое и осознанное восприятие мира природы, где акцент смещается от хозяйственного освоения к духовному соприкосновению. Природа для нее – не только фон, но и активный участник событий, способный влиять на судьбы героев.

Подводя итог, вновь обратимся к понятию «мир природы», образно воплощенному в прозе современного автора – Н. М. Мелехиной. Писательница в своих произведениях исполь-

зует разные структурные элементы природного мира: состояние русского леса в разные времена года, образы домашних животных и диких зверей, растений. При этом одной из ключевых у нее становится тема неразрывной связи природы и деревни.

Говоря о сопутствующих мотивах, стоит указать на мотив урбанистический: городская цивилизация, существование человека в индустриальном пространстве приводят к нарушению взаимодействия с природой. Произведения Н. М. Мелехиной в определенном смысле являются критикой современного общества, в котором человек часто забывает о своих корнях, о важности сохранения и поддержки связи с естественной средой жизни, с земными заботами, с любовью к животным. Писательница подчеркивает необходимость возвращения к простым, естественным радостям и ценностям, которые можно найти в природе.

Следует отметить и еще один важный мотив – мотив сохранения культурных традиций и ценностей, значимости промыслов, порожденных отношениями «человек-природа». Н. М. Мелехина показывает, как окружающий мир влияет на образ жизни людей, их обычаи. В ее прозе природа становится символом связи с предшествующими поколениями, знаком духовной преемственности, подчеркивается необходимость гармоничного сосуществования человека и природы.

Во многих своих произведениях Н. М. Мелехина учит видеть в лесе нечто большее, чем множество разных деревьев, слышать не только пение птицы, чувствовать не просто дуновение ветра или шум дождя, но и постигать ответ природы на человеческие вопросы и сомнения. Вот почему можно говорить о продолжении ею традиций деревенской прозы, традиций многих писателей-натуралистов, об участии ее в разработке художественными средствами концепции «человек в мире природы».

Литература

1. Андреева Т. А. Космос Натальи Мелехиной / Т. А. Андреева // Проза.ру : [литературный портал]. – 2019. – URL: <https://proza.ru>.

- ru/2019/12/22/1161?ysclid=m3rncv4f7798617392 (дата обращения: 20.10.2025).
2. «Перевал Волкова» : традиции деревенской прозы в современном переложении. – Текст электронный // Архангельская областная научная библиотека им. Н. А. Добролюбова : [сайт]. – Архангельск, 2021. – URL: <https://www.aonb.ru/event/4122-pereval-volkova-tradicii-derevenskoj-prozy-v-sovremennom-perelozhenii.html> (дата обращения: 20.10.2025).
 3. Белов В. И. На родине / В. И. Белов // Белов В. И. Собрание сочинений в 7 томах. – Москва : Классика, 2011. – Т. 1. – С. 270–272.
 4. Богач Д. А. Проблемы понимания образа природы в литературоведческой науке / Д. А. Богач // Вестник Челябинского государственного университета. – 2017. – Вып. 6. – С. 22–29.
 5. Прозаик Наталья Мелёхина читает отрывок из беловских «Канунов» // Культура Вологодской области : [сайт]. – Вологда, 2017. – 26 октября. – URL: <https://cultinfo.ru/news/2017/10/prose-writer-natalya-melekhina-in-word-belov?ysclid=mhkgy5k5ky840223612> (дата обращения: 20.10.2025).

ПРИНЦИП КОНТРАСТА В ПОЭЗИИ СЕРГЕЯ КОРОЛЕВА

Аннотация. В статье контраст рассматривается как главный организующий принцип поэтики Сергея Королева. Отмечается как внутри-, так и экстратекстовый контраст. Помимо композиционной роли, подчеркивается аксиологическая функция контраста. Лирический герой поэзии Королева показывается как пребывающий во множественных оппозициях, что создает ценностное напряжение, благодаря которому стихи и получают свое неповторимое звучание.

Ключевые слова: Сергей Королев, контраст, антитеза, противопоставление, поэтика, поляризация

Поэт Сергей Королев прожил недолгую жизнь и оставил после себя не так много стихов. Писали о нем мало. Возможно, если бы не проект Бориса Кутенкова и Ирины Медведевой «Они ушли. Они остались», посвященный рано ушедшим поэтам, память о Сергее Королеве была бы еще менее заметной. Правда, в век видеоконтента большой «отдушиной» в этом смысле является документальный фильм Т. В. Ржанниковой «Повторите небо» [5], который представляет Сергея Королева и как поэта, и как человека. Однако, на наш взгляд, такой поэт, как Королев, заслуживает большего внимания и более пристального прочтения.

У Сергея Королева вышло несколько подборок стихов в журналах «Алконост», «Дети Ра», «Литературная учеба» и три книги стихов. Впрочем, две из них, 1997 и 2000 гг., содержат ранние, юношеские стихи и изданы крошечным тиражом. Поэтому мы в своем анализе будем ориентироваться на книгу «Повторите небо», выпущенную издательством «Воймега» в 2011 г., где содержится поздняя (как ни грустно звучит в данном случае это слово) и наиболее зрелая лирика.

Критики, писавшие о Королеве, отмечали «сочетание несочетаемого» [3], внутренний конфликт, который проявляется в

«антитетичности отдельных строк» [2], «двойственность смыслов», которая «чрезвычайно характерна для поэтики Сергея Королева. Причем характерна на самых разных уровнях – от строк до глав» [4]. Все это – те или иные наименования контраста, который является главным композиционным принципом поэтики нашего земляка.

Контраст – это, безусловно, общее междисциплинарное понятие, это, как пишет Э.В. Седых, «универсалия, на которую опирается любое исследование и без которой невозможен никакой семиозис» [6, с. 7]. В поэзии контраст может реализоваться на всех уровнях – от фонетического до экстратекстового. Мы не ставили себе задачу проследить эту реализацию на каждом из уровней и терминологически обозначить все возможные ее варианты. Нам казалось важным увидеть контраст не только как композиционный принцип, но и как своеобразный ключ к аксиологии поэзии Сергея Королева.

Безусловно, главной темой Королева является тема смерти. Она, как правило, показана через оппозицию к жизни: «Озаренный танец смертных тел В жизни, что загадочно-проста» [1, с. 8]; «И после жизни мы в свое окно Из смерти в жизнь заглядываем сами» [1, с. 23]; «Суть не важно, на каком ты свете Предан другом, поражен мечом... Стоит лишь живому умереть, и Снится жизнь. Недолго. Ни о чем» [1, с. 13]. В последнем случае стоит указать и на то, что тут есть экстратекстовый контраст, с очевидной аллюзией к гамлетовскому: «Какие сны приснятся в смертном сне, Когда мы сбросим этот бранный шум» [8, с. 71].

Контраст жизни и смерти бывает показан не только противопоставлением лексем «жизнь» и «смерть». Вот другой пример: «Есть любовь, пока душа в цвету И сырой прохладой не сквозит» [1, с. 8]. Или классическая календарная оппозиция примерно с тем же смыслом: «Я начал думать по весне, Когда же осени черед» [1, с. 38].

Иногда контраст жизни и смерти усилен тем, что речь идет не просто о жизни, но о жизнелюбии, и не просто о смерти, а о суициде. Так, например, одно стихотворение, где лирический герой рассматривает фотографии в альбоме, заканчивается

таким четверостишием: «Вспоминаю вас издалека, Ваши руки, размытые лица – Память вечна, земля глубока, Жизнелюбцы и самоубийцы» [1, с. 35]. Подобное же противопоставление в строчках: «И брожу меж вас мертвецом С улыбающимся лицом» [1, с. 44].

В стихах о любви (которая очевидно входит в орбиту «жизни») тоже присутствует это противопоставление. Так, например, все стихотворение «Больше не будешь меня поднимать среди ночи» [1, с. 11] целиком построено на контрасте живой лирической героини и мертвого (спящего в холоде мертвых) лирического героя. Также интересно в другом стихотворении подразумеваемое противопоставление в строке: «Не хочу без тебя доживать» [1, с. 48] (контраст с клише «Не могу без тебя жить», причем контраст двойной: хочу/могу и доживать/жить).

Несмотря на завороченность смертью, основная интенция лирического героя состоит все же в том, что он ищет некое противоядие от нее. И здесь вступает в свои права другая важная тема (и другой важный контраст), тема героизма, героев. Герой (не лирический герой, а герой как носитель подлинно героического) есть тот, кто противостоит смерти, он жизнестремителен. Стихотворение «Если судить по бабкам да по дедам» посвящено именно этому. Прочитируем его полностью:

Если судить по бабкам да по дедам,
Так жизнь моя не пройдена на треть;
Они не торопились умереть,
И я не тороплюсь за ними следом.
Теряя счет волнениям и бедам,
Под пулями сгибаясь до земли,
Они порой ложились и ползли –
Но выползали к славе и к победам.
Мы переждали и взошли, как зерна:
У бабки народилась мать моя,
А после внучек – это, значит, я;
У бабушки был дом фугаской взорван,
Расстреляна, рассеяна семья...
Чего же я хандрю, щенок позорный?
[1, с. 9]

Лирический герой понимает свое несоответствие предкам, которые «выползали к славе и победам». Из-за этого на стилистическом уровне появляется контраст словесных рядов: высокого – «слава, победы, волнения, беды» и низкого – «щенок позорный».

Героическая тема продолжается и в других стихах, причем в одном из них она решена через контрастные рифмы:

Перед культом богов и героев
Неприлично считаться в живых;
Не гордиться своим геморроем
За отсутствием ран ножевых
[1, с. 10].

«Герой» и «геморрой», конечно, слова из разных, контрастирующих друг с другом стилистических рядов. Но и «живых»/«ножевых» – тоже контрастная рифма (нож как оружие, отбирающее жизнь, тем более что именно в этом значении оно присутствует в данном контексте).

Впрочем, надо заметить, что героическое у Королева в большей степени отнесено к прошлому, не только к «бабкам и дедам», но даже к Средневековью (стихотворения «Холодно в твоём Средневековье» [1, с. 13], «Рай Чингисхана» [1, с. 12]). Но прошлое недоступно, и поэтому подлинно героическое как антитеза смерти оказывается также недоступным. Лирический герой, тем не менее, ищет героическое в настоящем – и находит современного героя. Он, однако, – по контрасту – оказывается несколько иным:

Когда героев не останется,
Когда последние уйдут –
Наверно, так же дворник-пьяница
Дорожки выметет в саду.

А заканчивается это стихотворение так:

Земля бездетная валяется,
Стоит единственный живой
Дурак с метлой – и ухмыляется
Героем третьей мировой!
[1, с. 18]

Современный герой – дурак. Однако это слово в поэтике Королева довольно далеко от привычного смысла. Оно ближе скорее к шукшинским чудикам, как справедливо замечал Андрей Пермяков. «Дурак» – это скорее человек немножко не от мира сего, человек, не вписывающийся в современную жизнь.

У Сергея Королева много таких стихов, в особенности тех, где речь идет о поэте (фигуре и самом существовании поэта) и поэзии:

Только мы бряцаем миру:
Ты дурак да я дурак,
Как ни строим спьяну лиру –
Получается никак!
[1, с. 14]

Или:

Побежала метла по плевкам,
По окуркам да по листве.
Вася – гений. Значит, пока
Вася дворничает в Москве.

И конец стихотворения:

Стой же, гений, с метлой в руках
Или с пивом в тени ларька –
А не памятником в Москве!»
[1, с. 27]

И это лишь два подобных примера. Гений, поэт, дурак – это современное, пусть редуцированное, несколько нелепое, но героическое, противостоящее смерти.

«Невписываемость» «дурака» в современную жизнь особенно ярко показана на контрасте с наиболее очевидной «вписываемостью»:

Много одинаковых красавиц,
Много одинаковых красавцев –
Что идут, асфальта не касаясь,
Ниже их достоинства касаться
Жизни неразбавленно-реальной
И не отдаваться жизни даром –
Но идти с улыбкою журнальной
По весенним глянцевым бульварам,
Над чужой бедой неуголимой,
Высоко над смертною угрозой
И нести безликим-нелюбимым
Тоже одинаковые розы.
Повезло иметь глаза пустые
Цвета бледного спитого чая –
И прожить как птицы и святые,
Не касаясь зла, не замечая.

[1, с. 16]

Трафаретный образ современной куклы (неважно, женского или мужского пола) не касается неразбавленно-реальной жизни и тем самым не касается ни смертной угрозы, ни зла. Здесь есть своего рода антиномия. Лирический герой Королева, конечно, бесконечно далек от этих «одинаковых красавцев», хотя именно такой образ жизни удачнее всего – по его же словам – противостоит смерти. Но антиномия эта лишь кажущаяся, ведь суть героического (пусть и редуцированного до образа «дурака») состоит не в отказе от соприкосновения со смертью, а в противоборстве ей. Говоря словами Блока, герой Королева хочет «безумно жить», а не «жить, не замечая».

И тем не менее нужно заметить, что лирический герой Королева оказывается, по сути, сразу в множественной оппозиции: в оппозиции к смерти, в оппозиции, пусть и неполной, к героическому из прошлого, в оппозиции к современной жизни.

Если же говорить о поэтике контраста, то ярче всего эта множественная оппозиционность выражается в экстратекстовом контрасте, в аллюзиях к текстам других поэтов, которые носят именно контрастный характер. Например:

Только время ковыляет
Без заботы и труда. –
Птичка Божия не знает?
Замолчите! Ерунда». [1, с. 45]

Или:

Колокол, колокол! бьет ни по ком!
Всех утонувших разбудит на дне.
По морю, по морю – только пешком! –
Как малoverы пройдут по воде?
[1, с. 19]

Возможно, наиболее показательное для этой поэтики стихотворение «Ветеран ВОВ Н. Потапов»:

Ветеран ВОВ Н. Потапов –
Он за Родину в танке горел,
И в бараках Освенцима прел,
И у наших пошел по этапу –
В общем, много чего посмотрел...
Изработался и постарел –
И его позабыли, как тапок
За диваном; все как у людей:
Светлый праздник Девятое мая,
И единственный орден надраен...
С килограммом говяжьих костей
Кривулями московских окраин
Он бредет, как та-ра-рам хозяин
Необъятной та-та-та своей.
[1, с. 30]

Здесь вообще почти каждое слово пронизано этими диалогическими отношениями с чужим словом (вернее, с чужими словами, так как подспудный спор идет не только с конкретными текстами, как, например, с «Песней о Родине» Лебедева-Кумача, но и со стилями, которые за счет этого диалога вплетаются в поэтический текст).

Лирический герой Королева – если возвращаться к целому книги – буквально пронизан противостояниями, причем по совершенно разным линиям. Все это выражается в поэтике контраста. И именно это, на наш взгляд, делает поэзию Сергея Королева яркой и запоминающейся. Л. Ю. Фуксон писал: «Как известно, ценность дихотомична... В художественном произведении это выражается как поляризованность его мира. Именно поэтому художественный смысл, сплошь оценочный, тоже дихотомичен» [7, с. 207, 216].

Мир поэзии Королева почти в каждом стихотворении ярчайшим образом поляризован (в одном из стихотворений он и сам проговаривается: «Наша полярность поможет почти обессрочить Миг узнавания в темных и узких воротах» [1, с. 11]). И именно это создает прежде всего ценностное напряжение. Лирический герой пребывает в этом напряжении, он – как, к сожалению, и автор – не находит из него выхода. Он не дает читателю ответов, он предлагает задаться теми же вопросами, окунувшись в определенным образом переживаемую реальность. Но, может быть, в этом и есть подлинное существо поэзии.

Литература

1. Королев Сергей. Повторите небо / С. Королев. – Москва : Воймега, 2011. – 56 с.
2. Кутенков Б. В. Озаренные дворники / Б. В. Кутенков // Независимая газета. – 2012. – 15 марта. – URL: https://www.ng.ru/poetry/2012-03-15/6_korolev.html (дата обращения:)
3. Переверзин А. Неприкаянный / А. Переверзин // Арион. – 2011. – № 2. – URL: <https://litvek.com/br/398567?p=1>

4. Пермяков А. Эхо нездешнего света / А. Пермяков // Знамя. – 2012. – № 6. – С. 210-213.
5. Повторите небо (2020) : документальный фильм о Сергее Королеве / реж. Т. В. Ржанникова. 00:57:56 (время воспроизведения). – URL: https://vk.com/video-141363876_456239062 (дата обращения:)
6. Седых Э. В. Контраст в поэзии как один из типов выдвижения : на примере циклов стихотворений «Песни Неведения» и «Песни Познания» Уильяма Блейка : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / Э. В. Седых ; Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. – Санкт-Петербург, 1997. – 18 с.
7. Фуксон Л. Ю. Проблемы интерпретации и ценностная природа литературного произведения : специальность 10.01.08 «Теория литературы, текстология» : диссертация на соискание степени доктора филологических наук / Л. Ю. Фуксон ; Уральский государственный педагогический университет. – Кемерово, 2000. – 283 с.
8. Шекспир У Гамлет / У. Шекспир, пер. М. Лозинского // У Шекспир. Полное собрание сочинений. В 8 томах. – Москва : Искусство, 1960. – Т. 6. -- С. 5–157.

ДВЕ НЕЗАМЕЧЕННЫХ ЕЛЕНЫ В ВОЛОГОДСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ РУБЕЖА XX–XXI ВЕКОВ (ЕЛЕНА ВИНОГРАДОВА И ЕЛЕНА БЕЛОВА)

Аннотация. В статье рассматриваются особенности биографии и творчества двух вологодских авторов, поэта Елены Виноградовой и прозаика Елены Беловой, определяются различные и общие свойства их поэтик, главные моменты их проявления в вологодской литературе рубежа XX–XXI веков и основные причины незаметности этих авторов в региональном литературном процессе.

Ключевые слова: Елена Белова, Елена Виноградова, Евленья, проза, поэзия, стихотворение, автор, О. А. Фокина, книга, публикация, семья, природа, интернет.

Елена Виноградова и Елена Белова, включаемые по месту рождения и проживания, а также отчасти по месту публикаций и оценок в вологодскую литературу того периода, который охватывает конец 1990-х и первые два десятилетия XXI века, это авторы, несомненно, очень разные. Они проявили себя в разных художественных плоскостях, поэзии и прозе, – друг с другом не были знакомы и друг друга даже не читали. В биографическом отношении их, помимо факта рождения и жизни в Вологодском крае, сближает лишь то, что обеим довелось поработать уборщицами, столкнуться с безработицей и острым безденежьем, но и это, скорее, обусловлено общими историко-социальными обстоятельствами времени. Тем не менее есть возможность рассмотрения их вклада в отечественную словесность в контексте вологодской словесности и даже выявления общих моментов в поэтике и сложении творческих судеб.

Елена Михайловна Виноградова, часто публиковавшаяся под псевдонимом Евленья¹ Виноградова (11.03.1962 – 19.02.2025), прежде всего поэт, а не прозаик, хотя к повествованиям в прозе изредка обращалась: ряд набросков, черновых автобиографических фрагментов, совпадающих с жанром поста в социальной сети, можно найти там же, где размещен основной корпус лирических стихотворения Евленьи Виноградовой – на сайте Стихи.Ру. [9]. Но в периодических изданиях регионального и общероссийского уровня, таких, как «Советская мысль» (Великий Устюг), «Вологодский литератор», «Вологодский ЛАД», «Литературная газета», «Сибирские огни», «Нева», публиковались именно стихи. В 2018 г. журнал «Эмигрантская лира» представил лирические произведения Евленьи Виноградовой в разделе «Поэзия метрополии» наряду со стихотворениями Сергея Гандлевского и Вероники Долиной.

Писать, а тем более печатать свои стихи Елена Виноградова, по собственному ее признанию, начала довольно поздно, когда ей было уже тридцать лет. Отсылка к девичьей фамилии Шарыпова включена ею лишь в стихотворение «Автобиографическое» [6]. Родилась в Великом Устюге, детство прошло в Евпатории, в юности недолго жила в Москве, а в начале нового века, до 2006-го г., в Вологде, потом бывала в областной столице наездами, последнее время только по юридическим и медицинским делам. Ушла из жизни после длительной неизлечимой болезни в родном городе, и главные этапы ее творческой судьбы связаны тоже с Великим Устюгом. По профессиональному образованию она – дизайнер одежды (училась в Московском текстильном институте на факультете прикладного искусства) и резчик по дереву (окончила художественное училище Великого Устюга), трудилась на заводе «Северная чернь», затем на различных подсобных работах; с литературным творчеством была связана через литобъединение «Северок» и газету «Советская мысль», где также короткое время работала журналистом.

¹ Далее в отдельных случаях будем использовать и данный псевдоним по причине представления автора по нему в некоторых изданиях.

Наиболее активный период творческого развития, публикаций, участия в литературной жизни региона, семинарах, выступлениях – 2010-е годы. Помимо довольно многочисленных публикаций, в том числе в интернет-пространстве, участвовала в передаче «Вечерние стихи» в 2013 г., причем по результатам зрительского голосования в прямом эфире «Вечерней Москвы» заняла 2 место, а по выбору профессионального жюри, в которое вошли Марина Кудимова, Константин Кедров, Елена Кацюба, Евгения Коробкова и другие опытные редакторы и критики, – 3 место, затем участвовала в различных поэтических конкурсах, в 2014 г. возглавила группу экспертов поэтических текстов на открытом Архангельском областном интернет-конкурсе «Брусника», в дальнейшем выступала в качестве внимательного рецензента и комментатора на конкурсах с тем же названием, неоднократно побеждала на них как участница, легко справляясь с подбором своих произведений на заданные темы. В 2019 г. приняла участие в международном конкурсе поэтов-неэмигрантов в номинации «Неоставленная страна», проведенном «Эмигрантской лирой». Законченных стихотворений, представленных в интернет-публикациях с учетом сайта Стихи.ру, у автора не менее трехсот, примерно половина этих произведений (некоторые после авторской редакции) вошла в три книги: «Ожидание» (Вологда-Великий Устюг – 2003), с авторским предисловием [2] ; «Осколки» (Вологда – 2007) с предисловием Василия Ситникова [3]; «Отчаянная радость» (два издания: Вологда – 2007; Великий Устюг – 2008) с послесловиями или – во втором – предисловиями Василия Ситникова, Арсения Никитенко [4; 5] Все три книги имеют признаки самиздатовских, общий тираж их невелик. С конца 2010-х гг. русский эмигрант Владимир Узландер (Израиль, Канада) написал и исполнил больше двадцати песен на стихи Евленье Виноградовой [13].

Четвертая книга стихов, сложенная поэтом в середине 2010-х гг., так и не увидела свет, небольшое обзорное предисловие к ней было написано Ниной Веселовой. Условное рабочее название этой неизданной книги – «Распоследний рай»².

Поэтический путь Елены Виноградовой охватывает период с 1996-го по 2022-й г., и даже самая краткая и общая его характеристика может учитывать оценочные отзывы О.А. Фокиной (1937–2023), ставшие известными автору данной статьи в ходе личного общения. По первой подборке, представленной в середине 1990-х гг. на литературный семинар в Великом Устюге, в лирических опытах отмечена негизетная тематика, восходящая к формуле «он-она», сочетание словесных выкрутасов, нарочитой запутанности с примитивной рифмовкой. Из всей подборки выделено лишь восьмистрочное стихотворение «Бочка» (оно включено автором в две последующие книги с посвящением Ольге Фокиной). Устный отзыв известной поэтессы в 2012 г. на основании публикаций в «Вологодском ЛАДе» был уже восторженным: «Я даже позвонила Ольге Сергеевне Беловой со словами: «Наконец-то настоящий поэт появился!»³. Спустя десять лет Ольга Александровна была более сдержанной, но обстоятельной, отзыв на большую машинописную подборку новых стихотворений по телефону дала такой: «Я в первый же вечер прочла, потом возвращалась, перечитывала, стихи Лены знаю, ничего особенно нового здесь не нашла. Ощущение то же: талантливая, но неорганизованная, во многих стихах хорошее начало, замах сильный, а в концовке нужного удара нет, слабее. Она способна на большее, но не хватает дисциплины, власти над словом. Человек она стихийный, не привыкла трудиться над текстом – нет у нее такой потребности. Рифмы у нее великолепные, в откровенности, исповедальности, если говорить спе-

² Набор текстов под этим заглавием прислан Еленой Виноградовой по электронной почте с письмом от 21.02.2014 г.

³ О.С. Белова не помнит разговора именно о Елене Виноградовой, но подтвердила, что публикации в журнале «Вологодский ЛАД» в те годы часто обсуждались с О.А. Фокиной.

циальным языком, относится не к вологодской школе, скорее, к московской. Я ей в учителя не гожусь, мыслит талантливо, она так проявляет себя в своих стихах, так присутствует в них, что помогать ей и советовать что-то мне интереса нет. Характер у меня вызывает сочувствие, и этот характер, то, какая она есть, в ее стихах виден»⁴.

Самые очевидные качества лирического творчества Елены Виноградовой, подмеченные критиками и читателями: богатство лексики из самых разных пластов, широкий диапазон ритмов и интонаций, энергия движения, владение крупной повествовательной формой (примеры: «Автобиографическое», «Детское фрагментарное») и афористическими суждениями малого объема («К простоте возвратиться бы надо», «Мои изъяны», «Живу отпущенным добром»), искренность, пластичность пейзажных образов, диалогичность, множество индивидуальных метафор, сравнений, эпитетов, поддержанных и фонетическими решениями: «А помнишь первый снег слетел, как сала шмат на сковородку?!» [7, с. 176]; «Пора сорвать тоски репей, – лесок утюжить лыжами» [7, с. 182]; «Ночь стегала окна плетью звезд. Кроны тополей штормило лунно» [8].

В 2010-х наиболее высокой оценки удостоились ее публикации международного характера в журналах «За-за. Зарубежные задворки» (Германия) [7] и «Эмигрантской лире» (Бельгия) [10], характеристика поэзии Евленьи Виноградовой вошла и в мою статью, опубликованную в журнале «Октябрь» [14].

Одна из наиболее объемных подборок поэта представлена в отечественном интернет-журнале «Новый День» [11], единственное интервью с автором называется «Душевный разговор с Евленьей Виноградовой» и размещено в социальной сети В контакте.

Несмотря на многочисленные презентации своего творчества в самых разных форматах, признание со стороны экспертов

⁴ Отзыв записан по телефону со слов О.А. Фокиной и согласован с ней 28.11.2022; включение его в статью согласовано с И.А. Никитиной 7.11.2025.

на конкурсах, критиков, поэтов старшего поколения, очевидный и живой читательский отклик, Елена Виноградова оказалась все же на периферии внимания в вологодской литературе. Прекратив выступления перед публикой в силу болезни, редко бывая в Вологде, она последние два года своей жизни уже не делала попыток громко заявить о себе через литературные конкурсы или посты в социальных сетях.

Сходное поведение по совершенно иным причинам свойственно и другому автору – вологжанке Елене Аркадьевне Беловой (год рождения – 1968). Она не является родственницей Василию Ивановичу Белову, но, как и Елена Виноградова, фамилию по мужу использует в качестве литературной. Родилась в самой Вологде, полтора года училась на вологодском филологическом, однако сдав зимнюю сессию на отлично, ушла, позднее закончила Ленинградский финансово-экономический институт (ныне Санкт-Петербургский государственный), работала главным бухгалтером, исполнительным директором геолого-промышленного предприятия, занимающегося разработкой месторождений алмазов на севере Вологодской области, копирайтером, составителем рекламных текстов, сотрудничала с местными изданиями «Бизнес и власть», «Вологда-поиск», «Одна фамилия» и с Издательским домом «Толока», печатная продукция которого имела международное распространение.

Фриланс, ведение домашнего хозяйства в сочетании с разными видами подработки, в том числе в должности вечерней уборщицы в аптеке, каждодневное решение вопросов бытовых и педагогических, попытки достичь союза собственных творческих притязаний и потребностей семьи, в конечном счете привели Елену Белову в 2010-е гг. к созданию «Блога работающей мамочки», в качестве его ведущей она даже заняла первое место в международном конкурсе мам-блогеров «Страшная-страшная сказка в веселую ночь». Произведение, названное автором «Время сказок», получило приз, присланный из Калифорнии, из города Санта-Фу. Участвовала и в Международном конкурсе «Чу-детство» (сайт «Год Литературы»): рассказ вошёл в шорт-лист. Однако в настоящее время от конкурсов и новых

интернет-публикаций автор отказывается, созданные ранее и вполне завершённые произведения не афиширует.

Единственное бумажное издание, представляющее творчество Елены Беловой, «Мать-ехидна лучше всех! Записки-уборщицы-интеллектуалки» было выпущено в 2013 г. Книга вошла в серию «Звездные мамочки рунета», поскольку выстроена она на основе отдельных текстов, размещенных в блоге «Работающая мамочка». Небольшие по объёму главы имеют собственные названия, не всегда отсылающие напрямую к характеру внутреннего сюжета (примеры: «Панцирь каракатицы», «Вступая в пору Кота», «Почти по Чехову», «Босиком к бессмертию», «Как художник художнику»). Все лаконичные и законченные повествования скреплены авторской иронией и самоиронией, высветляющей все потенциально опасные для взаимоотношений внутри семьи и прежде всего для взаимоотношений матери и дочери ситуации, постоянно провоцируемые внешним миром.

При разности способа речевого оформления – поэзия и проза – обе Елены создают образ женщины, не утратившей желание любить мир, не потерявшей под грузом проблем свое лицо и в будничных испытаниях и каждодневных заботах достигающих своих счастливых мгновений. Для писательницы Елены Беловой это может быть «счастье ветра, пахнущего дымом и флоксами, счастье удачно найденного слова, счастье солнечного зайчика на потолке, счастье просто рухнуть в подушки после трудового дня» [1, с. 115]. А для поэта Елены Виноградовой – отклик природы на ожидание радости, воскрешенные памятью образы детской поры, встречное движение другого человека на ее тягу к свету, празднику, любви.

Есть у двух авторов и совпадения в образах персонажей, в теме домашних животных, в оглядке на поколение бабушек, однако есть и очевидные различия – не только стилистического, но и идейного свойства. В центре внимания Елены Беловой – растущая и познающая мир дочь, которой мать изящно передает свой опыт решения житейских проблем, прививает роль деятельной, любящей творчество женщины, способной незаметно руководить семьей и даже нейтрализовать главного контролера

семейного воспитания – школу. Ее проза служит своеобразной инструкцией по искусству жить на границе маленького семейного государства и государства большого и внешнего, все время нарушающего эту границу. В поэтическом мире Елены Виноградовой данные мотивы уступают место чувствам и страстям женщины, открывающей миру свое сердце, но неизбежно оказывающейся одинокой. При этом никаких бытовых вопросов и неурядиц, бед и потерь, наполняющих жизнь как таковую, Елена Виноградова не впускала в свои стихи. Но и Елена Белова превращает эти неурядицы и проблемы в трамплин для своих интеллектуальных открытий и поэтических наслаждений. В синквейне, завершающем текст «За новыми словами», по сути, зафиксирована главная направленность книги «Мать-ехидна лучше всех!»: «Развлекает, повествует, провоцирует» [1, с. 208].

Отсылки к литературным именам у Беловой тоже часть игры с читателем, в отличие от Виноградовой, у которой эти имена служат указанием на участников ее внутренних диалогов, но в обоих случаях эти отсылки, подтверждающие начитанность авторов и их ценностные художественные ориентиры, способствуют и установлению их творческой независимости по мотивам и стилистике от этих писателей и поэтов: у Виноградовой – Пастернак, Гиппиус, Лермонтов, Рубцов; у Беловой – Чехов, Моэм, Аверченко, Булгаков, Твен, Пелевин.

Обе наделены умением повествовать, не теряя связи с читателем, у обеих очевидна непреднамеренность, естественность и особая легкость языковой манеры для читающего. Характеристика, прописанная в адрес одной из них, вполне может быть отнесена к другой: «При прочтении таких авторов создается ощущение, что они не придумывают, не синтезируют слова, фигуры речи или эффектные метафоры. Каждое их слово сродни дыханию, все рождается и происходит словно бы само по себе, совершенно естественным образом. Но в такой вот безыскусности, может быть, и заключена какая-то высшая правда искусства» [10].

Обеим свойственна при всей откровенности и открытости определенная сдержанность: они не пользуются возможностью

ми усиления интимности и физиологических подробностей, не склонны к изображению внешних данных персонажей. При этом объект их внимания в творчестве, несмотря на некоторые новеллистические приемы в прозе Беловой и парадоксальные концовки стихотворений у Виноградовой, – повседневное течение жизни, и умение видеть это течение через деталь, предмет внешнего: сказанного ребенком слова, нового школьного задания или посуды, которую надо быстрее вымыть (Белова) или последнего листка на дереве, валуна у реки, школьного ранца, занавески, пижмы у дороги (Виноградова) – роднит двух авторов.

Главные же индивидуальные различия, определяющие особенности непохожих друг на друга героинь Беловой и Виноградовой, связаны с их речевым проявлением. Термины и урбанизмы, торжественный порядок слов («Еще чуть-чуть – и начнется зима, официальная, номинальная, календарная» [1, с. 233]), в книге Беловой резко контрастируют с просторечиями и диалектизмами, названиями полевых и огородных трав и растений в лирике Виноградовой, героиня которой рвется в лес, к реке и морю и то безудержна в своей жажде радости, то тиха и смиренна, часто похожа на деревенскую жительницу. А в прозе Беловой героиня одновременно городская домохозяйка и дама. Любительница изящных определений, никогда не демонстрирующая перед супругом всей своей интеллектуальности и проницательности, она легко и органично вписалась бы в дворцовый интерьер с короной на голове, но лихо управляет и с приготовлением семилитровой солянки, и с раздачей излишков дачно-усадебного урожая. Сама писательница в интервью тоже отметила эти два ролевых начала: «Я даже начинаю какой-нибудь рассказ, притворившись дамой из высшего общества, попыхивающей ароматной пахитоской на балконе собственного замка в Нормандии или Шотландии. Но, написав пару-тройку абзацев, я быстро сбиваюсь с выбранного тона и заканчиваю так лихо и пафосно начатое литературное творение в своем привычном образе – образе российской работающей мамочки-фрилансера, сидящей за ноутбуком в

любимых потертых джинсах на шестиметровой кухне типовой квартирки многоэтажки в спальном районе областного центра» [12]. Добавим, что эта вполне эмансипированная горожанка с хваткой аналитика и логиста умеет прятать свою силу ума и духа под маской слабой и нуждающейся в подарках мужа особы.

Для прозы Беловой характерен тот метод изображения действительности, который можно в целом охарактеризовать как бытовой иронический натурализм – такой подход несовместим с исповедальностью и акцентностью лирического «я», свойственными стихотворениям Виноградовой, однако оба автора оказались не расположены к элегическому раздумью, эссеизмам, ассоциативности, захватившей прозу и поэзию на рубеже XX–XXI веков. Есть и иные причины их незаметности в литературной среде Вологды.

В конце 1990-х, когда эти авторы заявляли о себе лишь в узком кругу или были замечены на выездных семинарах молодых поэтов и прозаиков, возможности расширения своей читательской аудитории еще были достаточно широки. Однако по разным причинам они ими не воспользовались, а в 2000–2010-е их быстрое включение в соцсети, создание личной дневниковой страницы на сайте или собственного блога произошло в тот момент, когда самые активные в читательском отношении вологжане по-прежнему были расположены к бумажной книге, тиражи которой резко упали. Поначалу интернет-социум обеим был необходим для поиска работы или подработок, общения, отдохновения, для ведения домашнего хозяйства и решения семейных проблем, но, перенеся туда полностью художественное творчество (на сайт Стихи.ру; в блог «Работающая мамочка»), оба автора скрылись в нишу, не слишком заметную для организаторов литературных семинаров, фестивалей и встреч в областном центре. Кроме того, самостоятельно ищущих себя в творчестве молодых людей мало интересовали темы, свойственные этим двум авторам: любовь, одиночество, родное прошлое – Елена Виноградова, семейная педагогика – Елена Белова. Формальный эксперимент и в поэзии, и в прозе начала нового века уводил и к иной языковой манере, да и ищущие

себя в литературе менее всего в первые пятнадцать лет XXI века оказалась расположены к чтению друг друга. Замечу также, что в полноценных бумажных версиях или в журналах книга Беловой и объемные подборки стихотворений Виноградовой появились уже тогда, когда люди стали отказываться от приобретения книг, а в сетевом контенте количество авторов без всяких региональных маркировок резко возросло.

Разделения и перераспределение литературных сил на рубеже веков потребовали от этих авторов выбора соответствующего их творческим амбициям союза писателей, при этом не гарантируя поддержку при издании новых книг и публикациях. Но и в новом столетии по старинке кандидатом в один из союзов мыслился член какого-либо близкого по умонастроениям литературного объединения или участник конкурса, фестиваля, проводимых данным союзом. А эти авторы в своем саморазвитии быстро переросли любое литературное объединение и выступлений на площадках с открытым микрофоном либо чурались (Елена Белова), либо использовали эту возможность для скандальных обвинений постфактум (Елена Виноградова). Не совпали они и с модными направлениями, которые региональным авторам, провинциалам, предлагались из столиц: ассоциативная поэзия, верлибры, формальные эксперименты поэтов-постмодернистов не увлекли Виноградову, а Белова как по проблематике, так и по стилю в равной степени не апеллировала ни к наследию писателей-деревенщиков, ни к обретавшему популярность синтезу исторического жанра и жанра фэнтези – колорит ее прозаических повествований по-прежнему был зависим от обыденной городской среды и насыщен семейно-педагогическими парированиями городского социума, постоянно испытывающего на прочность обаятельный мирок домочадцев.

Таким образом, ни с традиционалистами, ни с новаторами в области поэзии и прозы двум этим вологодским авторам оказалось не по пути. Катастрофического столкновения миров или сближения пространств: небесного и земного, северного и южного, деревенского и городского, провинциального и

столичного, общекультурного и бытового у них абсолютно не наблюдается; ассимиляции личного чувства с социально-историческими образами тоже крайне редки в их произведениях.

В прозе Беловой и в стихах Виноградовой очевидно движение к миру природы, но у Евленьи он разнообразнее и масштабнее, поскольку не исчерпан домашними животными, явления природы находятся в центре ее лирического бытия, они более индивидуализированы авторскими предпочтениями (осени, зимы, реки, моря, птиц, цветов). Встроенные в мир семьи и педагогической концепции, образы домашних питомцев в прозе Беловой не перекликаются ни с повествованиями о животных и детях В. И. Белова, ни с детскими рассказами о Басе Галины Щекиной, ни с произведениями на тему природы Натальи Мелехиной.

Выбрав свой путь в поэзии и прозе, оказавшись не в русле школ и направлений, не примкнув и формально к литературным рядам, тем не менее оба автора, каждая по-своему, сумели заявить в своем творчестве о вневременных ценностях бытия, а стратегией литературного – настоять на свободном выборе способа общения с читателями и отказе от статусных характеристик пишущего человека. Вот почему рассмотрение идейно-художественных особенностей их творчества не менее, чем изучение традиций и новаторства вологодских классиков и современников, может углубить понимание закономерностей и проблем в адаптации художественной словесности в начале столетия к электронному формату и социальным сетям, а также позволит более точно определить дальнейшие пути и возможности развития отечественной литературы XXI века.

Литература

1. Белова Е. Мать-ехидна лучше всех! : [записки уборщицы-интеллектуалки] / Е. Белова. – Москва : АСТ, 2013. – 352 с.
2. Виноградова Е. Ожидание / Е. Виноградова. – Вологда ; Великий Устюг: [б. и.], 2003. – 125 с.

3. Виноградова Е. Осколки / Е. Виноградова. – Вологда: [б. и.], 2007. – 103 с.
4. Виноградова Е. Отчаянная радость / Е. Виноградова. – Великий Устюг ; Вологда : Вологжанин, 2007. – 127 с.
5. Виноградова Е. Отчаянная радость / Е. Виноградова. – Великий Устюг : Полиграф-Книга, 2008. – 143 с.
6. Виноградова Е. Автобиографическое / Е. Виноградова // Стихи.ру. – URL: <https://stihi.ru/2010/09/15/4491> (дата обращения: 04.11.2025).
7. Виноградова Е. Не будем думать о плохом / Е. Виноградова // Зарубежные задворки. – 2014 – № 8. – С. 174–182.
8. Виноградова Е. Март / Е. Виноградова // Стихи.ру. – URL: <https://stihi.ru/2016/04/03/2702> (дата обращения: 29.10.2025)
9. Виноградова Е. // Стихи.ру. – URL: <https://stihi.ru/avtor/evlenia?ysclid=mhkleyb2q4656055786> (дата обращения 28.10.2025)
10. Виноградова Е. Стихи / Е. Виноградова // Эмигрантская лира. – 2018. – № 4 (24). – URL: <https://emlira.com/4-24-2018/evlenya-vinogradova/stikhi> (дата обращения: 05.11.2025).
11. Виноградова Е. У реки / Е. Виноградова // Новый день : литературный интернет-журнал. – 2018. – № 26. – URL: <https://noviden.tmdru.ru/katalog-vypuskov-zhurnala/2018/novyi-den-26/-u-reki-evlenja-vinogradova.html> (дата обращения: 01.11.2025).
12. Интервью с писательницей Еленой Беловой // Стихи.ру. – URL: <https://stihi.ru/2018/06/22/753> (дата обращения: 07.11.2025).
13. Песни на стихи Евленье Виноградовой / Владимир Узланер // Музыкальный хостинг. – URL: https://music.lib.ru/u/uzlaner_w/alb80.shtmlhttps://music.lib.ru/u/uzlaner_w/alb80.shtml
14. Титова Е. Вологодский поэтический указатель / Е. Титова // Октябрь. – 2016. – № 8. – С. 159–168.

ОБРАЗ РЕБЕНКА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ М. В. ГУСЕВОЙ

Аннотация. Статья посвящена анализу творчества Марины Гусевой, вологодской писательницы, чьи стихи и рассказы проникнуты глубоким вниманием к внутреннему миру человека, особенно ребенка, оказавшегося в сложных жизненных обстоятельствах. Автором статьи рассматриваются ее произведения, адресованные как детям, так и взрослым.

Ключевые слова: М. В. Гусева, поэзия, проза, образ ребенка, детский дом, проблема сиротства, надежда, свет.

Прозаик и поэт Марина Викторовна Гусева родилась в 1963 г. в деревне Ливнево Белозерского района. Детство ее прошло в атмосфере северной глубинки. Фольклорные мотивы, диалектные особенности речи, сказки и песни региона оказали значительное влияние на формирование творческого мировоззрения писательницы. После окончания школы-интерната № 2 г. Череповца она получила педагогическое образование и некоторое время проживала и работала в Ленинграде. В 1991 г. переехала с семьей в поселок Кадуй Вологодской области.

Произведения писательницы публиковались в различных периодических изданиях, звучали на районном и областном радио. К числу наиболее значимых из них можно отнести рассказы, затрагивающие сложные социальные и психологические темы: «Я буду лучше собаки» (2008), «Дом, который построила я» (2008), «Худой мир» (2010), «Гаденыш» (2018). Эти произведения отличаются глубоким проникновением во внутренний мир детей и взрослых, столкнувшихся с трагическими обстоятельствами жизни, – такими, как сиротство, война и смерть. Отдельное место в творчестве автора занимают миниатюры, посвященные судьбам различных людей: «Дом детства» (2008), «Приютская» (2019), «Образ» (2020), «Гуси»

(2023) и др. Кроме того, в творчестве М.В. Гусевой присутствует элемент таинственности, представленный рассказами «Дом на изломе» (2008), «Долог путь домой» (2008), «Визит к архитектору» (2019).

Писатель Александр Дудкин в 2004 г. отмечал: «Рассказы М. Гусевой загружают (но не отяжеляют!) читателя быстро. Пусть не мыслями, пусть не призывами, пусть не негодованием, но СВЕТОМ. Ими лечить можно или самому излечиваться от тоски или от суеты. Может быть, от насморка. Но не от грусти. Щемящую, светлую (опять – свет!), оптимистическую то есть, грусть рождают эти рассказы. Читателя то ли парализует, то ли он в бессилии, точнее в незнании, что предпринять, как реагировать, разводит руками: “Такова жизнь... Ну что тут скажешь, что поделаешь?”» [3].

Лечат светом ее герои-дети: прижавшиеся друг к другу Ксюша и Санька («Кукушонок», 1994), Дима с песиком, спрятанным под куртку («Щенок», 1996), стоящий у окна Виталька («Еще один день», 2000).

Детство – это уникальный период становления личности, время открытий, фантазий, наивности и веры в чудо. Неудивительно, что образ ребенка занимает важное место в литературе, эволюционируя от простых иллюстраций до сложных психологических портретов, отражающих не только реалии детского бытия, но и глубокие социальные, философские и нравственные вопросы.

Ребенок в литературе часто символизирует невинность, чистоту помыслов, неискренность в пороках взрослого мира. С развитием психологии и социологии детский образ в творчестве писателей становится более многогранным. Они начинают уделять внимание внутреннему миру ребенка, его чувствам, переживаниям, его восприятию окружающего. Появляются произведения, в которых детство представлено во всей его сложности и противоречивости.

В современной литературе образ ребенка продолжает эволюционировать, отражая новые социальные и культурные реалии. Авторы все чаще обращаются к сложным проблемам –

таким, как гендерная идентичность, психические расстройства, буллинг, с которыми сталкиваются современные дети. Образ ребенка заставляет читателей задуматься о будущем, о фундаментальных ценностях и ответственности за подрастающее поколение. Литература – это мощный инструмент познания человеческой природы, исследования социальных проблем и формирования нравственных ценностей.

Особое место в творчестве М. В. Гусевой занимают произведения, адресованные детской аудитории. Среди них выделяются стихотворения «Косточка» (2008), «Хомячок» (2010), «Песенка ног» (2014), «Мальчишки и дрова» (2016), «Жадина» (2018), «Сердючка» (2019), «Мечты» (2020).

Стихотворение «Спасибо, ежик!» (2008) по тону, по эмоциональной окраске – легкое и доброе:

Не решается задача.
Я условие твержу
И уже вот-вот заплачу.
«Это ясно и ежу», –
Брат сказал и засмеялся,
А я вспомнил как-то вдруг,
Что на даче не боялся
Ежик брать еду из рук,
Как он смело топал ночью
По веранде: тук, да тук.
И ответ нашелся точный!
Вот так ежик!
Вот так друг!
[4]

Помимо поэзии, у Марины Викторовны есть и проза, адресованная детям. Это сказки, притчи и рассказы: «Сова» (2006), «Цветок мамы» (2010), «Полет» (2010), «Друг» (2016), «Большое сердце» (2018) и др.

Анализируя рассказ «Друг», следует отметить тревожную тему одиночества маленького Геки, который не находит себе приятелей в детском саду. Ребенок компенсирует недостаток общения, создавая воображаемых друзей – сначала цыплят,

а затем щенка из снега: «Он представил, как постройт из кубиков дом для цыплят, как они пойдут гулять, будут возить в большом грузовике песок для крепости», «Гека угощал Друга конфетами и печеньем, подарил ему машинку из киндер-сюрприза. Они никогда не ссорились» [2]. Но снег тает, воображаемый друг вот-вот исчезнет, и родители дарят Геке настоящего щенка, что приводит тревожную и жизненно правдивую историю к счастливому финалу.

Галина Щекина писала про М. В. Гусеву: «На маленьком человеке держится мир. То, что Гусева несет и развивает эту тему, очевидно, и эта вписанность в традицию многого стоит. Детская проза Гусевой такая же грустная, как и взрослая. И одиночество маленького героя по имени Гека не менее драматично, чем у взрослого. Он жаждет друга. И такое неистовое это желание, что воображение подкидывает идею – друг из снега («Друг»). Читатель может оспорить закономерный хэппи-энд. Зачем все так приукрашивать? Видимо, затем, чтобы таким образом гармонизировать вселенную, исправить все, что неправильно. Пусть даже в воображении» [3].

Есть у М. В. Гусевой и произведения о детях, адресованные взрослым. В ее творчестве важное место занимают истории воспитанников детских домов. В рассказах «Я буду лучше собаки» и «Гаденыш» поднимаются острые социальные проблемы – такие, как жестокое обращение с детьми, сиротство и трудная социальная адаптация. Данные произведения раскрывают трагические судьбы ребят из детских домов, отражая их психологические травмы и сложности интеграции в общество.

Рассказ «Я буду лучше собаки» – это история маленького Леки, который «боится взрослых». Воспитательница из детского дома вспоминает: «Его отчим бил, а чтобы не убежал, к батарее веревкой привязал. Сам пил, горе свое после смерти жены, Лекиной мамы, заливал. Ненавидел пасынка за то, что жизнь так сложилась. Убил бы, наверное, спьяну, да Лека веревку перегрыз и сбежал. Когда его к нам привезли, он еду прятал впрок, ни с кем не разговаривал и забивался в темные углы. Боялись, что умом тронулся, но ничего, отошел. Все-все понимает, и ни на

кого зла не держит» [2]. Время и забота помогли Леке прийти в себя. Кульминацией истории становится усыновление – одна из воспитательниц решает забрать мальчика, счастливый финал дарит читателю надежду на победу добра в мире.

Словно бы в противоположность тому, о чем рассказывалось в предыдущем произведении, повествование в рассказе «Гаденыш» разворачивается в трагическом ключе. Дема, шестнадцатилетний юноша, усыновленный в младенчестве, возвращается в детский дом. Казалось бы, обеспеченная жизнь в приемной семье, где ему не отказывали ни в чем, должна была стать для него благом. Однако, узнав о своем происхождении, он примыкает к нехорошей компании. Кульминацией трагедии становится обвинение в изнасиловании сестры, которое приводит к распаду семьи и возвращению Демы в детдом. Несмотря на усилия воспитателей, надломленность психики юноши не изживается. По мере развития сюжета открывается истина: девочка стала жертвой инцеста, совершенного собственным отцом, но, опасаясь признаться в этом, обвинила приемного брата.

Дальше мальчик подвергается насилию уже в детдоме. Заведующая, властная и влиятельная женщина, совершает страшные поступки – спит с несовершеннолетними воспитанниками: «Дема неспешно пересчитал полученные деньги. Назад он не вернется. Греть и ласкать это дряблое тело он больше не будет. И так держался почти неделю и, наконец, был вознагражден. Старая дура настолько разнежилась, что перестала опасаться его. “Ах, мой мальчик, иди к своей мамочке”» [2].

Главный герой, прозванный Гаденышем, принимает это имя как неизбежность. Он подстраивается под окружающую среду, под законы улицы и нравы неблагополучного общества. Воровство, сквернословие, сомнительная компания – все это становится его маской, за которой он прячет остатки человечности. Однако даже в этом ожесточенном сердце теплится искра добра: он бросается на защиту учительницы от разъяренной собаки, рискует собой, чтобы оградить ее от бесчинств уличной банды, «нежити», но за это он платит своей жизнью. Увы, таким детям нет места в обществе, это лишний маленький человек.

В детском доме живут и другие дети с исковерканной жизнью. Это Лика – малолетняя проститутка, «мать – проститутка и наркоманка со стажем, отец – бомж. Мать девочку в кустах родила, задушить хотела, грибники ее тогда спугнули. Ее и ребенка в милицию привели. Тогда бы ребенка у нее и забрать. Да государство у нас гуманное, шанс дало. Пальчиком погрозило – ай-яй-яй, ведите себя, мамочка, хорошо – и отпустило на все четыре стороны. А мамочка эта трехлетнюю дочь за выпивку продавать начала» [2]. В детдом девочка попала, когда ей исполнилось десять. Эти семь лет ужаса оставили неизгладимый след в психике ребенка. Даже обретенный кров и пища в детском доме не смогли искоренить сформировавшуюся модель поведения – Лика продолжает торговать своим телом.

В этом же детдоме живет Арсен: «Когда к нам Арсен поступил, не говорил совсем, прятался ото всех, истерики закатывал. Плюхнется на пол, катается, ничем не успокоить. Но только подкатывается к женским ногам, хватает за подол, задирает, истерики как не бывало, все – интерес в другом» [2]. Одна из воспитательниц говорит жуткую правду: «Таких, как Арсен, мы отправим в дом инвалидов. Только единицы из наших детей мы сможем спасти. На них и ориентируемся в своей работе. Плохие не дети, а взрослые» [2]. Словами воспитательницы Гусева выражает свою точку зрения: «болезни» детей кроются в социальной несправедливости и жестокости окружающего мира, общество и взрослые, сформировавшие их травматичный опыт, несут ответственность за их состояние.

«Гаденыш» отличается мрачным и реалистичным взглядом на проблему сиротства. В этом рассказе автор показывает, как социальное неблагополучие и жестокость взрослых приводят к искалеченным судьбам детей, чья психика нарушена, а душа покрыта «гниющей коростой».

В рассказе «Щенок» [1] история мальчика Димы кажется второстепенной. Главная линия повествования, казалось бы, – женская доля, доля любовницы (тема любви, любовниц, разбитых семей часто затрагивается в творчестве М.В. Гусевой). Главная героиня встречается на улице плачущего мальчика, кото-

рый нашел бездомного щенка, но боится, что мама не разрешит оставить животное. Преисполнившись решимости, женщина ведет мальчика к нему домой, чтобы уговорить его мать оставить собаку, но, придя туда, понимает, что мать мальчика – жена ее любовника. Встреча с двумя незащитными существами: мальчиком и щенком – приводит героиню к полной переоценке своей жизни, она порывает с любовником и остается одна. Героиня, столкнувшись с трагедией потенциальной безотцовщины, проявляет заботу о ребенке, пусть и неродном, и утверждает важность существования полноценной семьи. Образ мальчика со щенком, символизирующий невинность и потребность в защите, становится мощным нравственным аргументом в повествовании.

Кроме рассказов и стихов, есть у М. В. Гусевой и сказочные детские повести. Прозаическая книга «Таки и его друзья» (1996), посвященная сыну писательницы Грише, представляет собой цикл сказочных историй. В центре повествования – жизнь забавного поросенка Таки и его верных товарищей: щенка Тоби, кролика Коси, гусенка Гаги и Зайки. Вместе они играют, делятся радостями и печалью, учатся взаимопомощи и поддержке, порой ссорятся из-за пустяков и не желают уступать друг другу игрушку, сочиняют стихи и сказки, желают знать про все на свете. Произведение отличается точной передачей непосредственности детской речи и яркостью образов, благодаря которым маленькие читатели с легкостью погружаются в волшебный мир Таки и его друзей.

Образ ребенка у М. В. Гусевой многогранен. Ее произведения поднимают важные социальные и психологические проблемы, связанные с детством. Писательница стремится убедить читателя в том, что дети, даже оказавшиеся в сложных обстоятельствах, способны сохранять свет в душе и надежду на лучшее. Однако, она не избегает и темных сторон действительности, изображая надломленных, нравственно и психически травмированных детей, ставших жертвами жестокости и равнодушия взрослых.

Творчество писательницы заставляет читателей задуматься об ответственности общества за судьбу подрастающего поколения. Ее произведения, будь то детские стихи или рассказы для взрослых, пронизаны сочувствием и верой в идеалы добра. Они призывают к милосердию и взаимопониманию. Подтверждение тому – вышедшая в 2025 г. ее «Книжка в книжке для малыша и малышки», из которой важные уроки для себя могут извлечь и взрослые.

Литература

1. Гусева М. В. Несостоявшийся рассказ / М. В. Гусева. – Вологда; Кадуй : Свеча, 2004. – 63 с.
2. Марина Гусева. – Текст электронный // Проза.ру : [литературный портал]. – Москва. – URL: <https://proza.ru/avtor/aniram256> (10.12.2025:).
3. Семирезье : литературно-художественное объединение при Кадуйской районной библиотеке Вологодской области. – URL: <https://vk.com/public218984727> (10.12.2025).
4. Мари Гусева – Текст электронный // Стихи. Ру : [литературный портал]. – Москва. – URL: <https://stihi.ru/avtor/aniram256> (10.12.2025).

МЕЖДУ ГОГОЛЕМ И ДОСТОЕВСКИМ (ПОВЕСТЬ Н. И. ИВАНИЦКОГО «НАТАЛЬИН ДЕНЬ»)

Аннотация. Повесть «Натальин день» рассматривается в статье как текст, написанный под влиянием творчества Н. В. Гоголя, и как один из возможных источников образности произведений Ф. М. Достоевского конца 1850-х годов.

Ключевые слова: «женщина-поэт», литературный тип, матричиальная интрига, натуральная школа, ономастикон, речевое поведение, парный образ, сюжетная ситуация, творческая история.

Автор повести «Натальин день» Николай Иванович Иваницкий (1816–1858) принадлежал к семейству, игравшему заметную роль в культурной жизни Вологды и Вологодского края в 1830-х – 1890-х гг. Его старший брат Александр Иванович (1812/1814 – 1850) после окончания Вологодской гимназии и Петербургского университета преподавал математику, физику и естественную историю (природоведение) в той же гимназии, в которой учился сам. Он занимался метеорологическими и астрономическими наблюдениями, изучением местной флоры и публиковал результаты своих трудов в «Вологодских губернских новостях». Испытывая влечение к литературному творчеству, писал повести в духе позднего романтизма и помещал их в петербургских журналах «Библиотека для чтения» и «Маяк».

Сын Александра Ивановича, Николай Александрович (1847–1899), начинал учиться в петербургском военно-юридическом училище, но, не окончив даже первого курса, был арестован и отправлен в ссылку в Вологодскую губернию как обвиняемый в причастности к студенческим волнениям середины 1860-х гг. По истечении срока ссылки, не добившись разрешения обосноваться в одной из столиц, служил на мелких чиновничьих должностях в уездных городах губернии, усиленно занимался самообразованием, изучал растительный мир и традицион-

ную народную культуру края. Самым значительным итогом его деятельности на поприще науки стал капитальный труд «Материалы по этнографии Вологодской губернии», изданный в 1890 г. Написанные им стихи появлялись в различных столичных изданиях. Большой историко-культурный интерес представляют его записки, в которых описывается жизнь вологодских ссыльных и местной уездной интеллигенции. Умер Н.А. Иваницкий далеко от Вологды, в Уссурийском крае, куда попал, сопровождая партию переселенцев.

Николай Иванович Иваницкий, как и его брат Александр, был выпускником Вологодской гимназии, окончил Петербургский университет, только не математическое, а словесное отделение, после чего получил направление для преподавания логики и словесности во Псков. Спустя два года перевелся в Вологду на освободившееся место учителя словесности в гимназии. Здесь он проявил себя не только как талантливый, склонный к новаторству педагог, но и как поэт, стихи которого печатали журналы «Москвитянин» и «Маяк». В первом из них была также опубликована подготовленная им подборка свадебных причитаний, записанных в Никольском уезде Вологодской губернии. Через четыре года, желая расширить поле своей деятельности, Иваницкий уехал в Петербург, преподавал в нескольких учебных заведениях, дослужился до чина надворного советника, был назначен директором училищ Псковской губернии. Во Пскове он и провел остаток жизни, исполняя предписанные ему служебные обязанности и занимаясь в часы досуга историческим краеведением. Наибольшую значимость из всего того, что было сделано им на протяжении жизни, имели, по-видимому, его педагогические труды, не всегда получавшие отражение в публикациях, но высоко оцениваемые коллегами. Именно так – педагог, писатель, краевед – ранжируются его заслуги и в наши дни [17]. В историко-культурном плане он, прежде всего, – автор «наиболее достоверных», по оценке С.И. Машинского [20, с. 599], воспоминаний о Гоголе, адъюнкт-профессоре всеобщей истории в Петербургском университете [12].

Не столь широко известны, но богаты материалом, воспоминания Н.И. Иваницкого о вологодском и петербургском периодах его жизни [1].

В литературном творчестве Иваницкий реализовал себя главным образом как поэт. Повесть «Натальин день» – единственный его опыт в жанре беллетристической прозы. Хотя в подзаголовке произведения значится «рассказ», в справочных источниках оно нередко квалифицируется как «повесть» – в соответствии с распространенной в первой половине XIX столетия практикой называть повестями прозаические произведения сравнительно небольшого объема («Повести Белкина», «Повести, изданные пасичником Рудым Паньком», «Повести А. Вельтмана» и др.) [см.: 2; 14; 17; 24, с. 99]. «Натальин день» был опубликован в издаваемых А. А. Краевским «Отечественных записках» (№ 4 за 1849 год), одном из лучших журналов того времени. В данном случае, возможно, не обошлось без протекции благоволивших к Иваницкому университетских профессоров и видных участников литературной жизни столицы П. А. Плетнева и А. В. Никитенко¹. Впоследствии «Натальин день» не переиздавался, хотя вполне мог бы быть помещен в одном из многочисленных сборников русской прозы, выходивших и во второй половине XIX, и в XX столетии.

В основу повести положена анекдотическая сюжетная ситуация, которую, пользуясь терминологией нашего времени, можно было бы назвать «матримониальным фейком». Действие произведения разворачивается в условном городе Н., однако гимназист К.А. Березкин, земляк Иваницкого, вскоре после выхода журнала отмечал в своем дневнике, что все лица, изображенные писателем, «чисто вологодские» [8, с. 156]. Соответствия между персонажами и реальными жителями города не были им, к сожалению, указаны. Но все-таки его свидетельство

¹ См. запись в дневнике Иваницкого от 16 сентября 1844 г.: «На прошедшей неделе в пятницу был у Никитенки и видел Краевского. Никитенко отрекомендовал меня ему. Я обещал доставить несколько статей для “Отечественных записок”» [1, с. 320].

позволяет считать использование реального социально-бытового и нравственно-психологического материала в повести «Натальин день» фактом творческой истории произведения: в нем нашли прямое отражение впечатления автора, полученные во время четырехлетнего пребывания в Вологде.

Событийная канва повести такова. В «светском» обществе города Н. (губернского или уездного – не оговорено) особое место отводится двум обладающим общепризнанными достоинствами дамам: Наталье Павловне Чуплыгиной и Наталье Васильевне Косаревой. В день их именин, 26 августа, считается необходимым нанести каждой из них визит с поздравлениями. Сопряжено это с некоторыми трудностями: нужно решить, кого из них поздравить первой и чье приглашение прийти в гости вечером, неизбежно следующее за поздравлением, принять. До сих пор избежать обид и ссор удавалось, благодаря добродушию именинниц и дипломатичной изворотливости визитеров. Но в день, о котором идет речь, создалось особенно «щекотливое» положение. Город взбудоражен слухом о якобы назначенной именно на 26 августа помолвке Еликонида Михайловны, падчерицы Косаревой, и приезжего из Москвы – молодого помещика Ильи Ильича Баранина. Виновники торжества почему-то никаких объявлений не делают, но событие по местным меркам настолько важное, что присутствовать на вечере у Натальи Васильевны просто необходимо, тем самым обойдя вниманием Наталью Павловну и нанеся ей обиду со всеми вытекающими из этого последствиями. И именно дом Натальи Васильевны оказывается вечером полон гостями, в то время как Чуплыгиных навещает лишь Илья Ильич, решивший отметить у них прежде, чем идти к Косаревым. В беседе с ним смущенные отсутствием гостей Чуплыгины неожиданно узнают, что Баранин женат, что никакая помолвка с Еликонидой Михайловной не предполагается и что она – плод выдумки досужих городских сплетниц. Чуплыгины потрясены, между тем Наталья Васильевна как бы между прочим сообщает собравшимся у нее любителям бракосочетательных зрелищ о наличии у Баранина тещи и, следовательно, о том, что он женат. Гости, испытав шоковое

состояние, забыв о приличиях и повергнув в изумление хозяев, устремляются к Чуплыгиным, где постепенно приходят в себя и завершают злополучный вечер за традиционными картами, вином и закуской.

Описание провинциальных нравов в повести «Натальин день» содержит целый ряд отсылок к творчеству Гоголя. Это художественный прием, характерный для натуральной школы [см., напр.: 21, с. 12–13], близость к которой Иваницкий-прозаик обнаруживает [2; 13]. Отношение Иваницкого к Гоголю было неоднозначным. Он хорошо знал и высоко ценил произведения Гоголя, стремясь при этом не поддаваться безрассудно восторженному поклонению ему: «Конечно, Гоголь имел прекрасный талант, только не профессорский...» [1, с. 248]; как создатель художественных произведений он «открыл целый мир поэзии, мир совершенно новый и невиданный» [1, с. 342], но как автор «Выбранных мест из переписки с друзьями» «решительно погиб для литературы: вдался в страшный мистицизм» [1, с. 341]; «Сметливость и забавное остроумие Гоголя заставило публику не обращать внимания на его недостатки и ошибки, но литературная критика должна быть справедлива и неумолима и к величайшим талантам <...> Пример Гоголя породил у нас презрение к правилам языка, безвкусие и варварство в слоге. Забыли слог Карамзина, Жуковского, Пушкина [1, с. 449].

Ассоциации с гоголевским художественным миром при чтении повести «Натальин день» возникают неоднократно. Показательна в этом отношении уже сама сюжетная ситуация, послужившая исходным пунктом разворачивания действия в ней. Ложный прогноз предстоящего брачного союза есть и в «Женитьбе», и в «Ревизоре», и в «Мертвых душах». Подобная ситуация могла быть обнаружена и в негоголевских произведениях середины XIX в., однако соотносилась она прежде всего именно с Гоголем благодаря высокому уровню художественной разработки ее и широкой известности созданий писателя. Разумеется, образы и мотивы, ассоциируемые с Гоголем, претерпевают у авторов, следовавших за ним, некоторую трансформацию, обусловленную их творческими предпочтениями и замыслами.

Очевидна параллель между парными образами Наталья Павловна – Наталья Васильевна у Иваницкого и «дама просто приятная» – «дама приятная во всех отношениях» у Гоголя в «Мертвых душах». Распределение ролей внутри пары произведено у Иваницкого по тому же принципу, который использован Гоголем: одна дама более «светская», другая – менее. О поведении первой из них в «Мертвых душах» сказано, что оно «было облечено самою тонкою светскостью, какая только бывает в губернском городе. Всякое движение производила она со вкусом, даже любила стихи, даже иногда мечтательно умела держать голову, – и все согласились, что она, точно, дама приятная во всех отношениях». Другая же дама, в отличие от нее, «не имела такой многосторонности в характере» и потому удостоилась звания «просто приятной» [7, с. 168].

У Иваницкого та, которая соотносится с гоголевской «просто приятной», старше той, которая охарактеризована как более «светская». Кроме того, различия между ними более овеществлены, сильнее конкретизированы в бытовом плане. С этой целью широко используется арсенал гоголевской иронической образности и гоголевского стиля: «Принять, угостить – это уж дело Натальи Павловны. Нигде не найдете вы такой удивительной ветчины, такой восхитительной телятины, такого огромного количества варенья, с таким вкусом, даже, можно сказать, с чувством, посоленных огурцов, как у Натальи Павловны. Муж, погреб и кладовая – вот три предмета, для которых, по понятиям Натальи Павловны, призвана женщина в мир, и она исполняла это призвание с изумительным самоотвержением» [13, с. 206]; «Круг деятельности Натальи Васильевны был гораздо шире: это была женщина тонкая и политическая. Ни у кого в целом городе не было с таким вкусом убранной гостиной, никто не умел так очаровывать своей беседой какого-нибудь приезжего из Москвы или даже из Петербурга, никто не вставал так поздно утром и не умел войти так изящно в залу, как Наталья Васильевна» [13, с. 207].

Функциями ложного жениха и ложной невесты (в «Мертвых душах» – Чичиков и губернаторская дочка) у Иваницкого наде-

лены Илья Ильич Баранин и Еликонида Михайловна. Именно они становятся главными фигурантами распространенного по городу слуха. Ни тот, ни другая, как и их гоголевские прототипы, не подозревают о том, что вовлечены в интригу, взбудоражившую город. Но инициирование этой интриги представлено у Иваницкого несколько иначе, чем у Гоголя. В гоголевской поэме слух о том, что Чичиков намеревается жениться на губернаторской дочке увозом, порожден Анной Григорьевной («дамой приятной во всех отношениях»). По ее версии, столь взбудоражившая мужскую «партию» города весть о скупке Чичиковым мертвых душ является лишь прикрытием матримониальной интриги в романтическом духе. Версия эта родилась у нее спонтанно, по наитию, без должных мотивировок, и, невзирая на ее абсурдность («Андроны едут, чепуха, белиберда, сапоги всмятку» – по мнению мужчин), была пущена в ход женской «партией» с энтузиазмом.

В повести Иваницкого функция порождения слуха предана от «дамы приятной во всех отношениях» Любови Ерофеевне Сорокиной, сплетнице по призванию и по вдохновению. Толки о возможных мотивах частого посещения Бараниным дома Натальи Васильевны бродили по городу и до того, как к их разработке и распространению подключилась Любовь Ерофеевна. Согласия в этих толках не было, и они постепенно угасали «от недостатка необходимой пищи». Их реанимировал и придал им значение важности «великий и светлый ум, для которого не существовало никогда никаких сомнений, который непостижимым чутьем мог отыскивать везде магические нити и какой угодно хаос превращать в живое и прекрасное целое» [13, с. 198]. Такой «ум» и представлен Иваницким в образе Любови Ерофеевны. Он знаменует собой появление оригинального и художественно продуктивного литературного типа. Если «догадка» Анны Григорьевны о замысле Чичикова возникла случайно и свидетельствует лишь о непредсказуемой импульсивности странного женского мышления, то версия Любови Ерофеевны обязана своим возникновением индивидуальным свойствам характера персонажа, реализуемым последовательно и целе-

направленно. Создание подобных версий для нее – своего рода творчество, движимое вдохновением: «...какое-то беспокойство обнаружилось в ее взглядах и приемах: это было беспокойство поэта, который хочет высказаться в создании» [13, с. 199].

Восходящая к Гоголю сюжетная ситуация содержит у Иваницкого много отсылок к произведениям выдающегося предшественника. Известие о том, что Баранин женат и, следовательно, об оглашении его брака с падчерицей Натальи Васильевны речи быть не может, напоминает об одной из мотивировок предполагаемой женитьбы Чичикова увозом: «...губернатор давно бы отдал за него дочку, потому что Чичиков богат, как жид, если бы причиною не была жена его, которую он бросил» [7, с. 179]. К Гоголю восходит и одна из побочных версий слуха о помолвке в «Наталином дне»: «Некоторые дамы говорили, что Наталья Васильевна разыгрывает только роль великодушной, что она познакомилась с Ильей Ильичом еще во время первой своей поездки в Москву, что по этому случаю у ней вышла пренеприятная история с мужем, и чтобы выпутаться из беды, эта прехитрая женщина должна была сказать, что Илья Ильич потому близок с ней, что имеет виды на ее падчерицу, а Илья Ильич был столько, можно сказать, благороден, что подтвердил слова Натальи Васильевны» [13, с. 202]. (См. в «Мертвых душах»: «В других домах рассказывалось это несколько иначе: что у Чичикова нет вовсе никакой жены, но что он, как человек тонкий и действующий наверняка, предпринял, с тем чтобы получить руку дочери, начать дело с матери и имел с нею сердечную тайную связь, и что потом сделал декларацию насчет руки дочери...» [7, с. 179].)²

Как отзвук «Старосветских помещиков» может быть воспринято сказанное в повести Иваницкого о «просто приятной»

² Этот сюжетный мотив (женитьба на одной, чтобы отвести подозрения о связи с другой) мог ассоциироваться у Иваницкого и с событиями, предшествующими дуэли А. С. Пушкина (женитьба Дантеса на Екатерине Гончаровой), о которых он рассказывает в своем дневнике со слов В. А. Соллогуба [1, с. 327–328].

Наталье Павловне: «Детей ей Бог не дал, и потому все, что есть любящего и страстного в женщине, все это обращено было на грибки, ягодки, огурчики, пирожки, наливочки и на бесчисленное множество других предметов хозяйства, чтобы только угодить Фоме Фомичу, усладить жизнь его среди разнообразных забот и огорчений и таким образом сделаться достойной его подругой» [13, с. 206]³.

Вспомнить о Гоголе также побуждает воспроизводимая в «Натальином дне» обиходная терминология провинциальных игроков в карты: «червоточия», «шестерица», «трефушка», «мизерикордия» [13, с. 213]. (См. в «Мертвых душах»: «червоточина», пикенция», «пичурущих», «пичура», «пичук» [7, с. 17].)

Своего рода «алгоритмом» для игры с образной семантикой имен персонажей у Иваницкого является гоголевский ономастикон. В комедии «Женитьба» по поводу благозвучности фамилий идет такой разговор: «*Иван Павлович [Яичница]*. <...> Я хотел было уже просить генерала, чтобы позволил называться мне Яичницын, да свои отговорили: говорят, будет похоже на собачий сын. *Жевакин*. А это однако ж бывает. У нас вся 3-я эскадра, все офицеры и матросы, все были с такими фамилиями, что бывало покойник командир Алексей Иванович говорил: ну, говорит, у 3-ей эскадры черт на крестинах что ли был: Помойкин, Ярыжкин, Перепреев лейтенант. А один мичман, и даже хороший мичман, был по фамилии просто Дырка...» [6, с. 24]. В повести «Натальин день» приводится иной, но функционально мотивированный по тому же принципу набор фамилий: «Молодые девушки <...> спросили: “Как же теперь будет фамилия Елиньке?.. Баранина! фи, как это... Еликонида Михайловна Баранина!..” Но Любовь Ерофеевна заметила, что такие ли еще

³ Для творческой истории «Старосветских помещиков» имеет значение свидетельство Иваницкого о происхождении замысла этой повести: «Говорили о Щепкине, который приехал сюда из Москвы. Он, говорят, человек очень сведущий, просто живая книга. Между прочим, Краевский упомянул, что “Старосветские помещики” Гоголя написаны с рассказа Щепкина» [1, с. 320].

бывают фамилии; тотчас же привела в пример какую-то дальнюю свою родственницу и назвала такую фамилию, которая действительно показалась уж очень странною: например, Улетаева, Нагишкина, Курица и другие т.п. [13, с. 202]⁴.

Пародийный перепев одного из эпизодов гоголевской книги «Выбранные места из переписки с друзьями» можно усмотреть в речевом поведении супруга Натальи Павловны Чуплыгиной по отношению к домашней челяди, занятой приготовлениями к приему гостей: «Фома Фомич бранит в столовой Гаврилу, называя его “нечесаным рылом” за то, что тот, раздвигая стол для чая и прищемив нечаянно палец, употребил, какое-то неприличное выражение» [13, с. 210]. Именно так, в такой манере, по утверждению Гоголя, должен наставлять на путь истинный своих крепостных образцовый помещик: «Ах ты невымытое рыло! Сам весь зажил в саже, так что и глаз не видать, да еще не хочешь оказать и чести честному!» [5, с. 105] Книгу «Выбранные места», в которой содержится этот пассаж, Иваницкий хорошо знал и, как отмечалось ранее, оценивал ее крайне отрицательно – как духовную катастрофу автора, как симптом гибели гоголевского таланта. На цитированный фрагмент из нее он также мог обратить особое внимание, читая зальцбрунское письмо В.Г. Белинского к Н.В. Гоголю, которое распространялось в списках как раз в то время, когда создавалась и готовилась к печати повесть «Наталин день». В письме этом сдержатся

⁴ Комическими коннотациями здесь, вероятно, наделяется не только потенциальная фамилия, но и полученное при крещении имя персонажа. По происхождению имя Еликонида (Геликонида) – греческое и значит «обитательница горы Геликон, муза». Оно входит в перечень православных имен. Так звали св. мученицу Еликониду Солунскую (Фессалоникийскую), Коринфскую (III в.), память которой празднуется 10 июня. В народе же это имя могло восприниматься как неблагозвучное, смешное. См., напр. следующее свидетельство: «В Топкине всегда было значительное число незаконнорожденных. Для острастки священники давали незаконнорожденным имена Иуда, Ел<и>конида и т.п., но прихожане Ел<и>кониду назыв<али> Елизаветой и т.д.» [16, с. 39]

гневные инвективы по поводу выражения «невывытое рыло», дискредитирующего Гоголя как великого писателя, поскольку тем самым он демонстрирует пренебрежение человеческим достоинством и так уже униженного своим бесправным положением крестьянина и заслуживает того, чтобы именоваться «проповедником кнута», «апостолом невежества», «панегириста татарских нравов» [3, с. 283].

Представленная в «Выбранных местах» в качестве рекомендуемой нормы речевая манера общения помещика с крестьянами обрела дальнейшую литературную судьбу. Она стала частью образной характеристики Фомы Фомича Опискина, центрального персонажа повести Ф.М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели», который, вразумляя и «просвещая» внимающих ему мужичков на гумне, отвечает на вопрос одного из них так: «А тебе какое дело, пехтерь! <...> Что ты мне моську-то свою выставил: плюнуть мне, что ли, в нее?» [11, с. 16]. Как показал Ю.Н. Тынянов, в образе Опискина пародируется Гоголь, автор «Выбранных мест из переписки с друзьями» [25, с. 212–226].

То, что Иваницкий в «Наталином дне» и Достоевский в «Селе Степанчикове» иронически апеллируют к Гоголю, очевидно. Но при этом возникает вопрос: не существует ли прямой связи между повестью Достоевского и произведением Иваницкого? Сделать такое предположение побуждает сходство группы из нескольких образных элементов в произведениях обоих писателей. В повести «Наталин день» барин Фома Фомич читает крепостному слуге Гавриле мораль по поводу его дурных речевых манер, употребляя выражения, эти же манеры демонстрирующие. В «Селе Степанчикове» барин-приживальщик Фома Фомич «воспитывает» дворовых в усадьбе, уличая их в речевом бескультурье, заставляя заучивать французские вокабулы как образцы высокой культуры, но используя как средство «воспитания» бранную лексику. Среди слуг, подвергающихся систематическому речевому истязанию – старый камердинер Гаврила. Совпадение или сходство одного из названных элементов могло бы расцениваться как случайность. Но воспроизведение комплекса, состоящего из четырех эле-

ментов (Фома Фомич, Гаврила, речевое «воспитание» и дискредитация его самим «воспитателем») дает повод предполагать наличие в «Селе Степанчикове» следов знакомства ее автора с повестью Иваницкого. Это тем более вероятно, что в повести «Натальин день» есть и другие, помимо входящих в описанный комплекс, образные элементы, соотносимые с произведением Достоевского⁵.

Следы эти обнаруживаются не только в «Селе Степанчикове», но и в другом произведении Достоевского, опубликованном в том же, что и «Село Степанчиково, 1859 г., – в повести «Дядюшкин сон». На сопоставление с ней «Натальина дня» наводит уже сходство подзаголовков обоих произведений: «Рассказ, заимствованный из летописей города Н.» у Иваницкого, «Из мордасовских летописей» у Достоевского. Сходство это может показаться малосущественным и случайным, но оно подкрепляется более весомыми аргументами. Наиболее значимым из них, является, пожалуй, образно-смысловая связь между Любовью Ерофеевной Сорокиной из «Натальина дня» и Марьей Александровной Москалевой из «Дядюшкина сна». Уже упомянутой ранее Любви Ерофеевне дана автором повести следующая развернутая характеристика – не только индивидуализирующая, но и придающая этому персонажу свойство образно-психологического обобщения: «Любовь Ерофеевна была не просто сплетница, негодная бабенка; нет, это была женщина-поэт. Хотя она не писала ни стихов, ни повестей, ни романов (даже почерк ее Антон Антонович сравнивал с следами ворон на песке), но каждое изустное создание ее дышало такой полнотой и довершенностью во всех своих частях, носило на себе печать такого глубокого знания сердца человеческого, и,

⁵ Так, например, пародийно обыгранная смена неблагозвучной фамилии Словоерсов на «поэтически» окрашенную Канареев у Иваницкого [13, с. 195] находит соответствие в терзаниях лакея Видоплясова, «секретаря» Фомы Фомича Опискина, желающего именоваться то Олеандровым, то Тюльпановым, то Верным, то Улановым, то Танцевым, то Эссбукетовым [11, с. 105].

наконец – что не всегда случается даже и с произведениями лучших поэтов, – было так верно исторически, что для объяснения каждой черты в этом создании приводилось множество разного рода документов, свидетельств, очевидцев, письменных памятников, изустных преданий и проч., и проч., и проч.» [13, с. 199]. С полным основанием на это изобретенную Иваницким формулу по отношению к матери применяет дочь Москалевой Зина: «Я нахожу еще, маменька, что у вас слишком много поэтических вдохновений, вы женщина-поэт, в полном смысле этого слова; вас здесь и называют так. У вас беспрерывно проекты. Невозможность и вздорность их вас не останавливает» [9, с. 321]. Зина словно бы переадресует Марье Александровне упрек в том, что она, ее дочь, идеальничает, глядя на грубую реальную действительность сквозь призму творчества плохо понимаемого ею самой, Марьей Александровной, Шекспира. Грандиозным, малооправданным, катастрофически рухнувшим является в повести, казалось бы виртуозно разработанный «поэтически», «проект» выдачи Зины замуж за престарелого и почти выжившего из ума князя К. Как «первая дама в Мордасове», Марья Александровна является литературной преемницей гоголевской «дамы приятной во всех отношениях». Есть в произведении Достоевского и парный ей образ «дамы просто приятной» – прокурорша Анна Николаевна Антипова⁶. Что же касается «поэтического создания» Марьи Александровны, то оно «дышит такой полнотой и довершенностью», на нем лежит печать такого «глубокого знания сердца человеческого», вдохновения и творческой инициативы, ему свойственна столь мощная психологическая суггестия, что даже критически мыслящая Зина, не говоря уже о менее состоятельном лично ее поклоннике Мозглякове, на каком-то этапе реализации «проекта» поддается влиянию матери и, хотя с оговорками, принимает участие в приурочивании князя к браку с собой.

⁶ О многочисленных и разноаспектных отсылках к произведениям Гоголя в «Дядюшкином сне» см.: [15]; заслуживающим особого внимания является обнаружение в образе Марьи Александровны черт пародирования «Выбранных мест из переписки с друзьями».

Современниками Достоевского и самим писателем повесть «Дядюшкин сон» не была оценена как творческая удача. Между тем А. Н. Плещеев, мнением которого Достоевский дорожил, не очень лестно отзываясь о произведении в целом, счел нужным особо отметить: «Но зато лицо Марьи Александровны превосходно, великолепно» [22, с. 442]. По мере осмысления «Дядюшкина сна» в историко-функциональном аспекте этому «лицу» придавалось все большее значение как культурно-психологическому типу. Так, в образе Марьи Александровны были усмотрены черты явления, квалифицируемого как «женский наполеонизм». Само явление это было своеобразной реакцией на «мужской шовинизм», характерную особенность русской общественной жизни середины XIX столетия [23]. О «мужском шовинизме», не используя сам этот термин, В.Г. Белинский писал в статье девятой цикла «Сочинения Александра Пушкина»: «Мужчина во всех состояниях, во всех слоях русского общества играет первую роль; но мы не скажем, чтоб женщина играла у нас вторую и низшую роль, потому что она ровно никакой роли не играет. Исключение остается только за высшим кругом, по крайней мере до известной степени <...> у нас не понимают и не хотят понимать, что такое женщина, не чувствуют в ней никакой потребности, не желают и не ищут ее, словом, оттого, что у нас нет женщины» [4, с. 399–400]. «Женский наполеонизм», стремление вмешаться в ход общественной жизни, проявить инициативу и подчинить своей воле межчеловеческие отношения в ближайшем окружении – естественная реакция на положение женщины в русском обществе. Но, формируясь в уродливых общественных условиях, он неизбежно принимает и уродливую, комическую форму, как это и происходит с Марьей Александровной у Достоевского, Любовью Ерофеевной у Иваницкого и Анной Григорьевной у Гоголя. «Наполеоновские войны» женщин ограничиваются бракосочетательными замыслами и завершаются «конфузиями», поскольку заключение брачных союзов регулируется в конечном счете мужскими интересами (сословными амбициями, экономическим расчетом, социальным престижем и проч.). В то же время в исторической

перспективе их зачинатели стоят «как бы у истоков общественного мнения», толкование ими событий и фактов «опирается не на их общественное положение или на служебное положение их мужей, а исключительно на собственный авторитет, собственную проницательность и догадливость» [19, с. 102].

Через полтора десятка лет после публикации повести «Дядюшкин сон» Достоевский характеризовал ее как «вещичку голубиноного незлобия и замечательной невинности». При переносе на сцену, полагал он, «еще водевильчик из нее бы можно сделать, но для комедии – мало содержания...» [10, с. 303]. Тем не менее, богатая сценическая история произведения показала, что из него в театральной интерпретации чаще всего получается исполненный социально-психологического смысла спектакль, а не «невинный» водевиль. И в литературоведении оно обрело статус, отличный от авторской характеристики: «Насыщенная комическими эпизодами провинциальная хроника перерастает под его <Достоевского. – С.Б.> пером в трагедию, ее заурядные бытовые конфликты обретают психологическую сложность и глубину» [26, с. 436].

Судя по тексту повести «Наталин день», ее автор тоже не ставил перед собой задач, выходящих за пределы юмористического разыгрывания бытовой ситуации, несмотря на то, что его социально-политические взгляды в конце 1840-х годов отличались критической направленностью по отношению к существующим порядкам. Этим его повесть отличается от произведений старшего брата и племянника, в которых нравы провинциального города стали объектом острой социальной сатиры (см., напр., повести А.И. Иванецкого «Неразменный червонец» и «Мечтатель», стихотворения Н.А. Иванецкого «Кадниковская ночь» и «Город мертвых»). Но если «Наталин день» попал в поле зрения Достоевского и нашел какой-то отклик в его творчестве, то оценка идейно-художественного потенциала этой повести несколько меняется.

Состоятельность предположения о том, что повесть Н. И. Иванецкого «Наталин день» каким-то образом оказалась причастной к творческой истории повестей «Дядюшкин сон» и

«Село Степанчиково и его обитатели», в значительной мере зависит от степени вероятности самого факта знакомства с ней Достоевского. Документальных подтверждений того, что имя Иваницкого было Достоевскому известно и что повесть «Наталин день» он читал, нет. Ни название произведения, ни имя автора в указателях к Полному собранию сочинений и Летописи жизни и творчества Достоевского не значатся.

И все-таки вероятность того, что Достоевский с повестью Иваницкого был знаком, высока. В 1849 г. он сотрудничал с журналом «Отечественные записки» и публиковал в нем по мере написания отдельные части романа «Неточка Незванова». В ночь с 23 на 24 апреля он был арестован по делу Петрашевского и заключен в Алексеевский равелин Петропавловской крепости. В период следствия, до 20 июня ему запрещалось переписываться с родными, читать книги и писать что-либо не относящееся к следственным делам. По получении разрешения на все это М. М. Достоевский 23 июля сообщил брату об отправке ему в крепость пяти номеров «Отечественных записок», не указывая при этом, каких именно. А 18 августа он написал о высылке № 1, 2 и 8 журнала. Следовательно, 23 июля Федору Михайловичу переправлялись № 3, 4, 5, 6 и 7 за 1849 год. В четвертом номере была помещена повесть Иваницкого «Наталин день», а в пятом – третья часть «Неточки Незвановой», с которой в печатном виде Достоевский до ареста познакомиться не мог. На протяжении августа и сентября он читал номера «Отечественных записок», а также Библию, Батюшкова, Шекспира и другие издания, пересланные братом [18, с. 172]. Все это время, до нового запрета на переписку в начале октября, Федор Михайлович старался не терять присутствия духа и даже, помимо интенсивного чтения, творчески работал (писал урывками рассказ «Маленький герой»). Чтение в условиях почти полной оторванности от окружающего мира было основным его занятием, присланные издания прочитывались им досконально, «от корки до корки». Так что повесть «Наталин день» мимо его внимания пройти не могла. Вряд ли она сама по себе, как художественное целое, произвела на Достоевского большое впечатление. Но отдельные

образы, детали, выражения из нее в памяти писателя остались и были в творчески трансформированном виде вовлечены в процесс формирования и реализации его собственных замыслов.

Литература

1. Автобиография Николая Ивановича Иваницкого // Шукинский сборник / Изд. отд. Императорского Российского историч. музея им. императора Александра III–Музея П.И. Шукина. – Вып. 8 – Москва : Синодальная типография, 1909. – С. 218–358.
2. Барсукова Н. П. Иваницкий Николай Александрович // Русские писатели 1800–1917 : биографический словарь. – Москва : Большая Российская энциклопедия, 1992. – Т. 2. – С. 367–368.
3. Белинский В. Г. <Письмо к Н. В. Гоголю> // Белинский В. Г. Собрание сочинений. В 9 томах. – Москва : Художественная литература, 1982. – Т. 8. – С. 281–289.
4. Белинский В. Г. Сочинения Александра Пушкина. Статья девятая. «Евгений Онегин» (окончание) // Белинский В. Г. Собрание сочинений. В 9 томах. – Москва : Художественная литература, 1981. – Т. 6. – С. 399–426.
5. Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями // Н. В. Гоголь Собрание сочинений. В 9 томах. – Москва : Русская книга, 1994. – Т. 6. – С. 5–193.
6. Гоголь Н. В. Женитьба. Совершенно невероятное событие в двух действиях (писана в 1833 году) // Н. В. Гоголь. Полное собрание сочинений и писем. В 23 томах. – Москва : Наука, 2023. – Т. 5. – С. 5–54.
7. Гоголь Н. В. Мертвые души. Поэма // Н. В. Гоголь. Полное собрание сочинений и писем. В 23 томах. – Москва : Наука, 2012. – Т. 7. – Кн. 1. – 809 с.
8. Дневник Кирилла Антоновича Березкина / под ред. Г. Л. Шалагиной. – Санкт-Петербург: [Нестор-История], 2014. – 276 с.
9. Достоевский Ф. М. Дядюшкин сон (Из мордасовских летописей) // Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинений. В 30 томах / ред. Г. М. Фридлендер ; текст подгот. и примеч. сост. А. В. Архи-

- пова [и др.]. – Ленинград : Наука, 1972. – Т. 2. – Ленинград : Наука, 1972. – С. 296–398.
10. Достоевский Ф. М. Письмо М.П. Федорову // Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинений. В 30 томах / ред. Г. М. Фридлендер ; текст подгот. и примеч. сост. А. В. Архипова [и др.]. – Ленинград : Наука, 1972. – Т. 29. – Кн. 1. – Ленинград : Наука, 1986. – С. 303–304.
 11. Достоевский Ф. М. Село Степанчиково и его обитателя (из записок неизвестного) // Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинений. В 30 томах / ред. Г. М. Фридлендер ; текст подгот. и примеч. сост. А. В. Архипова [и др.]. – Ленинград : Наука, 1972. – Т. 3. – С. 5–168.
 12. Иваницкий Н. И. <Гоголь – адъюнкт-профессор> / Н. И. Иваницкий // Гоголь в воспоминаниях современников / ред., предисл. и коммент. С. Машинского. – [Москва] : Гослитиздат, 1952. – С. 83–86.
 13. Иваницкий Н. И. Натальин день (Рассказ, заимствованный из летописей города Н.) // Отечественные записки. – 1849. – Т. 63. – № 4 (Отд. VIII. Смесь). – С. 195–218.
 14. Иванова Т. Г. Иваницкий Николай Иванович / Т. Г. Иванова, Н. Ф. Лищенко // Русские фольклористы : биобиблиографический словарь. XVIII–XIX вв. В 5 томах / под ред. Т. Г. Ивановой. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2017. – Т. 2 – С. 340–346.
 15. Кибальник С. А. Гоголевские дискурсы в повести Достоевского «Дядюшкин сон» / С. А. Кибальник // Н. В. Гоголь и его творческое наследие : десятилетия Гоголевские чтения : материалы докладов Международной научной конференции, Москва, 30 марта–2 апреля 2010 года / Департамент культуры г. Москвы, «Дом Н. В. Гоголя» – мемориальный музей и науч. б-ка ; под общ. ред. В. П. Викуловой. – Москва : Фестпартнер, 2010. – С. 251–258.
 16. Кулясов А. К. Приход села Алат, Казанского уезда / А. К. Кулясов. – Казань : Центральная типография, 1916. – 53 с.
 17. Левин Н. Ф. Педагог, писатель и краевед Николай Иваницкий / Н. Ф. Левин // Псков. – 2006. – № 25. – С. 41–49.
 18. Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского. В 3 томах. Т. 1. 1821–1864 / [сост. И. Д. Якубович, Т. И. Орнатская] ; [Институт

- русской литературы Академии наук ; под ред. Н. Ф. Будановой, Г. М. Фридлендера]. – Санкт-Петербург : Академический проект, 1993. – 544 с.
19. Манн Ю. В. Смелость изобретения : черты художественного мира Гоголя / Ю. В. Манн. – 3-е изд. – Москва : Детская литература, 1985. – 144 с.
 20. Машинский С. Комментарии / С. Машинский // Гоголь в воспоминаниях современников / ред., предисл. и коммент. С. Машинского. – [Москва]: Гослитиздат, 1952. – С. 585–684.
 21. Недзвецкий В. А. Манифест социальной беллетристики / В. А. Недзвецкий // Физиология Петербурга : [сборник]. – Москва : Советская Россия, 1984. – С. 5–28.
 22. Письма А. Н. Плещеева к Ф. М. Достоевскому // Ф. М. Достоевский : материалы и исследования / под ред. А. С. Долинина. – Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1935. – С. 431–504.
 23. Подосокорский Н. Н. Наполеоновские войны в «Дядюшкином сне» Ф. М. Достоевского / Н. Н. Подосокорский // Вопросы литературы. – 2011. – № 6. – С. 350–362.
 24. Радонежский А. Исторический очерк Пятой С-Петербургской гимназии (1845–1873) / А. Радонежский. – Санкт-Петербург : тип. В. С. Балашева, 1874. – [4], II, [2], 173 с.
 25. Тынянов Ю. Н. Достоевский и Гоголь (к теории пародии) / Ю. Н. Тынянов // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино / Ю. Н. Тынянов. – Москва : Наука, 1977. – С. 198–226.
 26. Фридлендер Г. М. Достоевский-сатирик / Г. М. Финдлендер // Достоевский Ф. М. Дядюшкин сон; Село Степанчиково и его обитатели; Скверный анекдот / Ф. М. Достоевский ; [авт. посл. Г. М. Фридлендер]. – Ленинград : Лениздат, 1982. – С. 435–442.

СОДЕРЖАНИЕ

Большакова А. Ю. «Отвори мне духовные очи...» Воля к просветлению истории в творчестве В. И. Белова	3
Серова Н. С. Мы пришли к Белову в гости	13
Соколова К. Н., Трикоз Э. Л. Белов и Шукшин: о чем рассказывает фонд вологодского музея-квартиры писателя	22
Столетова А. С. Анализ состояния русской культуры и уровней общественного сознания в письмах творческой интеллигенции В. И. Белову на рубеже 1980-х гг.	31
Красова Е. А. Образ-мотив души в повести В. И. Белова «Привычное дело»	43
Петров А. В. Мотив стояния за родную деревню в деревенской прозе и поэзии	49
Сальников А. К. Северная Фиваида: на пути от опустошения к возрождению	60
Катаева И. Н. Проблема патриотического воспитания на уроках литературы и во внеурочной деятельности в педагогическом колледже	82
Гришонкова Т. А. Философско-эстетическая проблематика рассказа Василия Белова «Душа бессмертна» и ее рассмотрение на библиотечном занятии, посвященном творчеству писателя	96
Трикоз Э. Л. «Близкий и свойский человек»: Есенинские истории вологодских писателей	106
Пологих Е. В. Пребывание Есенина на Вологодчине в творчестве писателей края	125
Загуменнов А. В. Языковые и неязыковые слои в стихотворении	137
Клюева Н. А. «Звук ангелу собрат, бесплотному лучу...»	137
Федорова А. В. Сергей Викулов о поэтах и поэзии	146
Пешкова Н. В., Голубова О. Г. Созвездие грязовчан в литературной жизни Вологодчины	157

Губайдуллин В. З. Путешествие вологодских писателей по Енисею летом 1973 года	167
Романова Е. В. Николай Рубцов и его поэзия в аспекте музееведения	181
Фоминская Т. М. Вологодский библиогид: региональное книгоиздание и итоги конкурса «Вологодская книга года-2024»	189
Якушева Л. А. Вологодские авторы на современной сцене: имена, приемы, образы	196
Кутурмина М. В. Мир природы в прозе Н. М. Мелехиной	204
Дегтерев Н. А. Принцип контраста в поэзии Сергея Королева	213
Титова Е. В. Две незамеченных Елены в вологодской литературе рубежа хх–ххi веков (Елена Виноградова и Елена Белова)	222
Жернова Н. С. Образ ребенка в художественном мире М. В. Гусевой	235
Баранов С. Ю. Между Гоголем и Достоевским (Повесть Н. И. Иваницкого «Наталин день»)	243

Научное издание

БЕЛОВСКИЙ СБОРНИК

Выпуск 11

Ответственный редактор, составитель:

Баранов Сергей Юрьевич

Подписано в печать 22.12.2025.

Формат 60×84/16. Усл. печ. л. 15,34. Тираж 100 экз.

БУК ВО «Вологодская областная универсальная
научная библиотека»

160000, г. Вологда, ул. Марии Ульяновой, 1

ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет»

160000, г. Вологда, ул. Ленина, 15

ISBN 978-5-6054173-2-3

